

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ
» ЛИСТОЧКА «

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ ЛИСТОЧКА

Скандинавские
народные сказки

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1986

Предисловие, перевод и обработка
Людмилы Брауде

Художник
Тамара Юфа

О ЧЁМ ПЕЛИ ТРИ ВОЛШЕБНЫХ ЛИСТОЧКА

Тип, тап, тённе.
Теперь начнём мы!
(Из датской народной сказки)

Много на свете деревьев, самых разных. Одно дерево волшебное, оно в яблоневом саду растёт и любую, самую тяжкую хворь исцеляет. Другое, ореховое, с тремя золотыми волшебными листочками. Всё-то они играют и поют, до того сладко! О чём же поют эти листочки? О чём звенит цветущая волшебная липа — такая тоже на свете есть, — о чём поёт соловей на её ветвях? Слушай внимательно, и ты услышишь сказки о чудесных тайнах, которые открываются только самым трудолюбивым, самым умным, самым смелым, любящим и добрым!

Подойди к волшебному дереву в яблоневом саду, и ты услышишь, как подарило оно свои целебные яблоки простому и доброму крестьянскому парню. Подойди к ореховому дереву, и три золотых листочка споют тебе о верной, прекрасной любви принца Хатта и его жены. А цветущая липа и соловей на её ветвях расскажут тебе о Маленькой Розе, девочке, которой всякий труд был в радость, о злой её мачехе и мачехиной дочке — Сквернавке Долговязой, о том, как они извести её хотели. И ещё о многом, многом другом расскажут тебе цветущая липа и соловей на её ветвях.

Где же растут такие чудесные деревья? Конечно, в сказочном лесу. А найдёшь ты этот лес в книжке «Три волшебных листочка», где собраны волшебные сказки трёх северных стран — Норвегии, Швеции и Дании.

Взгляни на карту мира! Между Северным и Балтийским морями ты увидишь полуостров, похожий на собаку, а рядом много-много крупных и мелких островов. Это — Скандинавский полуостров, самый большой в Европе, и, кроме Северного и Балтийского, его омывают ещё Норвежское и Баренцево моря. На Скандинавском полуострове и на островах и расположены три скандинавских государства, три соседа — Норвегия, Швеция и Дания.

Там много бурных порожистых рек, высоких гор и поросших вереском плоскогорий, дремучих лесов и болот. А живут там умные, храбрые, добрые люди — норвежцы, шведы и датчане, — смелые мореходы и рыбаки, удачливые рудокопы и охотники, трудолюбивые земледельцы, дровосеки и углежоги...

Крестьян-земледельцев в этих странах называют по-разному: в Норвегии и Дании — хусманы, в Швеции — торпари. Но все они — безземельные бедняки, арендаторы. Дети их вынуждены сизмальства задумываться о своей судьбе, а часто и на заработки идти. И не удивительно, что в скандинавских сказках так много говорится о жизни бедняков. Датский пролетарский писатель Мартин Андерсен-Нексе постоянно вспоминал датскую народную сказку «Кто первый разозлится», и особенно присказку из неё: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!»

Народные сказки, услышанные в детстве, оставляют в душе глубокий след на всю жизнь. Как пишет шведская писательница Астрид Линдгрен, слова «Звенит ли моя липа, поёт ли соловей...» из шведской народной сказки западают в душу ребёнка, подобно утренней росе, что опускается на зелёный луг. И сама она с детства полюбила шведскую народную сказку «Три волшебных листочка».

Другой знаменитый сказочник — датчанин Ханс Кристиан Андерсен также хорошо знал и любил скандинавские народные сказки. Ещё ребёнком слышал будущий писатель о бравом датском солдате, о том, как он чертей победил, о шведском Охотнике Брюте и о норвежских ведьмах-хульдрах. Уже взрослым сравнивал Андерсен путь к поэзии с подвигом героя норвежской народной сказки Аскеладдена. Ведь он на скользкую Хрустальную гору взобрался и завоевал принцессу!

Но не только такие, отмеченные вниманием знаменитых людей, волшебные сказки вошли в наш сборник. Здесь много и других, тоже волшебных. А собрали, записали и впервые напечатали их скандинавские учёные-фольклористы, скандинавские, как их называют, «братья Гримм» — норвежцы Петер Кристен Асбьёрнсен и Йёрген Ингебретсен Му, швед Гуннар Улоф Хюльтен-Каваллиус, датчанин Свен Херслеб Грундтвиг и ещё многие-многие другие; кто не хотел, чтобы сказки эти были забыты. Ведь раньше, даже и во времена детства Андерсена, народные сказки переходили из уст в уста, их слушали вечером у домашнего очага, слушали на вырубке в лесу, в горах, на берегу моря. А потом скандинавские учёные стали собирать эти сказки и печатать их в своих странах, чтобы каждый взрослый и ребёнок мог взять в руки книгу и прочитать их.

Что же это за сказки? Есть среди них такие, со знакомыми сюжетами и мотивами, что пришли из других стран. Недаром сказку называют странницей пыльных дорог. И в других краях встречаются сказки о том, как простой крестьянин с нечистой силой состязался или как братья поле отцовское караулили. А разве нет там сказок о верной любви, что всегда побеждает, или о злых мачехах, которые падчериц своих извести хотели, или о простом крестьянском парне, который принцессу смеяться заставил?

Однако у скандинавских народных сказок, хотя они и похожи на сказки других народов, есть свои особенности. В норвежских народных сказках, которые братья Гримм называли «лучшими сказками на свете», есть всё, что дорого норвежцам: фьорд во время бури, синеющие скалы и белые утёсы, восход солнца над горами, сочная зелёная трава, лыжи-самоходы. Здесь владевают горные, лесные и прочие тролли и троллихи. Ведь троллей породили норвежские горы и леса! Тролли близки окружающей их природе. Кожа троллей напоминает по цвету скалы и мхи, она покрывается деревьями и кустарниками. Тролли так велики, что голова их часто касается горных вершин, и лесные деревья кажутся по сравнению с ними ничтожными былинками. Тролли бывают о трёх, о девяти, о двенадцати головах. Чаще всего они неслышанно глупы, лекаверны и добродушны. Встречаются они на суше и в воде. Иногда эти чудовища сеют несчастье и смерть, иногда спокойно лежат в лесных озёрах, выглядывая оттуда своим единственным глазом. То и дело перекликаются они на плоскогорьях. Голоса их звучат как стон или как гром, а эхо разносит их в горах далеко-далеко.

Герой норвежских народных сказок, как волшебных, так и бытовых, — младший нелюбимый сын Эсбен Аскеладд (Аскеладден), или Эсбен Замарашка, Эсбен Запечник. Он всегда сидит в ящике с золой за печью, и все считают его глупым недотёпой. Он же постоянно одерживает верх над своими старшими братьями. Аскеладден — смелый, любознательный, добрый и справедливый, спокойный, умный и находчивый, чего никак не скажешь о его братьях. И не только Аскеладден, но и многие другие герои норвежских народных сказок всегда побеждают своих врагов — троллей, чертей и богатеев и добиваются невозможного, как в сказках «Кто нынче мал, завтра велик», «Шкипер и чёрт», «Принцесса с Хрустальной горы» и т.д.

В шведских народных сказках тролли тоже встречаются, но они чаще добрые и помогают людям. Спас Охотник Брюте маленького троллёнка от когтей орла да и задумался: «Вроде зря орла загубил. Чего троллево отродье жалеть!» А потом взглянул на троллёнка, увидел, что тот добрый да ласковый, и успокоился. Подарили старые тролли Охотнику Брюте за то, что он их дитя спас, серого ослика, деревянную дудочку и старое ружьё. Помогли Брюте эти подарки на красавице принцессе жениться и королём стать.

Добры в шведских народных сказках и друзья человека — воздушные эльфы. Враги же его — злые, падкие на золото ведьмы да страшные великаны, живущие в горах. С ними борются и побеждают их умные и бесстрашные бедняки, для которых, как в сказке «Златогривый конь», свобода дороже всего. А залог их счастья — доброта. И если принцесса из сказки «Три волшебных листочка» не выдержала поначалу испытания, всё равно любовь помогла ей найти мужа и освободить его от волшебных чар. Даже страшные троллихи не могут устоять перед учтивостью принцессы. В сказках всё кончается благополучно. Лопаются от злости, падают в котёл с кипящей водой, превращаются в груды камней страшные ведьмы, а герои, преодолев препятствия, обретают счастье.

В датских народных сказках, в том числе и в волшебных, много описаний крестьянской жизни. Даже датские сказочные короли похожи на крестьян, только чуть побогаче их, а королевны с принцессами щеголяют в передниках и ходят на базар. Тролли там скорее похожи на зажиточных крестьян, чем на могущественных волшебников. Правда, троллей в Дании поменьше, чем в Норвегии, и они не так могущественны. Сохранилось интересное

высказывание известного норвежского писателя Бьёрнстjerne Бьёрсона о датских троллях: «В Швеции тоже есть тролли, но их никогда не бывает в славных равнинных датских землях... тролли там не уживаются. Случается, конечно, время от времени какому-нибудь троллю перейти вброд море и окинуть взором безлесные, озарённые солнцем датские земли. Но покачает он своими головами — и снова переходит вброд море, вскипающее пеной под его тяжёлыми шагами. Он возвращается в Норвегию, потому что там — его родина».

Встречаются в датских народных сказках и колдуны, происходят там и волшебные превращения. Однако герои, которым порой помогают разные волшебники — старички и старушки, чаще счастливы благодаря своей природной смекалке, состраданию к тем, кто попал в беду, своей вежливости. Чаще всего счастье выпадает на долю самого младшего, незащищённого, который оказывается сильнее и умнее, вернее и честнее других и справляется с трудностями, перед которыми бессильны даже старшие и более умные. Казалось бы, только «Вечер добрый!» говорит младший брат, а сколько хорошего выпадает ему на долю! Женится он на королевской дочери и получает ещё полкоролевства в придачу! Зато спесивые, злые, глупые — наказаны. Герои датских народных сказок обычно безымянны, но уж если их как-то называют, то самыми распространёнными сказочными именами Европы: Ханс (Иван, Жан, Ганс, Йоханнес) или Пер, Пол, Эспен и т. д. Эти герои не испытывают колебаний и сомнений, а любовь для них нечто само собой разумеющееся.

В скандинавских народных сказках, впрочем, как и в сказках других народов, часто встречается число три: в семье обычно трое сыновей, которые преодолевают три испытания, совершают три подвига, добывают три сокровища и т. д. Каждое новое испытание, каждый новый подвиг — труднее, а каждое сокровище — драгоценнее прежнего; и если герой попадает сначала в лес из серебра, то потом дорога приводит его в лес из золота, а под конец — в лес из драгоценных камней.

Волшебные народные сказки чаще всего кончаются счастливо, и завершают их слова иногда напоминающие таинственное заклинание:

Снип, снап, снурре,
Конец моей истории!

* * *

Ну вот, теперь ты знаешь, о чём шелестит волшебное дерево в яблоневом саду, о чём поют три золотых листочка и что рассказывают цветущая липа и соловей на её ветвях. И они научили тебя любить скандинавские волшебные сказки, правда?!

А теперь остаётся лишь добавить:

Снип, снап, снурре,
Конец моей истории!

Людмила Брауде.

НОРВЕЖСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КОЗА — ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ

Жила-была в Сульхейме, в Халлингдале, жена богатого хуторянина. Была она такая злая и жадная, что никакой меры не знала: морила голодом и работников, и скотину. Скотина — так та бессловесная, а из людей, бывало, тоже никто ей слова поперёк не молвит. Боялись, как бы хозяйка вовсе голодом не уморила. Один только смелый человек и нашёлся.

Пришлось как-то сульхеймским хозяевам новый сеновал ставить. Старый насквозь прогнил, вот-вот рухнет.

Позвали хозяева плотника новый сеновал рубить. Звали того плотника Пер. Работник он был умелый, а доброму работнику и харчи добрые нужны. Но кормили его скудно, только и давала ему хозяйка ржавую селёдку да жидкую молочную кашу. Поэтому иначе как Сквалыгой работник свою хозяйку и не называл.

Говорит она с ним, а он ей в ответ:

— Чего тебе, Сквалыга?

Честит её, честит, да так обидно, что под конец она и заговаривать с ним стала бояться.

Сидит раз Пер наверху, венцы мастерит, а мимо сульхеймская хозяйка идёт.

— Забрался бы ты, Пер, повыше! — говорит она ему.

А он ей в ответ:

— Я б забрался, да брюхо пустое не пускает!

Ни слова не вымолвила хозяйка, но с тех пор не так уж скупилась на еду. И не потому, что усовестилась или щедрее стала. Знала она — Пер на язык остёр, вот и боялась, как бы не ослабил он её за скарედность. Пер-то по всему приходу плотничал.

Только ненадолго доброты её хватило.

Скотине у сульхеймской хозяйки тоже не очень хорошо жилось. В зимнюю пору коровам только и давали что еловую хвою. А уж охапка ягеля или лишайника им и вовсе редко перепадала. Коровы всё же доились, но молоко было такое жидкое, что и капли жира не сыщешь! Годилось оно разве что на подливу в жидкую кашу, а ещё из него сыр к пиву варили.

Коровы — твари бессловесные, говорить не могут. Глядели они только на хозяйку во все глаза, да так тоскливо, что камень бы разжалобили, не то что сердце человеческое, да вот беда — сердца у неё не было.

Зайдёт хозяйка к коровам в стойло, а они ей руку шершавыми языками лижут, благодарят, верно, что до смерти не утомила. Поглядел бы ты на этих коров весной, когда они на волю выходили! Кожа да кости! И до того они были слабые, хворые, отошавшие, что и на ногах не держались, то и дело спотыкались и падали.

Отвыкали коровы от свежего воздуха и бродили по двору, будто хмельные.

Да что скотина! Своим родным детям и то хозяйка куска хлеба жалела. До того довела, что они, бывало, украдкой в чужих клетях и в стаббюре кормились. Стаббюр — это такая кладовка на сваях, где в норвежских деревнях припасы съестные хранятся. Набрасывались ребятишки на еду, как голодные волчата, будто у них целую неделю крошки во рту не было.

Терпели дети голод, но не смели матери слова поперёк сказать, не смели даже при ней плакать. А не то пришлось бы отведасть берёзовых розог, что на стропилах под самой крышей висели. Если же вовсе не вмоготу становилось, убегали ребятишки на соседний хутор Глитрепlass к жене бедного хусмана Рагнихильд. Выплачутся там, на нужду посетуют, а Рагнихильд последние крошки между ними и собственными детьми поделит. Но часто и у неё ничего не было, так что и она, и дети её голодали.

Была на хуторе Глитрепlass всего одна коровёнка, но Рагнихильд холила её, как дитя родное. Зимой то Рагнихильд, то сам хозяин отправлялись в горы и привозили корове полные сани моха. И дава-

ла корова молока столько, что почти всем хватало: и своим, и чужим детям. Не то что в Сульхейме.

Рагнихильд не раз ругала сульхеймскую хозяйку:

— Свести у тебя нет! Детей бы хоть пожалела!

А с той как с гуся вода. Ведь Рагнихильд-то всего-навсего жена хусмана! Пропускала богачка мимо ушей её слова.

Настало лето, и выгнала сульхеймская хозяйка скот на горное пастбище — сетер. А там цветы — не налюбуйшься, воздух — не надышишься. Всё кругом зеленеет и цветёт, на каждом кусту птишки поют. Только хозяйке не до цветов, не до птишек. У неё, как и у пастуха с работниками, дел хватало: никак было изголодавшуюся скотину на выпасе не собрать. Дома коровы всю кору с деревьев обглодали, всю траву объели. А теперь на сетере как завидят зелёный лужок либо кустик на косогоре, так и рвутся туда свежей травкой да листвою полакомиться. Телята и тёлки годовалые бегают по выгону, брыкаются. Поглядишь на них — сердце радуется.

Как-то под вечер, только пастух управился, прибегает работница и говорит:

— В загоне на сетере чужая коза ходит, большущая-пребольшущая, рожки у неё золотые, а сама вся так и сверкает. Шёрстка у неё будто шёлковая!

— Ну чего околёсицу несёшь! — в сердцах сказала хозяйка.

Однако не утерпела и пошла взглянуть на диковинную козу. Только рожек золотых она у козы не заметила, а шёрстка была на вид вроде как и у её коз Лок и Страд.

Стоит хозяйка в загоне и вдруг слышит: далеко-далеко в горах кто-то запел, да так красиво:

Отдай Корову — Чёрные Ножки,
Получишь Козу — Золотые Рожки!
Отдай Корову — Чёрные Ножки,
Получишь Козу — Золотые Рожки!

Ну и разозлилась сульхеймская хозяйка!

Видно, кто-то из соседей над ней насмехается, за скаредность дразнит. Заругалась она, забранилась, стала кричать:

— Буду я свою корову на какую-то паршивую козу менять! Да я свою корову и на дюжину таких коз не променяю!

Замахнулась хозяйка хворостиной на чужую козу и погнала её с сетера подальше в лес.

Вдруг слышит: кто-то далеко-далеко в горах кличет:

Ступай домой, Коза — Золотые Рожки!
Ступай домой, Коза — Золотые Рожки!
Золотые Рожки!

А тут и рог затрубил. По холмам и горам прокатился долгий-долгий отголосок и замер далеко-далеко, высоко-высоко на снежных вершинах.

Немного погодя отправилась хозяйка домой, а на сетер пришла Рагнихильд Глитре. Сульхеймская хозяйка позволила жене бедного хусмана единственную её темнобокую коровёнку на своём горном выгоне попасти. А за то должна была Рагнихильд работницам по хозяйству помогать. Ну а лучше Рагнихильд никому на сетере не управиться — до того была ловка. Работа у неё в руках спорилась, и при ней на сетере все будто само собой делалось. И такое она вкусное масло сбивала, такой мягкий сыр варила, что никто с Рагнихильд в этом не мог сравниться!

Вот как-то вечером доит она вместе со скотницами хозяйских коров. Вдруг коровы точно взбеленились — на месте не стоят, брыкаются, будто слепень к ним пристал. А рыжий бык как замычит да как пустится к загону бежать! И ещё пуще мычит! Глянула Рагнихильд вверх, и видится ей: летит что-то над изгородью быстро-быстро, а что летит — никак не разобрать. Вроде бы звериной шкуры клоч!

Обернулась Рагнихильд и глазам не верит: на шее у её темнобокой коровёнки лента повязана! Сняли работницы ленту и думают: «Не иначе хульдра (так в народе злую ведьму зовут) ленту повязала, и над изгородью не иначе как она летела! Выходит, не почудилось Рагнихильд!»

Стали работницы снова коров доить, а Рагнихильд слышит вдруг, будто её кто-то зовёт:

— Рагнихильд!

— Тут я! — отвечает Рагнихильд.

И слышит: запел кто-то среди крутых высоких скал:

Козу, коль нравится, бери,
А мне корову подари!
Козу, коль нравится, бери,
А мне корову подари!

«Повязала хульдра ленту, всё равно корове пропадать, — подумала Рагнихильд, — обменяю-ка я её лучше на козу».

— Ладно, — говорит она. — Давай козу!

Рано-рано поутру, ещё солнце из-за гор не вышло, явилась Рагнихильд на выгон. Глядит: нет её коровы, зато лежит на огромном камне коза с золотыми рожками и шёлковой шёрсткой. И такая она красивая да ладная, что, сколько ни ищи, под стать ей во всей долине не сыщешь. И ростом большая, не меньше тёлки. И молока надоила от неё Рагнихильд не меньше, чем от коровы.

Вернулась Рагнихильд с сетера домой и Козу — Золотые Рожки с собой привела. Вот было радости детишкам! Прыгают, пляшут! Радуются, что будет у них теперь козье молоко. А пуще всего радуются, что будет у них козочка, да ещё с золотыми рожками и шелковистой шёрсткой!

Построили они ей маленький хлев и стали корм запасать: и листья, и кору, и хвою еловую, и мох, — чтоб не сидеть козе голодом зимой. Днём паслась Коза — Золотые Рожки в лесу, сама себе листья и кору выискивала, вечером домой возвращалась. Молоко у неё было жирное да сладкое!

А как подошло рождество, принесла Коза — Золотые Рожки двух козлят. Ну и обрадовались дети! Взяли козлят в горницу и принялись их лентами обрывать.

Подросли козлята, стали на стол да на печку, а то ещё и на постель прыгать. Вот радости было! Хохоцут дети, в ладоши хлопают.

Под конец народилось у Козы — Золотые Рожки столько козлят, что стала их Рагнихильд продавать, а на вырученные деньги купила себе и корову, и лошадь.

С тех пор не знали её дети голода и нужды. Сульхеймских ребятишек Рагнихильд к себе взяла и вместе со своими растила. А про сульхеймскую хозяйку все давно и думать позабыли.

ПРИНЦЕССА С ХРУСТАЛЬНОЙ ГОРЫ

Жил-был на свете крестьянин — ни богат, ни беден. И было у него три сына. Меньшого — ты, верно, и сам догадался — Аскеладен¹ звали. Он всё больше за печкой, в ящике с золой, сидел, да и слыл к тому же придурковатым.

А ещё был у крестьянина высоко в горах большой зелёный луг. Поставил крестьянин там на косогоре сеновал — сено складывать.

¹ В норвежских народных сказках главного героя чаще всего называют Эспен Аскеладд или Аскеладен. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Только в последние годы, слышать, не больно сеновал от сена ломился. Раз в году, когда трава была особенно густой и высокой, повадился кто-то ночью её дочиста объедать да вытаптывать. Словно табун лошадей там до самого утра пасся!

Стерпел хозяин такое раз, стерпел другой, а на третий обидно ему стало. Призвал он сынов своих да и говорит старшему:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба. Жаль будет, коли траву опять объедят да вытопчут!

— Так и быть! — отвечает старший сын. — Посторожу я травку на лугу. Ни людям, ни скотине, ни троллям ни единой былинки не уступлю!

Только вечер настал, пошёл старший сын на сеновал и сразу спать завалился. Спит — и ухом не ведёт! Ночью земля вдруг как затрясётся, стены и крыша сеновала как задрожат! Проснулся парень, и до того страшно ему стало! Вскочил он и кинулся бежать без оглядки. А травы на лугу снова как не бывало!

Разгневался крестьянин, на чём свет стоит старшего сына ругает. Да что поделаешь, коли сын трусом уродился!

Минул год. Крестьянин опять сынов призывает и говорит среднему сыну:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба. Худо будет, коли нам снова сена своего не видать!

— Так и быть! — отвечает средний сын. — Посторожу я травку на лугу. Ни людям, ни скотине, ни троллям ни единой былинки не уступлю!

Только вечер настал, пошёл средний сын на сеновал и сразу спать завалился. Точь-в-точь как его старший брат. Спит без задних ног. Ночью земля вдруг как затрясётся, стены и крыша сеновала как задрожат! Куда сильнее, чем в прошлом году. Проснулся парень, и до того страшно ему стало! Вскочил он и кинулся бежать что есть духу. А утром травы на лугу снова как не бывало!

Разгневался крестьянин, на чём свет стоит среднего сына ругает. Да что поделаешь, коли и этот сын трусом уродился!

Минул год. Крестьянин опять сынов призывает и говорит младшему сыну Аскеладдену:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба! Беда, коли опять у нас всю траву объедят да вытопчут.

— Так и быть! — отвечает Аскеладден. — Посторожу я травку на лугу!

Но больше ничего отцу не посулил и сразу же на луг стал собираться.

Тут братья как захохочут, чуть от смеха не лопнули.

— Это он-то травку постережёт?! Ха-ха-ха! Мы и то не смогли, где уж Аскеладдену! Ему бы только в ящике с золой за печкой сидеть да греться! Замарашка этакий!

Аскеладден на их речи и внимания не обращает, в их сторону даже не глядит.

Только вечер настал, пошёл младший сын на сеновал, лёг на сено, но спать не спал, а всё прислушивался. Час проходит, другой проходит; загремело вдруг, загрохотало — до того страшно!

«Э, нет, меня не запугаешь, — думает Аскеладден. — Только бы хуже не было! А такое я выдержу!»

Немного погода опять загремело, загрохотало, земля затряслась. Сено на сеновале так ходунгом и ходит.

«Э, нет, меня не запугаешь! — думает Аскеладден. — Только бы хуже не было! А такое я выдержу!»

Вскоре опять загремело, загрохотало, земля затряслась, стены и крыша сеновала задрожали, вот-вот рухнут! Потом вдруг всё стихло.

«Верно, скоро опять загремит!» — решил Аскеладден.

Однако кругом по-прежнему тихо-претихо было. И чудится вдруг ему, будто у самых дверей сеновала конь ржёт. Подкрался Аскеладден к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь осёдланный стоит, сено жуёт. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. А на спине у коня доспехи рыцарские медные будто солнышко сверкают.

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через голову коня и перекинул. А была в том огниве такая волшебная сила, что конь тут же как вкопанный стал, с места двинуться не может — сам Аскеладдену в руки дался.

Вскочил крестьянский сын колю на спину и прочь поскакал. Спрятал Аскеладден коня в потайном местечке — он один о нём знал — и домой пошёл.

Приходит, а братья давай над ним глумиться да насмехаться:

— Недолго же ты бока на сеновале отлёживал, если вообще там был!

— Был я на сеновале, — отвечает Аскеладден, — до самого восхода солнышка. Только ночью ничего не видал и не слышал. Ума не приложу, кто вас так напугал!

братья рассердились.

— Ладно, поглядим, хорошо ли ты зелёный луг сторожил! Пришли они на зелёный луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Невзлюбили братья Аскеладдена, ходят — носы от него воротят. А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Минул год. Пришла пора траву на лугу зелёном сторожить. Не хотят старшие братья на сеновал идти: насмерть в первый раз перепугались, забыть про то никак не могут. Один Аскеладден ничего не боится!

Снова пошёл он на сеновал, лёг на сено и прислушался. Загremело вдруг, загрохотало, земля затряслась. Потом второй раз, третий! Только гремело и грохотало куда сильнее, чем в прошлом году. А потом разом тихо-претихо стало! И слышится Аскеладдену, будто у самых дверей сеновала конь ржёт. Подкрался он к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь осёдланный стоит, сено жуёт. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. Куда прежде-нему до этого! А на спине у коня доспехи рыцарские чистого серебра будто звёзды горят!

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через гриву коня и перекинул. Конь тут же как вкопанный стал, будто кто в цепи его заковал, — сам Аскеладдену в руки дался.

Вскочил крестьянский сын коню на спину и прочь поскакал. Спрятал он коня в потайном местечке, где первый пленник его стоял, и домой пошёл.

Приходит, а братья давай над ним, как и в прошлый раз, глумиться да насмехаться:

— Ну как там нынче на зелёном лугу? Ни травинки, верно, не осталось?!

— А вы сами посмотрите! — отвечает Аскеладден.

— Ладно, поглядим, хорошо ли ты зелёный луг сторожил! — рассердились братья.

Пришли они на зелёный луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Что тут с братьями сделалось! Видеть младшего не могут, носы от него воротят. А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Ещё год минул. Пришла пора траву на лугу зелёном сторожить. Не хотят старшие братья на сеновал идти: насмерть в первый раз испугались, забыть про то никак не могут. Один Аскеладден ничего не боится!

Снова пошёл он на сеновал, лёг на сено, прислушался. Загremело вдруг, загрохотало, земля затряслась. Потом второй раз, третий! Только гремело и грохотало куда сильнее, чем в прошлом году. Последний раз как грохнет — Аскеладден к другой стенке сеновала отлетел! А потом разом тихо-претихо стало! И чудится Аскеладдену, будто у самых дверей сеновала конь ржёт. Подкрался он к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь осёдланный стоит, сено жуёт. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. Куда двум прежним до этого! А на спине у коня доспехи рыцарские чистого золота будто месяц сияют!

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через хвост коня и перекинул. Конь тут же как вкопанный стал, будто кто его к земле пригвоздил, — сам Аскеладдену в руки дался.

Вскочил крестьянский сын коню на спину и прочь поскакал. Спрятал он коня в потайном местечке, где два других его пленника стояли, и домой пошёл.

Приходит, а братья снова давай над ним глумиться да насмехаться:

— Ну, нынче ты, видать, на совесть зелёный луг сторожил! Глаза до сих пор продрать не можешь!

— Пойдите сами посмотрите! — отвечает Аскеладден.

Пришли они на зелёный луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Обозлились братья, что Аскеладден их умнее да удачливее, ходят — носы от него воротят. А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Слышат вдруг братья: кто-то по дороге скачет. Выбежали они за ворота, а навстречу им — гонец королевский на вороном коне мчится и громко возвещает:

— Тому, кто на вершину Хрустальной горы трижды верхом на коне въедет и трижды золотое яблоко из рук королевской дочери вырвет, король отдаст её в жёны и полкоролевства в придачу!

Гонец протрубил и дальше помчался — по всей стране и в иноземных государствах волю королевскую возвещать.

Призадумались братья. Знали они, что принцесса — красоты неопишумой. Кто на неё глянет, тотчас жениться готов, даже без всякого приданого. А тут ещё полкоролевства в придачу! Все принцы и рыцари небось тотчас теперь к Хрустальной горе кинутся. А гора эта высокая-превысокая, крутая-прекрутая, да к тому же гладкая и скользкая, будто ледяная. Туда не то что на коне верхом — ползком не поднимешься! А королевская дочка на самой вершине сидит!

Всё же решили старшие братья счастья попытать, к королевскому двору отправиться. Аскеладден тоже было за ними увязался. А они как закричат:

— Ты что?! Никак прямо из ящика с золой к королевскому двору собрался! Да если ты, урод и грязнуля, с нами пойдёшь, нас на смех поднимут!

— Больно надо мне с вами идти! — отвечает Аскеладден. — Я и один могу!

Отправились старшие братья к королевскому двору. А младший где-то сзади один плетётся.

Шли братья, шли и пришли к Хрустальной горе. А там принцев и рыцарей со всего света видимо-невидимо — один другого краше, один другого нарядней. Кони под ними рослые, сильные, так и приплясывают. И каждый принц и рыцарь об удаче мечтает: уж кому-кому, а ему-то принцесса и полкоролевства непременно достанутся.

Гарцуют всадники на взмыленных конях, на Хрустальную гору въехать стараются. Да всё зря. Только конь на гору ступит, ноги у него, как на льду, разъезжаются. Ни один конь выше нескольких футов¹ не поднялся.

До самого вечера принцы и рыцари счастья пытали, по многу раз вверх и вниз скользили, а всё без толку. Пришлось им под конец отступить.

Король уже объявить собрался, что состязание на следующий день заново начнётся. Тогда дело, может, лучше сладится. Но тут вдруг, откуда ни возмись, ещё один рыцарь верхом на коне скачет. Никто такого доброго коня никогда прежде в глаза не видывал. О самом рыцаре и говорить нечего, до того собой хорош! Доспехи его, седло и уздечка конские — медные, на солнце так и сверкают!

¹ Фут — английская мера длины, приблизительно равная длине ступни человека (30,5 см).

Стали тут ему рыцари и принцы кричать:

— Не трудись — на Хрустальную гору никому не въехать! Ничего и у тебя не выйдет!

Но рыцарь в медных доспехах будто и не слышит — к Хрустальной горе подскакал и наверх махнул, всё выше и выше поднимается, словно ему это нипочём. Но только треть горы одолел — взял вдруг да и поворотил коня. Стал вниз съезжать.

Рыцарь этот очень королевской дочери приглянулся. Такого пригожего статного молодца ей никогда прежде видеть не доводилось. Пока рыцарь в гору поднимался, у неё одно было на уме: «Только бы на вершину въехал! Только бы въехал!»

А когда рыцарь коня поворотил, не удержалась принцесса — бросила ему золотое яблоко вслед. Оно рыцарю в карман и попало.

Всадник тем временем с горы спустился и тут же прочь ускорился — только его и видели!

В тот же вечер всем принцам и рыцарям велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к королю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

Вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь: доспехи его, седло и уздечка конские — медные, так и сверкают, издали видно, а уж как верхом ездить умеет! На целую треть в гору поднялся, мог бы и на вершину махнуть, коли б захотел. А он коня назад поворотил! Решил, видно, что на первый раз хватит. Королевская дочка этому рыцарю вслед золотое яблоко кинула».

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть, — молвил Аскеладден. Он, по обыкновению своему, в ящике с золой сидел.

— Поглядеть на него хочешь! — захохотали братья. — Где тебе со знатными господами рядом стоять! Урод ты этакий, грязнуля! Уж лучше в своём ящике сиди!

На другой день братья снова на королевский двор собираются. Аскеладден тут как тут:

— Нельзя ли и мне с вами пойти, на принцев и рыцарей поглядеть — как они на гору въезжают.

— Куда тебе! — закричали братья. — Уж больно ты страшен!

— Ладно! — отвечает Аскеладден. — Я и один могу!

Братья к Хрустальной горе подъехали, а там уже принцы и рыцари снова счастья пытаются: коней, видать, заново подковали, на гору подняться стараются.

До самого вечера женихи от горы не отходили, по многу раз вверх и вниз скользили, но всё равно выше нескольких футов ни один из них не поднялся. А когда кони вовсе из сил выбились, пришлось принцам и рыцарям отступить.

Король уже объявить собрался, что состязание на следующий день заново начнётся. Тогда дело, может, лучше сладится. А потом решил подождать: авось снова рыцарь в медных доспехах явится.

Вдруг, откуда ни возьмись, новый рыцарь верхом на коне скачет. Конь под ним добрый, коня с медной уздечкой куда краше. Доспехи рыцарские, седло и уздечка конские — чистого серебра, на солнце так и сверкают.

Стали тут ему рыцари и принцы кричать:

— И не пытайся на Хрустальную гору въехать, всё равно ничего не выйдет!

Но рыцарь в серебряных доспехах слушать их советов не стал — к Хрустальной горе подскакал, махнул наверх и ещё выше рыцаря в медных доспехах поднялся. Но только две трети горы одолел — взял вдруг да и поворотил коня. Стал вниз съезжать.

Рыцарь этот королевской дочке куда больше вчерашнего жениха приглянулся. И пока он в гору поднимался, у неё одно было на уме: «Только бы он на вершину въехал! Только бы въехал!»

А когда рыцарь коня поворотил, не удержалась принцесса — бросила ему второе золотое яблоко вслед. Оно рыцарю в карман и попало.

Всадник тем временем с горы спустился и тут же прочь ускорился — только его и видели!

В тот же вечер всем принцам и рыцарям снова велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к королю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

Как и в прошлый раз, вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь: доспехи его, седло и уздечка конские — чистого серебра, так и сверкают, издали видно, а уж как верхом скачет! На две трети в гору поднялся. Королевская дочка ему вслед золотое яблоко кинула!»

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть! — молвил Аскеладден. — Он, по обыкновению своему, в ящике с золой сидел.

— Тот рыцарь как раз тебе под стать! — захохотали братья. — Урод ты этакий, грязнуля! Уж лучше в своём ящике сиди!

На третий день было всё так же, как и в первые два дня. Аскеладден хотел с братьями к королевскому двору отправиться, поглядеть, как принцы и рыцари состязаются. Но старшие братья его с собой не взяли. Вот и поплёлся он за ними следом.

Пришли братья к Хрустальной горе, а там — всё по-прежнему. До самого вечера женихи от горы не отходили, по многу раз вверх и вниз скользили, но всё равно выше нескольких футов ни один из них не поднялся. Одна надежда была: может, снова рыцарь в серебряных доспехах явится. Да только никто его не видал и никто о нём ничего не слышал.

Вдруг, откуда ни возьмись, новый рыцарь верхом на коне скачет. Конь под ним добрый — никому ещё такого видеть не доводилось. Доспехи рыцарские, седло и уздечка конские — чистого золота, на солнце так и сверкают.

И до чего ж тот рыцарь был хорош! Все прочие рыцари с принцами просто онемели, рта открыть не могут, не то что крикнуть: «И не пытайся на Хрустальную гору въехать, всё равно ничего не выйдет!»

Подскакал рыцарь к Хрустальной горе, да разом на самую вершину горы и махнул. Королевская дочка про себя даже пожелать не успела, чтобы он наверх поднялся, а он уже тут как тут, выхватил золотое яблоко у неё из рук, коня поворотил, вниз с горы съехал и тут же прочь ускакал — только его и видели.

Вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то опять никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь в золотых доспехах. Такого пригожего рыцаря на всём белом свете не сыщешь! А уж как верхом скачет! На самую вершину горы поднялся и у королевской дочери третье яблоко из рук вырвал!»

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть, — молвил Аскеладден.

— Твое дело — в ящике с золой сидеть! — захохотали братья. — Урод ты этакий, грязнуля! Копайся в золе и помалкивай.

На другой день всем женихам велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к королю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

— Где же это яблоко? — удивился король. — Ведь все видели, как рыцарь в золотых доспехах на вершину горы поднялся и яблоко из рук принцессы вырвал! Да и два других яблока неведомо куда девались.

И повелел король: пусть все до единого жители его страны к нему в замок явятся. Надо же узнать, кто яблоки золотые у себя прячет!

Собралось в замке людей видимо-невидимо. Но ни у кого золотых яблок не было.

Братья Аскеладдена в замок пришли считай что последними. Вот король их и спрашивает:

— Все ли явились в замок? Не осталось ли ещё кого в моём государстве?

— Да есть ещё один,— отвечают они ему,— то брат наш меньшей. Только у него золотых яблок и быть не может. Он вчера весь день в ящике с золой просидел.

— Всё равно,— говорит король.— Раз все остальные в замке побывали, пусть и он придёт.

Делать нечего, пришлось Аскеладдену на королевский двор идти.

— Есть у тебя золотое яблоко?— спрашивает король.

— Есть,— отвечает Аскеладден.— Вот одно, вот другое, а вот и третье.— И вынимает он все три яблока из своего кармана.

Скинул младший брат чёрные законченные лохмотья, а под ними золотые доспехи сверкают. Залюбовались все пригожим рыцарем.

— Ладно,— обрадовался король,— получишь в жёны дочку мою и полкоролевства в придачу.

А потом и свадьбу сыграли — весёлую-превесёлую. Наверное, без состязания на той свадьбе тоже не обошлось. Хотя и не смогли принцы и рыцари на Хрустальную гору въехать, сражаться — то они умели! И коли они друг друга не перебили, то, верно, ещё до сих пор бьются.

КТО НЫНЧЕ МАЛ, ЗАВТРА ВЕЛИК

Жила в Трённелагской округе бедная женщина. Не было у неё ни кола ни двора. Вот и ходила она с сыном своим по округе и милостыню просила. Поначалу они всё в своём приходе нищенствовали и подаяннем кормились, а после пришли в город Тронхейм. Побирались там по домам, покуда к бургомистру не пришли.

Был бургомистр человек добрый и почтенный, один из самых первых людей в городе. И жена была ему под стать — из богатой купеческой семьи. Росла у них одна-единственная дочка, а больше у бургомистра с бургомистершей детей не было. Так что миловали они её да голубили за двоих — и за сына и за дочку, ничего для неё не жалели.

Вот пришла к ним в дом бедная женщина с сыном, и бургомистрова дочка сразу же с нищим мальчонкой подружилась. Увидел бургомистр, что дети так быстро поладили, и взял мальчика к себе в дом. Пускай вместе играют! Так оно и вышло: играли дети вместе, вместе гуляли и читали, а потом вместе в школу пошли. Крепко они дружили и никогда ни в чём друг другу не перечили.

Вот стоит однажды бургомистерша у окошка и видит: идёт её дочь с мальчиком в школу, а на пути у них большая-пребольшая лужа. Остановились дети. Мальчик сперва корзинку со снедью через лужу переправляет, потом назад перескакивает, берёт на руки девочку, переносит через лужу, ставит на землю и целует.

Разъярилась бургомистерша, закричала:

— Ещё этого не хватало! Как смеет побирушкин сын нашу дочку — дочку первых людей в городе целовать!

Пытался было муж её образумить. Чего только не говорил: и никому, мол, неведомо, где совыют своё гнездо птенцы и что кого ждёт. Мальчик — добрый и учтивый, а разве так не бывает: из маленького ростка могучий дуб вырастает. Кто нынче мал, завтра велик.

Да нет! Куда там! Бургомистерше дела нет, кем он был, кто он есть и кем станет. Одно твердит:

— Коли бедняк будет в чести, неведомо, как станет себя вести!

И ещё:

— Кого шиллингом¹ вычеканили, тому далером² не бывать. Из грязи в князи не выбьешься!

Гонит она мальчонку:

— Нечего тебе у нас оставаться! Убирайся сейчас же вон из дому!

¹ Шиллинг — мелкая монета, имевшая хождение в Норвегии до 1877 года.

² Далер — старинная серебряная норвежская монета (равная 4 кронам).

Делать нечего. Пришлось бургомистру приёмного сынка купцу-корабельщику отдать: пришёл тот в Тронхейм на своей шхуне¹ и взял мальчика к себе поварёнком.

А жене бургомистр сказал:

— Отдал я мальчонку купцу за пачку табаку!

Только стали якоря на шхуне выбирать, смотрят корабельщики — бежит бургомистрова дочка: лицо покраснелось, кудри ветром растрепало. Сняла она с руки перстень и — откуда только сила взялась — разломилась на две половинки: одну себе, другую — брату названому; это чтоб им друг друга признать, если встретиться приведётся.

Отчалила шхуна от берега, сколько дней, сколько ночей плыла — не счесть. И приплыла под конец в дальний заморский город, в чужеземные края. А там как раз в то время ярмарка весёлая. И чего только на той ярмарке не было! В воскресенье отправились все корабельщики на ярмарку, один мальчик-поварёнок на шхуне остался.

Только начал он обед готовить, слышит — кличет кто-то его с противоположной стороны пролива. Взял он челнок и переправился на другой берег. Видит — стоит на берегу древняя старуха, приговаривает:

— Лет сто я тут помощи ждала, не меньше, кричала, аукала, хотела на другой берег переправиться, только никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся. Переправишь ли меня на другой берег?

— Отчего не переправить! — отвечает поварёнок.

— Награда за мной! — обещает старуха.

Переправились они на другой берег, и повела его старуха к своей сестре-троллихе, что в горе по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старой скатерти, — она на нижней полке в поставце лежит. Скатерть эта не простая, а самобраная. Чего из еды пожелаешь, всё тебе будет.

Так и случилось. Пришли они в гору. Как узнала горная троллиха, что он её сестре помог, сказала она:

— Проси чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поварёнок, — кроме старой скатерти, что на нижней полке в поставце лежит.

¹ Шхуна — парусное судно с двумя и более мачтами, с косыми парусами.

— Не иначе, тебя кто надоумил,— молвила горная троллиха.— Ну да ладно, бери скатерть!

— Спасибо,— говорит мальчик,— а мне на шхуну пора, воскресный обед корабельщикам готовить.

— Не твоя теперь это забота,— перебивает его старуха.— Обед и сам сварится, покуда тебя нет. Иди со мной, получишь награду ещё богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

Повела его старуха к другой своей сестре-троллихе, что в лесу по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старого меча,— он на средней полке в поставце лежит. Меч этот не простой: сунешь его в карман — ножом обернётся, вытащишь из кармана — снова длинным мечом станет. И меч этот обоюдоострый: пригрозишь чёрным лезвием — все кругом замертво полягут, взмахнёшь белым — все мёртвые оживут.

Вот пришли они в лес. Как узнала лесная троллиха, что он её сестре помог, сказала она:

— Проси, чего хочешь!

— Ничего мне не надо,— говорит поварёнок,— кроме старого меча, что на средней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил,— молвила лесная троллиха.— Ну да ладно, бери меч!

— Спасибо,— говорит мальчик,— а мне на шхуну пора.

— Успеешь ещё,— перебивает его старуха.— Иди со мной, получишь награду ещё богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

Повела его старуха к третьей своей сестре-троллихе, что в болоте по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старого бабушкина песенника,— он на верхней полке в поставце лежит. Песенник тот не простой. Захворает кто, стоит его в руки взять да спеть, хвори — как не бывало!

Вот пришли они на болото. Как узнала болотная троллиха, что он её сестре помог, сказала она:

— Проси, чего хочешь!

— Ничего мне не надо,— говорит поварёнок,— кроме старого бабушкина песенника, что на верхней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил,— молвила болотная троллиха.— Ну да ладно, бери песенник.

— Спасибо,— говорит мальчик.— Теперь уж мне пора. Прощайте!

Приплыл он на шхуну, а корабельщики ещё на ярмарке. Решил он тогда скатерть испытать и поглядеть, на что она годится.

Расстелил мальчик поначалу всего лишь краешек скатерти. Смотрит — на столе чего только нет: и еды всякой — ешь сколько хочешь, и закусок, и заедок, и хмельного.

Отведал мальчик кусочек того, кусочек другого, а остальное собаке скормил. Наелась она до отвала и спать улеглась.

Вернулись с ярмарки корабельщики, шкипер и говорит:

— Где это собака так наелась? Брюхо у неё толстое-пре-толстое, и развалилась, будто боров.

— Да я её костями накормил! — отвечает поварёнок.

— Молодец, парень, и собаку не забываешь! — похвалил шкипер.

Расстелил мальчик скатерть-самобранку, и, откуда ни возмись, на столе и снедь всякая — и закуски, и заедки — и хмельное появилось. Никогда ещё корабельщики так не пировали.

Захотелось мальчику и меч испытать. Остался он с собакой один на один, пригрозил ей чёрным лезвием — и упала собака на палубе замертво. Перевернул он меч, взмахнул белым лезвием — ожила собака и хвостом завиляла. А вот песенник пока что не довелось ему испытать.

Плавали они, плавали, много земель морем обошли, и во всём была им удача, покуда буря не разыгралась. Много дней их по морю носило. Улеглась под конец буря, и причалила шхуна к неведомому берегу в чужеземных краях. Никто ведать не ведал, что это за страна. Но вскоре на шхуне прослышали: приключилась в стране великая беда — заболела проказой королевская дочка.

Собрались однажды на палубе корабельщики. Пришёл тут на шхуну король и спрашивает:

— Не может ли кто принцессу исцелить?

— Да кому это под силу? Лекарей у нас нет! — в один голос отвечают корабельщики.

— А кроме как на палубе, на шхуне никого больше нет? — спрашивает король.

— Да есть тут один мальчонка-оборвыш! — сказали корабельщики.

— Зови его сюда! — приказал король.

Пришёл на палубу поварёнок.

— Может, ты принцессу исцелишь? — спрашивает король.

— Отчего не исцелить! — отвечает поварёнок.

Как услышал это шкипер, страшно разозлился, заметался по палубе, будто жук навозный в плошке с дёгтем. Испугался он, что парень не за своё дело взялся и теперь ему не выпутаться. Вот и говорит он королю:

— Не стоит, ваше величество, детские речи слушать!

— Ничего, — говорит король, — с годами и разум приходит, а из мальчика мужчина вырастает. Раз взялся поварёнок принцессу исцелить, пусть попытает свои силы. Немало охотников уже находилось, да все потом отступались.

Взял парнишка свой песенник, и повёл его король к принцессе. Спел поварёнок ей песню — королевская дочка ручку поднимает, спел другую — она на постели садится. А как спел третью — встала принцесса на ноги, будто и не хворала.

Обрадовался король и пожаловал спасителю половину земель в своём королевстве и дочку в придачу.

— Ладно, — соглашается парень. — Половину земель в королевстве, так и быть, возьму, сгодится. Премного благодарен! А вот королевскую дочку в жёны взять немогу. Я другой обещание дал.

Остался он в той стране, и досталось ему полкоролевства. А вскоре война началась. Пошёл на войну и парень. Подрос он и, уж поверьте, поработал чёрным лезвием меча на славу. Не отдал соседскому королю свой народ в рабство. Иноземные воины как мухи падали; победила королевская рать вражью. Стал тут парень белым лезвием размахивать. Ожили павшие враги и под начало к королю перешли: парень-то им жизнь подарил! Воинов у короля стало видимо-невидимо, а кормить их нечем. Пришлось парню скатерть-самобранку вытаскивать, и уж тогда никому ни в чём недостатка не было: наелись все досыта, напились допьяна.

Живёт парень у короля год, живёт другой, а потом заскучал вдруг по бургомистровой дочке. Снарядил он четыре шхуны и отплыл в Тронхейм, где бургомистр жил. Вошли шхуны в Тронхейм-фьорд, и стали корабельщики из пушек палить. Загрохотало в городе, загремело так, что половина стёкол полопалась. Спустился тогда бургомистр в гавань и видит: убранство на шхунах коро-

левское, а сам хозяин разодет в пух и прах: платье на нём сверху донизу расшито золотом.

Приглашает бургомистр незнакомого вельможу:

— Добро пожаловать ко мне в дом отобедать!

— С охотой! — говорит тот.

Пришёл он к бургомистру в дом; усадили его за стол — по правую руку бургомистрова дочка, по левую — сама бургомистерша. Сидят все, беседуют, едят, пьют. Исхитрился парень и бросил половинку кольца в чашу бургомистровой дочке, да так, что никто, кроме неё, не заметил. Она сразу всё поняла и вышла из горницы, будто ей на кухню надобно. А сама только за дверь — сразу обе половинки кольца друг к другу приладила.

Мать встревожилась: неужто дочка что задумала? Улучила минутку и вышла за ней.

— Знаешь, матушка, кто наш гость? — спрашивает дочка.

— Откуда мне знать? — отвечает бургомистерша.

— Да тот, кого отец за пачку табаку отдал!

Закатились у бургомистерши глаза, и упала она без памяти. Вышел тут и сам бургомистр, а как услышал, что приключилось, не стал печалиться.

— Нечего шум поднимать, — говорит парень, которого за пачку табаку выменяли. — Я беру в жёны девочку, которую когда-то поцеловал по дороге в школу. — А бургомистровой жене сказал: — Не гнушайся нищими детьми — никому неизвестно, кем они станут; с годами разум к человеку приходит и из мальчика вырастает мужчина.

ПЕР, ПОЛ И ЭСПЕН АСКЕЛАДД

Жил-был в Норвегии один человек, и было у него три сына — Пер, Пол и Эспен, по прозвищу Аскеладд, что значит Эспен Замарашка. И был тот человек до того бедный, что ни единого шиллинга у него за душой не водилось. Вот и говаривал он частенько своим сынам:

— Ступайте-ка по белу свету да заработайте себе на хлеб. Не пропадать же вам с голоду!

В той же округе стоял королевский замок, а прямо под окнами замка зелёный дуб вырос, да такой могучий, такой ветвистый, что солнечный свет в покоях королевских затмевал. Темно в замке стало; все ходят, друг на дружку натыкаются. До того дошло —

днём при свечах сидят. А тут ещё другая беда: речки да ручьи в стране повыхали. Не стало в королевстве воды, люди от жажды мрут. Чего только не обещал король тому, кто дуб срубит и колодец выроет: и денег несчётно, и богатое имение! Только ни одному молодцу не под силу было тот дуб срубить и колодец вырыть.

Дуб-то был совсем не простой. Срубят с него ветку топором, а вместо неё две другие вырастают. Подойдёт к дубу один молодец, ударит топором — дуб ещё пышнее разрастается. Подойдёт другой, ударит топором — ветки ещё выше к небу тянутся. И колодец вырыть тоже никто не может. Замок-то королевский высоко-высоко в горах стоял. Одни скалы под ним да крутые уступы. Копнут гору на вершок или чуть поглубже — заступ на твёрдый камень натыкается.

Приказал тогда король глашатаям со всех церковных холмов на все четыре стороны трубить:

— Кто ветвистый дуб в королевском дворе срубит и колодец на скалистой горе выроет, получит в жёны королевскую дочь и полкоролевства в придачу!

Немало нашлось охотников с королём породниться! Но сколько топором ни замахивались и ни рубили, сколько киркой и заступом ни корчевали и ни копали — всё зря. Ударят топором — а дуб всё пышнее и пышнее разрастается, копнут — а скала всё твёрже и твёрже становится.

Собрались в дорогу и братья. Надумали они тоже счастья попытать. Отец их воле не противился. «Не добудут они принцессу и полкоролевства в придачу, — думал он, — так, может, хоть к хорошему человеку в услужение пристроятся». А чего ещё желать?! Напутствовал их отец добрым словом, и отправились Пер, Пол и Эспен Аскеладд счастья искать.

Шли они, шли и дошли до высокой горы, склон её весь елью порос. А над ельником крутая скала поднимается. Слышат: на самом верху топором кто-то рубит и рубит.

— Что за диво? Кто это на скале топором рубит? — спрашивает Эспен Аскеладд.

— Такому умнику, как ты, всё в диковинку, — сказали братья. — Нашёл чему дивиться! Стоит на скале дровосек и лес рубит!

— Охота мне всё же поглядеть, что там такое, — говорит Эспен Аскеладд.

И стал в гору взбираться.

— Ты ровно дитя малое! Набрался бы сперва ума, а потом и шёл бы с нами!— в сердцах кричали ему вслед братья.

А Эспену хоть бы что. Карабкается вверх по склону, туда, где удары топора слышатся. Взобрался на крутую скалу и видит: топор сам по себе сосновый ствол рубит.

— День добрый!— поздоровался Эспен Аскеладд.— Это ты тут лес рубишь?

— Я!— отвечает топор.— Я тут уж и не счесть сколько лет лес рублю, тебя, Эспен, ожидаю.

— А я вот он!— говорит Эспен. Берёт он топор, сбивает его с топорница и кладёт топор с топорницей в котомку.

Спустился он с горы к братьям, а те давай над ним насмехаться да потешаться:

— Ну, какое чудо углядел ты в горах?

— Да разве ж это чудо? Один топор,— отвечает Эспен.

И зашагали братья дальше. Шли они, шли и дошли до высокой скалы. Слышат, на самом верху кто-то камень долбит и землю роет.

— Что за диво? Кто это на скале камень долбит и землю роет?— спрашивает Эспен Аскеладд.

— Такому умнику, как ты, всё в диковинку!— сказали братья.— Нашёл чему дивиться! Ты что, не слыхал никогда, как птицы деревья долбят?

— Слышать-то слыхал,— говорит Эспен,— только охота мне всё же поглядеть, что там такое.

Сколько над ним братья ни насмехались, а Эспену хоть бы что. Вскрабкался он на крутую скалу и видит: заступ сам по себе камень долбит и землю роет.

— День добрый!— поздоровался Эспен Аскеладд.— Это ты тут камень долбишь и землю роешь?

— Я,— отвечает заступ.— Я тут уж и не счесть сколько лет камень долблю, землю копаю, тебя, Эспен, ожидаю.

— А я вот он!— говорит Эспен. Берёт он заступ, сбивает его с рукоятки и кладёт заступ с рукояткой в котомку.

Спустился он со скалы к братьям, а Пер и Пол его и спрашивают:

— Ну, какое чудо углядел ты на скале?

— Да разве ж это чудо?! Один заступ,— отвечает Эспен.

И зашагали братья дальше. Шли они, шли и вышли к ручью. Захотелось им после долгого пути воды напиться. Склонились братья над ручьём и стали пить.

— Что за чудо? Откуда этот ручей бежит?— спрашивает Эспен Аскеладд.

— Ну, совсем рехнулся! Последний ум потерял! Доведёт тебя любопытство до беды. Нашёл чему дивиться! Откуда ручей бежит? Ты разве не видал никогда, как вода из родника вытекает?

— Видать-то видал,— говорит Эспен,— только охота мне всё же поглядеть, откуда этот ручей бежит.

Двинулся он вдоль ручья, и сколько его братья ни звали, сколько над ним ни потешались, а Эспен обратно не повернул. Идёт он, идёт, а ручей всё уже и уже становится, а вот и совсем тонкой струйкой течёт. Прошёл ещё немного и видит: лежит грецкий орех, а из него вода сочится.

— День добрый!— здороваются Эспен Аскеладд.— Это из тебя тут вода родниковая сочится и ручей бежит?

— Да, из меня,— отвечает орех.— Я тут уж и не счесть сколько лет воду в ручей загоняю, тебя, Эспен, ожидаю.

— А я вот он!— говорит Эспен. Берёт он клочок мха, затыкает дырку, чтоб вода из ореха не вытекала, и кладёт орех в котомку.

Вернулся Эспен назад к братьям, а те его и спрашивают:

— Ну, какое чудо углядел ты на этот раз? Небось такого чуда на всём свете не сыскать!

— Да разве ж это чудо?! Одна дырка, а через неё вода сочится,— отвечает Эспен.

Стали тут Пер с Полом снова над Эспеном насмехаться, а ему хоть бы что. И зашагали братья дальше. Шли они, шли и пришли наконец на королевский двор.

А там и без них народу хватало. Помнишь ведь, что король пообещал: «Кто ветвистый дуб в королевском дворе срубит и колодец на скалистой горе выроет, получит в жёны королевскую дочь и полкоролевства в придачу». Немало тут охотников награду получить набежало, толпятся вокруг дуба, и всякий поровит вперёд пролезть. Пробьётся кто вперёд, замахнётся, топором ударит — а вместо одной ветки две другие вырастают. Дуб уже стал раза в два шире и раза в два выше, чем поначалу. А про колодец и говорить нечего. Землю роют, камень долбят, а скала всё твёрже и твёрже становится.

Разозлился король и наложил тогда такую пеню¹: «Станет кто дуб рубить и не срубит, станет кто колодец копать и не вы-

¹ Пеня — штраф за невыполнение в срок каких-либо установленных законом или договором обязательств.

копает, отсекут ему уши и на дальний остров сошлют». Почесали старшие братья в затылке: кто его знает, как дело обернётся. Но крепко они на себя надеялись и думали, что уж им-то всё по плечу.

Пер, самый старший, первым за дело взялся. Ударил он топором — вместо одной ветки две другие выросли. Копнул землю, долбанул камень — скала ещё твёрже стала. Схватили королевские слуги Пера, отрезали ему уши и сослали его на дальний остров. Взялся теперь за дело Пол. Ударил он топором раз, другой, третий, и увидели все, что дуб ещё пышнее разросся. Копнул землю, долбанул камень — скала твёрже железа стала. Схватили и его королевские слуги, обкорнали ему уши и сослали на дальний остров. Поделом ему, мог бы после брата поостеречься! Захотелось и Эспену за дело взяться. Разозлился на него король из-за старших братьев и говорит:

— Что, захотелось и тебе на клеймёную овцу походить? Мы тебе уши в два счёта обкорнаем, и трудиться не придётся.

— Охота мне всё ж сперва счастье попытать, — отвечает Эспен.

Пришлось королю дать ему своё позволение. Достал тут Эспен из котомки топор и насадил его на топорнице.

— Руби, топор! — приказал Эспен.

Стал топор дуб рубить, только щепки во все стороны летят. Не успели оглянуться, рухнул могучий дуб на землю. Стало в замке светло и весело. Покончил Эспен с дубом, достал заступ и насадил его на рукоятку.

— Копай, заступ! — приказал Эспен.

Стал заступ на скалистой горе колодец копать, только комья земли да камни во все стороны летят. Хочешь верь, хочешь нет — вырыл заступ колодец глубокий да широкий. Достал Эспен орех, положил его в угол на самом дне колодца и моховую затычку вытащил.

— Лейся, вода, беги, вода! — приказал Эспен.

Побежала тут вода через дырку, полилась потоком, и немного погодя колодец до краёв наполнился.

Тут королю пришлось своё слово сдержать. Отдал он Эспену свою дочь и полкоролевства в придачу.

Перу с Полом ещё повезло, что они без ушей остались. А не то горько б им было слушать, как народ Эспена хвалит.

ШКИПЕР И ЧЁРТ

Жил когда-то в Сокнадале шкипер Арне. Плавал он по всем морям и фьордам на своей шхуне, лес возил. Случалось ему даже в Китай заходить и в другие дальние страны. За что ни возьмётся Арне, во всём ему сопутствует удача. Дальше его в море никто не ходил. И всегда был ему попутный ветер. Поговаривали даже, что куда шкипер свою зюйвестку¹ повернёт, туда и ветер подует. Но у кого не бывало таких выгодных сделок, как у него, и никто не загребал столько денег: далеры и кроны² будто сами ему в руки плыли.

Но никто не завидовал шкиперу. Люди любили Арне как брата или отца. Помогал он в приходе всем и каждому, корабельщиков на своей шхуне тоже не обижал.

Вот плывёт шкипер однажды по Северному морю. Плывёт на всех парусах, будто и шхуна, и кладь не свои у него, а ворованные. Ясно: уйти от кого-то хочет. Только от того, кто за ним гнался, не убежишь. А был это страшный чёрт по прозвищу Старый Эрик.

Хочешь знать, как всё было? В прежние времена, когда шкипер и сокнадалцы в бедности жили, решил Арне землякам помочь и заключил договор со Старым Эриком. Ну а какой с чёртом договор — сам знаешь: за деньги и удачу подавай ему взамен душу!

Вот и настал день, когда договору срок вышел. Плывёт шкипер по Северному морю и ждёт: вот-вот Старый Эрик за его душой явится. Потому и шёл на всех парусах.

Не хотелось Арне к чёрту в лапы угодить, ой, как не хотелось! Ломал шкипер голову, ломал и вот что надумал.

Поднялся он на палубу, глянул на море — не видать ли Старого Эрика. Нет, пока что не видать! Кликнул тогда Арне корабельщиков и говорит:

— Спускайтесь живо в трюм да сделайте две пробоины в днище. А как вода в трюме пробоины закроет, несите насосы и вгоняйте их в дырки поплотнее. Никто обмана и не заметит.

Подивились корабельщики:

— Чудная работёнка!

¹ Зюйвестка — непромокаемая клеёчатая шляпа.

² Крона — денежная единица ряда стран. Крона Швеции, Норвегии, Дании содержит 100 эре.

Но сделали всё, как шкипер велел: пробили две дырки в днище, вогнали насосы поплотнее, чтоб ни единая капля воды в то место, где кладь лежит, не просочилась.

Только кончили работу, только успели стружки за борт выкинуть, поднялась буря, закипело море, закачалась шхуна. Примчался вместе с ветром Старый Эрик, схватил шкипера Арне за ворот и хотел с ним прочь умчаться. А тот ему и говорит:

— Стой, хозяин! Дело не к спеху!

Запустил тут Старый Эрик когти шкиперу в ворот, а Арне от него отмахивается, изо всех сил его линьком¹ по когтям хлещет и приговаривает:

— Уговор наш помнишь? Не ты ли обещался, что на шхуне никогда течи не будет? А сам меня обманул. Погляди, трюм водой залит, вода в насосах на семь футов стоит! Можешь сам смерить! А ну выкачивай воду, дьявол! Выкачаешь досуха, тогда и бери мою душу!

Чёрт туда-сюда, а делать нечего. Принялся он воду выкачивать. Качает, качает, пот с него ручьём так и льёт, а корабельщики над ним потешаются:

— Приладить бы ему мельничье колесо пониже спины, враз бы заработало!

Старый Эрик на них и не глядит, что есть силы старается. Да всё без толку; только из моря в море воду насосом перекачивает, а в трюме вода никак не убывает. Устал чёрт, вовсе из сил выбился и чуть живой да злощий-презлющий полёлся к своей прабабке-чертовке отдыхать.

С тех пор оставил Старый Эрик шкипера в покое. И коли Арне ещё не помер, то, верно, и по сей день по морям на шхуне плавает. Куда свою зюйдвестку повернёт — туда и ветер подует.

АСКЕЛАДДЕН, ЧТО С ТРОЛЛЯМИ СОСТЯЗАЛСЯ

Жил-был крестьянин, и было у него три сына. Жил он небогато, потому что был старый и дряхлый, сам мало что сделать мог, а сыны его никак не желали за работу браться.

Отец-то всё хотел, чтобы дети его, как и он в молодые годы, лес рубили, на хлеб зарабатывали и его, родителя, от долгов хоть немного избавили. Лес-то по соседству от их усадьбы рос.

¹ Линёк — короткая корабельная верёвка с узлом на конце, служившая ранее для наказания матросов на флотах многих стран.

Много ли, мало ли времени прошло, удалось отцу сынов на ум наставить. Собрался старший сын в лес идти, деревья рубить.

Только он старую замшелую ель рубить принялся, подходит вдруг к нему, откуда ни возьмись, тролль, огромный-преогромный, и говорит:

— Станешь в моём лесу хозяйничать, убью тебя!

Как услышал те слова парень, бросил топор и сломя голову домой побежал. Прибежал он, дух перевести не может, рассказывает, что с ним приключилось.

— Эх ты, заячья душа! — обругал сына отец. — Мне небось, когда я молодой был, тролли никогда деревья рубить не мешали!

На другой день настал черёд среднего сына в лес идти. Только он дерево раз-другой рубанул, подходит вдруг и к нему, откуда ни возьмись, тролль, огромный-преогромный, и говорит:

— Станешь в моём лесу хозяйничать, убью тебя!

Парень на тролля взглянуть едва осмелился, топор бросил, без оглядки домой побежал. Прибежал он, дух перевести не может, рассказывает, что с ним приключилось.

— Эх ты, заячья душа! — обругал сына отец. — Мне небось, когда я молодой был, тролли никогда лес рубить не мешали!

На третий день Аскеладден в лес собрался.

— Ха-ха-ха! — засмеялись старшие братья. — Где уж тебе деревья рубить. Ты ведь за порог ни ногой, всё за печкой сидишь!

Не стал Аскеладден на их речи отвечать, а попросил матушку котомку со съестным ему собрать. Мяса и молока кислого в доме не было, пришлось хозяйке котелок над очагом повесить, сыр сыну сварить. Положил Аскеладден свежий сыр в котомку да и пошёл со двора.

Только он дерево рубить стал, подходит вдруг и к нему, откуда ни возьмись, тролль, огромный-преогромный, и говорит:

— Станешь в моём лесу хозяйничать, убью тебя!

Аскеладден тотчас к котомке кинулся, свежий сыр достал и сжал его до того сильно, что вода из него брызнула.

— А ну замолчи, не то я тебя, как этот камень, сожму! Видишь, вода из него так и брызжет!

— Пощади меня, друг! — взмолился тролль. — Я тебе деревья рубить помогу!

— Коли так, пощажу тебя, — отвечает Аскеладден.

Трудился тролль изо всех сил, и не одну дюжину деревьев они в тот день с Аскеладденом срубили.

А вечером тролль и говорит:

— Пошли ко мне домой, мой дом ближе твоего!

Аскеладдену-то всё равно, куда идти. Вот пришли они к троллю, стал хозяин огонь в очаге разжигать, а парня попросил за водой сходить, котёл, в котором кашу собирался варить, наполнить. Увидел Аскеладден, что железные вёдра троллевы до того огромные и тяжёлые — их и с места ему не сдвинуть, — и говорит:

— Что проку с этими напёрстками к колодцу ходить, лучше я колодец с водой сюда приволоку.

— Нет, друг! — взмолился тролль. — Этак ты меня без колодца оставишь. Не смогу я без него жить. Лучше ты огонь в очаге разожги, а я по воду пойду!

— Ладно! — согласился Аскеладден.

Принёс тролль воды, сварил кашу. Сели они за стол. Аскеладден и говорит:

— Давай состязаться, кто больше каши съест. До того я проголодался, что весь котёл съесть могу!

— По рукам! — соглашается тролль. Думал он: тут уж парню никак над ним верх не взять.

Тем временем ухитрился Аскеладден кожаную котомку к животу привязать. Набил он котомку кашей доверху, нож свой с пояса снял, из чехла его вынул да и притворился, будто ножом тем себя по животу полоснул. На самом-то деле он дырку в котомке прорезал!

Посмотрел на Аскеладдена тролль — ни слова не вымолвил.

Ели они, ели, под конец не выдержал тролль, ложку в сторону отложил да и говорит:

— Нет, не могу больше!

— Ешь! — отвечает Аскеладден. — Я и наполовину ещё не насытился. Сделай, как я, дырку в животе, а потом ешь, сколько влезет.

— Нет, не хочу, больно это, — испугался тролль.

— Да что ты! И говорить-то тут не о чем! — смеётся Аскеладден.

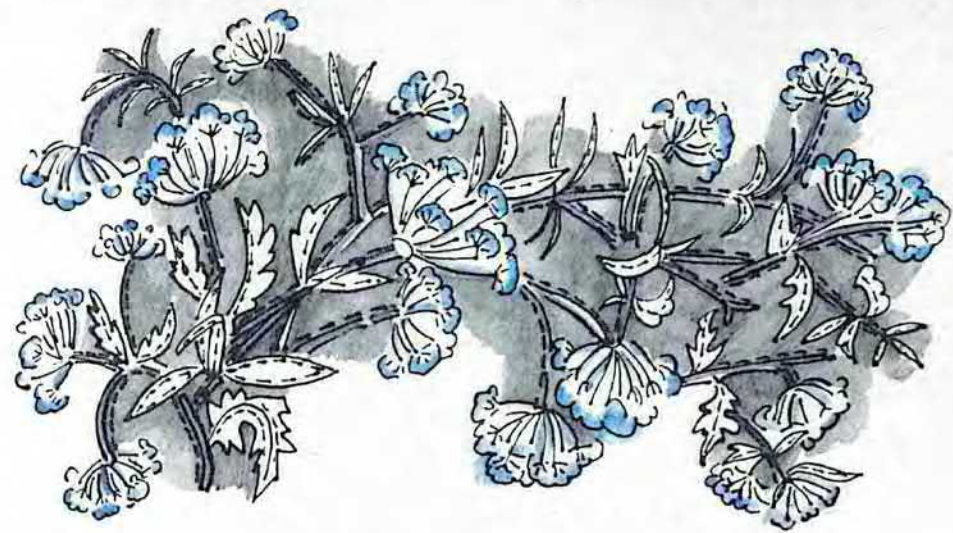
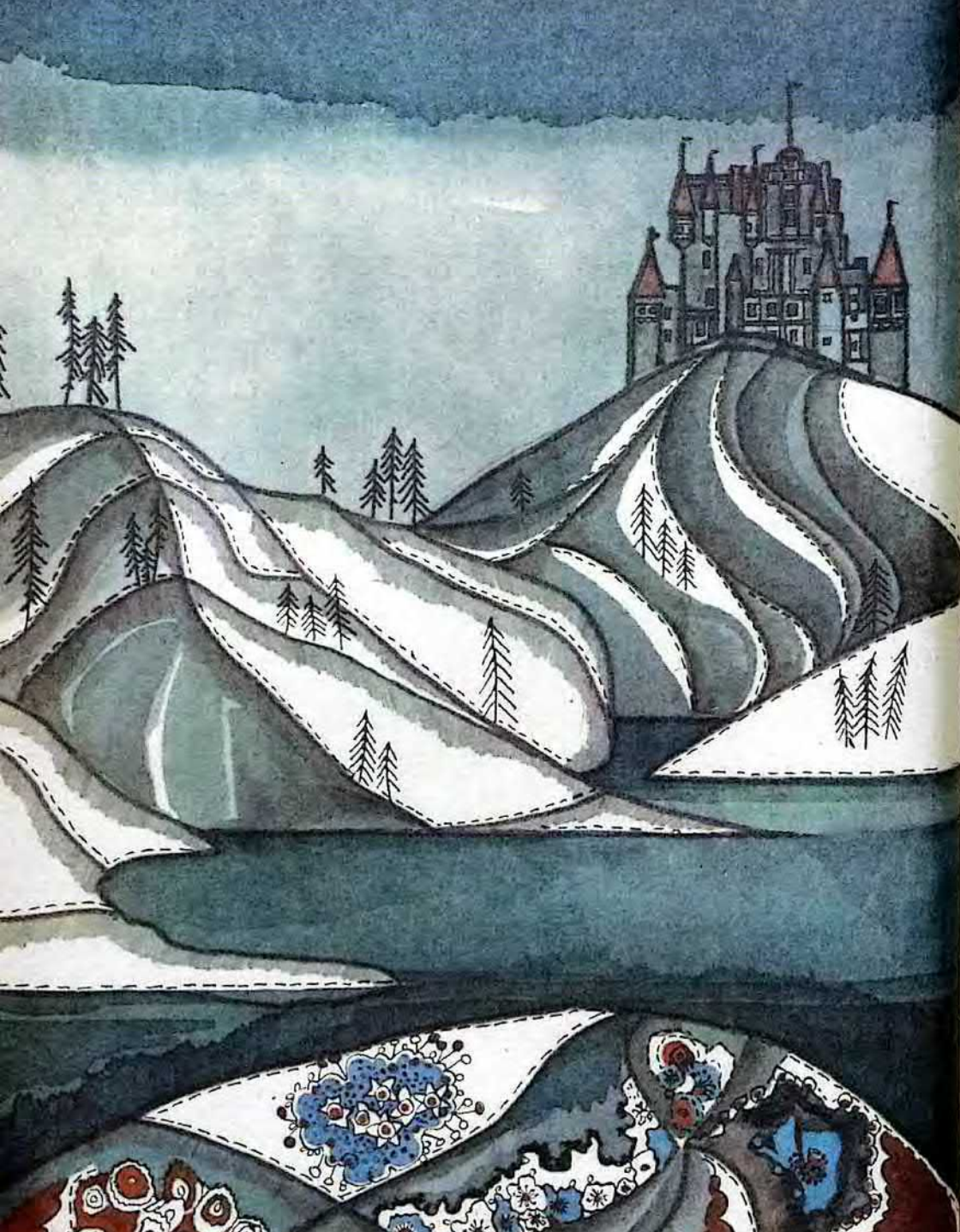
Взял тут тролль да и сделал так, как парень ему посоветовал. Не успел Аскеладден оглянуться, как тролль испустил дух и в груду камней обратился.

А Аскеладден взял золото и серебро, что в троллевой усадьбе хранилось, и домой пошёл. Теперь было чем отцовский долг отдать. Вздохнул крестьянин, словно у него гора с плеч упала. Да и то сказать: кормилец в семье объявился! Шутка ли, всю округу от тролля избавил, отцу опорой стал!

ШВЕДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЗВЕНИТ ЛИ МОЯ ЛИПА, ПОЁТ ЛИ СОЛОВЕЙ?

Жили-были на свете король с королевой. И была у них дочка — добрая-предобрая, а лицом — с белым цветком схожа. Поэтому и прозвали её Маленькая Роза. При королевском дворе все в ней души не чаяли.

Вот однажды захворала королева и умерла. Плакали король с дочкой, плакали, а потом вдруг король снова жениться на-думал: нельзя Маленькой Розе без материнской ласки жить.

За невестой дело не стало: нашлась вдова — злющая, уродливая, словно троллиха. Ходила молва, будто она троллиха и есть. А дочка её родная ни в чём матушке не уступала. Разве что лицом была ещё уродливей да ростом повыше, оттого и прозвали её Сквернавка Долговязая.

Ничего этого король про невесту свою с дочкой её не знал. Заколдовала его троллиха, одурманила улыбками ласковыми и речами льстивыми. Думал он, что матушки добрее для Маленькой Розы не сыскать. Ну а дочка мачехина будет принцессе подружкой.

Женился король на вдове, и стала Маленькая Роза со Сквернавкой Долговязой под одной крышей жить.

Много ли, мало ли времени прошло, заметили новая королева с дочкой, как в замке все Маленькую Розу любят, а в их сторону

и не глядят. Что тут началось! Мачеха с дочкой от зависти чуть не лопнули. И стали думать, как бы принцессе отомстить, потирани́ть её вволю. Вот и заставили они её не только свою работу выполнять, но и за сестрицу названую трудиться. Сквернавка-то Долговязая была ленивая-преленивая. А Маленькая Роза трудолюбием славилась. Сколько работы на неё ни взвалят, ей всё ни почём. Все мачехины наказы до единого выполнит и радуется — словно жаворонок, поёт, заливается. Королева ещё пуще гневается: никак ей Маленькую Розу не сломить.

Вот пошли как-то мачеха с дочкой в сад и Маленькую Розу с собой взяли. Идут они и видят: стоит садовник под яблоней, трухлявую ветку разглядывает и говорит:

— Надо бы эту ветку срубить, да только я топор в другом конце сада оставил.

Подзывает садовник мальчонку-помощника и говорит ему:

— Сбегай за топором!

А королева его останавливает:

— Ещё чего! Пусть Маленькая Роза сбегает!

— Негоже королевской дочери за топором бегать! — закинулся было садовник.

Только с королевой не поспоришь.

— Как смеешь мне перечить! — разгневалась она.

Повернулась королева к падчерице и молвила в сердцах:

— Ах ты ленивица! Ты ещё здесь? Уже сто раз могла бы топор принести!

Только она эти слова выговорила, Маленькая Роза уже на другой конец сада бежит. Подбегает к топору и видит: на топорнице три белые голубки сидят, отдыхают. Сунула Маленькая Роза руку в карман, достала ломоть хлеба, что на завтрак себе припасла, раскрошила его, а крошки голубкам рассыпала. И ласково так говорит:

— Голубки вы мои милые! Придётся вас потревожить. Велено мне топор садовнику принести.

Вспорхнули голубки с топорница и за крошки принялись. А Маленькая Роза топор схватила и к мачехе бежать.

Не успела она скрыться из виду, стали голубки совет держать, думу думать, как бы эту юную девицу за доброту вознаградить.

— Пусть станет ещё краше, чем была! — решила одна.

— Пусть её русые волосы как золото заблестят! — молвила другая.

— Пусть всякий раз, как Маленькая Роза улыбнётся, с уст её золотой перстень слетает!— проворковала третья.

Захлопали голубки крыльями и улетели.

Маленькая Роза тем временем к яблоне подбегает и топор садовнику подаёт. Глянул он на неё да так и ахнул. Маленькая Роза и прежде хороша была, а тут ещё краше стала! Волосы её как золото блестят. Улыбнулась она садовнику — и с уст её, откуда ни возмись, золотой перстень слетел.

Королева чуть дара речи не лишилась. Поспешила она с обеими девицами в замок и давай Маленькую Розу выпрашивать: что да как и почему с ней такая перемена случилась.

— Знать ничего не знаю,— отвечает ей принцесса.— Сидели в дальнем конце сада на топорище три белые голубки, а их оттуда сманила, топор взяла и сюда прибежала.

Позеленела мачеха от зависти и досады. Ночью глаз не сомкнула, всё думала, как бы родной её дочке не хуже падчерицы стать.

Наутро посылает она за садовником и велит ему:

— Положи топор на прежнее место, туда, где он вчера лежал. А сам к яблоне с трухлявой веткой ступай!

Поклонился ей садовник и говорит:

— Будь по-твоему!

Вскоре кликнула королева обеих девиц, и пошли они все вместе в сад. Идут и видят: стоит садовник под яблоней и вид делает, будто ещё одну трухлявую ветку разглядывает. А потом и говорит:

— Надо бы эту ветку срубить, да только я топор в другом конце сада оставил.

Подзывает садовник мальчонку-помощника и велит ему за топором сбегать. Королева его останавливает: пусть, мол, её родная дочка сбегает.

— Негоже королевской падчерице за топором бегать!— заикнулся было садовник.

Только с королевой не поспоришь.

— Как смеешь мне перечить!— разгневалась она.

Повернулась королева к дочери и ласково так молвила:

— Сходи, доченька милая, за топором. Не пожалеешь!

Удивилась Сквернавка Долговязая. Ведь никогда прежде работать её никто не заставлял. И подумала: «Ладно уж! Выполню я матушкин наказ. Может, мне золотой убор за это подарят».

И пошла неспешно. Подходит к топору, а на топорище три белые голубки сидят, отдыхают. Разозлилась Сквернавка Долговязая и ну кричать:

— Ишь расселись! Загрязните ещё топорище, а мне его потом в руках нести! Убирайтесь прочь, не то худо будет!

Взяла Сквернавка пригоршню песка да как швырнёт в голубок! Вспорхнули голубки с топорища, подальше отлетели. А Сквернавка топор схватила и поволокла по садовой дорожке.

Не успела она скрыться из виду, стали голубки совет держать, как бы эту юную девицу за злые слова наказать.

— Пусть станет ещё уродливей, чем была!— решила одна.

— Пусть вместо волос у неё на голове репейник вырастет!— молвила другая.

— Пусть всякий раз, как Сквернавка Долговязая улыбнётся, с уст её чёрная жаба спрыгивает!— проворковала третья.

Захлопали голубки крыльями и улетели.

Сквернавка Долговязая тем временем к яблоне подходит и топор садовнику швыряет. Глянул он на неё да так и ахнул. Сквернавка-то и прежде дурна собой была, а тут ещё уродливее стала. На голове у неё вместо волос репейник вырос! Вспомнила тут Сквернавка, как голубок прогнала, улыбнулась, и с уст её, откуда ни возмись, чёрная жаба спрыгнула.

Королева чуть дара речи не лишилась. Поспешила она с дочкой в замок и укрыла её в потайном покое, чтобы никто больше не видел, как с уст Сквернавки жабы чёрные прыгают.

С того дня возненавидела королева Маленькую Розу лютой ненавистью. Тяжко ей было красоту падчерицы видеть. А тиранить её — проку нет: наказания все выполняет, работы никакой не боится. Стала королева день и ночь думать, как Маленькую Розу известить. Прослышала она, что один корабельщик в дальние края отплыть собирается. Велела ему в замок явиться. Пришёл корабельщик, а королева и говорит:

— Награжу по-королевски, коли Маленькую Розу к себе на шхуну возьмёшь. А как в море выйдешь, кинь принцессу в волны, чтоб и следа от неё на белом свете не осталось.

Отказывается корабельщик Маленькую Розу топить.

— Нет! Не могу!— одно твердит.

Стала королева его увещевать, все свои чары троллихины в ход пустила. А всё зря! Корабельщик на своём стоит:

— Нет! Не могу Маленькую Розу срубить!

Вытащила тогда королева мешок с золотом и посулила ему тот мешок отдать, коли он Розу в море бросит. Не выдержал корабельщик — жадность его одолела, — согласился.

— Ладно! Будь по-твоему!

Ночью разбудила королева Маленькую Розу и велела ей мешок с золотом корабельщику отнести. Спустилась принцесса к морю, кругом непроглядная тьма стоит. Но только она на борт шхуны ступила, корабельщик золото взял и тут же паруса поднял.

Не успела Маленькая Роза опомниться, как шхуна уже отчалила.

А мачеха её на берегу стоит, от радости себя не помнит.

Вдруг неожиданно-негаданно налетела буря, завыл, засвистел ветер. Долго кидало шхуну туда-сюда, а после в щепки разбило; корабельщики все ко дну пошли. Одна Маленькая Роза в живых осталась. Подхватили её волны и понесли далеко-далеко в море, на зелёный островок. Выбросили волны девицу на берег, а сами назад откатились. И чудится ей, будто над волнами три белые голубки летят.

Поднялась принцесса на ноги и побрела куда глаза глядят. Шла она, шла, кругом — ни души. На всём островке она одна-одинёшенька. Кормиться ей, кроме ягод да корней лесных, нечем. Однако Маленькая Роза духом не пала, не покладая рук стала трудиться, ягоды да корни собирать, и не только для себя, но чтобы всем птицам и зверюшкам лесным досталось. Горевала она только, что батюшку своего больше не увидит.

Вот однажды бродила принцесса по лесу, притомилась, и сон её сморил. Снится ей, будто прилетели к ней три белые голубки и говорят:

— Не печалься, Маленькая Роза, ты на свете не одна, мы всегда с тобой, в любой беде поможем, злые чары развеем. Вот увидишь!

Проворковали голубки и улетели.

А принцесса ещё крепче заснула. И снится ей, будто кто-то играет и поёт. Да так сладко! Открывает она глаза, а рядом — вот чудо! — липа вся в цвету стоит. Видать, за ночь выросла! И каждый, даже самый малый листочек на липе так дивно звенит, так играет! А на верхушке липы серая пташка соловей сидит — поёт, заливается! Смолкнут листочки — соловей утихает! Зазвенят, заиграют листочки — соловей запоёт!

С того самого дня не печалилась больше принцесса. И вправду, она на свете не одна! А станет грустно, подойдёт Маленькая Роза к

липе, послушает, как листочки звенят, как соловей поёт, и печаль её тут же как рукой снимет!

Только дом свой и старого отца забыть принцесса не может. Сидит, бывало, под липой на берегу — в даль морскую глядит.

И вот однажды видит она: корабль большой-пребольшой на всех парусах к островку мчится. На палубе — молодой король стоит, а вокруг корабельщиков да слуг — не счесть.

Подплывает корабль ближе, и слышит Маленькая Роза, как король со своими людьми переговаривается.

— Незачем, государь, к островку причаливать, заколдован он. А иначе кто бы мог играть там да петь?! — говорят ему.

Король же в ответ:

— С пути не сверну. Не будет мне покоя, пока не узнаю, кто так дивно играет и так сладко поёт. А как узнаю, снова в чужеземные страны поплыву.

Не стали ему больше корабельщики и слуги перечить. Подплыл корабль к берегу, король на сушу прыгнул да бегом туда, откуда музыка и пение слышались. Бежит король и диву даётся. Ничего отраднее слышать ему не доводилось. Подбегает он и видит: стоит липа вся в цвету, и каждый, даже самый малый листочек на липе звенит и играет. А на верхушке липы серая пташка соловей сидит — поёт, заливается! Смолкнут листочки — соловей утихает! Зазвенят, заиграют листочки — соловей запоёт!

Под липой девица сидит, лицом — с белым цветком схожа, а волосы как золото блестят.

Поклонился девице король и спрашивает:

— Ты ли островку этому хозяйка?

— Должно быть, я, — отвечает девица, — ведь кроме меня никто здесь не живёт. Одна я на островке — с липой моей да соловьём.

Улыбнулась девица — и с уст её перстень золотой слетел.

Чуть не онемел от удивления король, но совладал с собой и спрашивает:

— Кто ты? Может, русалка?

Она ему в ответ:

— Принцесса я. Зовут меня Маленькая Роза. Корабль, на котором я плыла, в щепки разбился. Корабельщики погибли, а меня волны на островок этот вынесли.

Про мачеху и про её козни умолчала Маленькая Роза.

Как узнал молодой король, что девица не русалка, обрадовался и снова спрашивает:

— Поплывёшь ли со мной? А может, замуж за меня пойдёшь?

— С радостью! — отвечает принцесса. — Только с липой и соловьём расстаться я не могу. Возьмём их с собой.

— Будь по-твоему! — согласился король.

Выкопали они липу, погрузили вместе с соловьём на корабль и поплыли в замок королевский. А как приплыли, липу во дворе замка перво-наперво посадили. И расцвела она там на диво, ничуть не хуже, чем на зелёном островке. Цветёт липа, листочки звенят, играют, соловей поёт, и все в округе радуются не нарадуются.

Сыграли король с Маленькой Розой свадьбу, а через год сынок у них родился. Вспомнила тут молодая королева старого своего отца, гонца к нему посылает и наказывает:

— Скажи батюшке: жива я, здорова, за короля замуж вышла. И сынок у нас родился.

Обрадовался старый король, как узнал, что дочка его жива-здорова. Да и все в королевстве вместе с ним радовались. Одна только королева-троллиха да дочка её Сквернавка Долговязая от горя себя не помнили. Считали они, что Маленькая Роза давным-давно на дне морском лежит. А тут, глядишь, она вот-вот домой вернётся. Да не бедной падчерицей, а знатной и богатой королевой. И расскажет отцу, сколько зла они ей причинили.

Стали тут мать с дочкой голову ломать: как быть? Думали они, день и ночь думали, и решили: кроме хитрости и колдовства ничто им не поможет.

Пошла королева к мужу и говорит:

— До чего же я по Маленькой Розе истосковалась! Хочу с падчерицей моей, с мужем её и с новорождённым сынком поскорее свидеться! Поеду-ка я к ним!

— Ну что ж! Коли так, поезжай! — обрадовался старый король. — Поклонись от меня дочке с зятем да внуку малому.

И поехала она к падчерице в замок. Встречают её как гостью желанную. Молодой-то король о кознях её знать не знал. А Маленькая Роза в счастье своём про них и вовсе позабыла. Да и троллиха до того доброй, до того ласковой прикинулась! И всё про Розу — какой она раньше была — рассказывает. На сынка её светлокудрого глядит не наглядится. Будто матушка родная, а не злая мачеха к Маленькой Розе приехала: в ней, муже её — короле и малом принце души не чаёт.

Гостит мачеха в замке день, гостит другой, а на третий и говорит:

— Нагостились я вволю. Пора и домой, к мужу моему. Соскучился, поди, король. А на прощанье прими, Роза, подарок. Я его из дому привезла.

И достаёт рубашку шёлковую, золотом шитую. А Маленькой Розе и невдомёк, что в рубашке той её гибель таится. Ни обмана, ни злого умысла не заподозрила молодая королева. Поклонилась она мачехе, благодарит её:

— Спасибо тебе!

Улыбнулась старая троллиха — она-то знала, что подарок её заколдован. Распрощалась со всеми и домой покатила.

Прошёл день, за ним другой. А на третий достала Маленькая Роза рубашку шёлковую, мачехин подарок, гладит её, на искусное шитьё любуется. И захотелось ей вдруг рубашку на себя надеть. Но только она рубашку на плечи накинула — вмиг гусыней обернулась! Да не простой гусыней, а гусыней с перьями золотыми — у Маленькой Розы волосы-то золотые были. Взмахнула гусыня крыльями, вылетела в окошко, бросилась в море — и поминай как звали!

В тот же час увяла зелёная липа, смолкли листочки, утих соловей. Слуги в замке дивятся, друг друга спрашивают:

— Что стряслось?

Побежали в королевскую опочивальню. Глядь — на полу рубашка, золотом шитая, лежит. А самой королевы и след простыл. Как ни звали, как ни искали — исчезла Маленькая Роза.

Разнеслась молва о том по всему королевству. Ищут Маленькую Розу на востоке, на западе ищут — нигде найти не могут. Люди в замке, да и во всей округе от горя почернели. Пуще всех молодой король убивается. Заперся в своих покоях, никого не пускает. А о новорождённом сынке и говорить нечего. День и ночь плачет.

Но вот однажды ночью вышли рыбаки королевские в море — сети закинуть. И видят: месяц светит, а по лунной дорожке красавица гусыня с золотыми перьями плывёт, на волнах качается. Удивились рыбаки и думают-гадают: к добру ли эта встреча? Тем временем подплыла к ним гусыня, головку в поклоне склонила и молвила:

— Доброй ночи, рыбаки! Как там у меня дома, в королевском замке?

Звенит ли моя липа?

Поёт ли соловей?

Плачет ли мой маленький сынок?

Горюет ли супруг мой обо мне?

Признали тут рыбаки по голосу свою королеву, и стало им не по себе. Отвечают ей честно:

— В королевском замке — хуже некуда!

Не звенит твоя липа!
Не поёт соловей!
День и ночь плачет твой маленький сынок!
День и ночь горюет супруг твой о тебе!

Вдохнула гусыня с золотыми перьями, молвила печально:

Я по синим волнам
Всё плыла и плыла...
Никогда мне не стать
Той, что прежде была!

Спокойной ночи, рыбаки! Ещё дважды я вам явлюсь! Больше — не ждите.

Сказала и исчезла.

Поплыли рыбаки к берегу, а как причалили, в королевский замок поднялись. И поведали молодому королю обо всём, что с ними приключилось.

Услыхал король про гусыню с золотыми перьями и велит рыбакам:

— Гусыню с золотыми перьями — изловить! Награжу по-королевски.

Вот снова настала ночь. Вышли рыбаки в море — сети закинуть. Крепкие сети взяли они с собой в этот раз.

Только месяц взошёл, показалась гусыня с золотыми перьями. Подплыла она к рыбацкой лодке, головку в поклоне склонила и молвила:

— Доброй ночи, рыбаки! Как там у меня дома, в королевском замке?

Звенит ли моя липа?
Поёт ли соловей?
Плачет ли мой маленький сынок?
Горюет ли супруг мой обо мне?

А рыбаки ей в ответ:

— В королевском замке — хуже некуда!

Не звенит твоя липа!
Не поёт соловей!
День и ночь плачет твой маленький сынок!
День и ночь горюет супруг твой о тебе!

Вдохнула гусыня с золотыми перьями и молвила печально:

Я по синим волнам
Всё плыла и плыла...
Никогда мне не стать
Той, что прежде была.

Спокойной ночи, рыбаки! Ещё один, последний раз я вам явлюсь! Больше — не ждите!

Сказала и уплыть хотела. Да не тут-то было! Изловчились рыбаки и накинули на неё крепкие сети. Испугалась гусыня с золотыми перьями, крыльями забила, загоготала, заголосила:

— Отпустите меня скорее! Или держите крепче! Отпустите меня скорее! Или держите крепче!

В тот же миг исчезло её золотое оперение и стала она обличье своё менять. То змеей обернётся, то драконом о двенадцати головах, то неведомым страшным морским чудищем. Испугались рыбаки и выпустили сети из рук.

Делать нечего. Поплыли они к берегу, а как причалили, в королевский замок поднялись. И поведали молодому королю обо всём, что с ними приключилось.

Разгневался король и говорит:

— Трусы вы! Дали себя запугать! Возьмите в королевской кладовой новые сети. Да чтобы крепче прежних были! Держите гусыню изо всех сил! Упустите — жизни лишитесь!

Вот настала третья ночь. Вышли рыбаки в море — сети закинуть. Сети те были вдвое крепче прежних. Плывут рыбаки, плывут, уж и месяц взошёл, а гусыни с золотыми перьями всё нет и нет. Наконец показалась она. Подплыла к рыбацкой лодке, головку в поклоне склонила и молвила:

— Доброй ночи, рыбаки! Как там у меня дома, в королевском замке?

Звенит ли моя липа?
Поёт ли соловей?
Плачет ли мой маленький сынок?
Горюет ли супруг мой обо мне?

А рыбаки ей в ответ:

— В королевском замке — хуже некуда!

Не звенит твоя липа!
Не поёт соловей!
День и ночь плачет твой маленький сынок!
День и ночь горюет супруг твой о тебе!

Вдохнула гусыня с золотыми перьями и молвила печально:

Я по синим волнам
Всё плыла и плыла...
Никогда мне не стать
Той, что прежде была!

Спокойной ночи, рыбаки! Не явлюсь я вам больше никогда!
И не ждите.

Сказала и уплыть хотела. Да не тут-то было! Изловчились рыбаки и накинули на неё крешкие сети. Испугалась гусыня с золотыми перьями, крыльями забила, загоготала, заголосила:

— Отпустите меня скорее! Или держите крепче! Отпустите меня скорее! Или держите крепче!

В тот же миг исчезло её золотое оперение и стала она обличье своё менять. То змеей обернётся, то драконом о двенадцати головах, то неведомым страшным морским чудищем. Испугались рыбаки, но вспомнили угрозу королевскую и потому сети из рук не выпускали. Как ни билась гусыня с золотыми перьями, как обличье ни меняла — изловили они её под конец.

Поплыли рыбаки к берегу, радостные и весёлые, а как причалили, сразу в королевский замок поднялись. И передали молодому королю из рук в руки свою добычу. Обрадовался король и велел слугам день и ночь гусыню с золотыми перьями сторожить, чтобы не улетела.

Сидит гусыня в королевской опочивальне грустная-прегрустная, слова не вымолвит. Опечалился пуще прежнего король, заперся в своих покоях и никого к себе пускать не велит.

Много ли, мало ли времени прошло, только вдруг подходит к воротам замка старушка. На плече у неё три голубки сидят. Поклонилась старушка стражнику и просит:

— Дозволь, добрый человек, к королю пройти!

— Не смею тебя к нему допустить, — отвечает стражник. — Беда у короля великая, и видеть он никого не желает.

— Знаю! — молвила старушка. — Потому-то я и пришла — хочу ему в беде помочь.

Глянул на неё стражник, и показалось ему, будто она и не человек вовсе, будто старушка — из добрых эльфов. Да ещё три белые голубки у неё на плече!

Думал стражник, думал и говорит:

— Так и быть! Доложу о тебе королю!

Пошёл он в королевские покои и докладывает:

— Государь мой, король! Старушка у ворот замка стоит. Обещает тебя из беды вызволить. Похоже, она эльфов племени.

А на плече у неё три голубки сидят. Может, даст тебе старушка добрый совет.

Приказал король её в покои привести. Явилась старушка к нему со своими голубками, учтиво поклонилась. Король её спрашивает:

— Зачем я тебе понадобился?

— Милостивый государь мой, король, — отвечает старушка, — слыхала я, будто супруга твоя гусыней с золотыми перьями обернулась. И ты день и ночь беду свою оплакиваешь. Вот и пришла я злые чары развеять и жену тебе вернуть. Но ты мне за это тоже службу сослужи.

— Коли просьба твоя мне под силу, получишь всё, что душе угодно. Скажи только, чего желаешь! — воскликнул король.

— Живу я с детьми, — молвила старушка, — на другом берегу реки, в горе. Река по твоим владениям течёт, на горных склонах стада твои пасутся. И коровы так громко у нас над головами, прямо на крыше дома нашего, копытами стучат, да ещё мычат в придачу, что ни детки мои малые, ни я сама покоя не знаем. Так вот обнеси-ка ты гору каменной стеной! Тогда стада не смогут больше по нашей крыше ходить и нам мешать.

— Только и всего! — обрадовался король. — Исполню твоё желание. А теперь скажи, чем можно горемычной жене моей помочь?

— Сперва ты должен правду узнать, — ответила старушка.

И рассказала она ему про злодейку-троллиху — мачеху Маленькой Розы и про её козни. А под конец молвила:

— Шёлковая-то рубашка, золотом шитая, — мачехин подарок — заколдованная. Из-за неё все ваши беды.

Не поверил ушам своим молодой король.

— Не может того быть! — закричал он. — Старая королева такая добрая! Неужто всё зло от неё?

— Верь мне, — молвила старушка. — Всё так и есть, как я говорю. Мне про всё голубки-вестницы мои рассказали. А куда ты рубашку девал? Когда Маленькая Роза исчезла, шёлковая рубашка, золотом шитая, на полу в опочивальне осталась.

— В ларец я её спрятал, — ответил король.

Подошёл он к большому ларцу, что в углу горницы стоял, вытащил рубашку и госте её отдал.

— Веди меня в опочивальню, где гусыня с золотыми перьями сидит! — велела старушка.

А как пришли они туда и король двери отворил, старушка тотчас же гусыне рубашку на головку и накинула.

Что тут случилось! Ударил гром, сверкнула молния, с неба звёзды посыпались. А потом вдруг всё стихло, и глядь — стоит посреди горницы красавица. И все в ней тотчас Маленькую Розу признали: лицо — с белым цветком схоже, волосы — как золото блестят. Улыбнулась молодая королева — и с уст её перстень золотой слетел. Кинулся к ней король — то-то радости было!

Зацвела, зазвенела, заиграла вдруг снова липа, запел соловей. И сынок королевский плакать перестал. А король про беду свою и думать забыл.

Не забыл он только обещания, что старушке дал.

— Спасибо тебе! — сказал ей король. — Сегодня же всё, что посулил, исполню.

Поклонилась старушка и пошла домой. А на плече у неё три голубки по-прежнему сидят.

В тот же день приказал король окрестные горы каменной стеной обнести. Перестали коровы своим топотом и мычанием эльфов беспокоить.

День и ночь помнил король и про лютую троллиху. Может, она снова захочет падчерицу свою, Маленькую Розу, извести? Ведь никто не знает, что на сей раз злодейке-мачехе в голову взбредёт.

Думали-гадали молодые король с королевой, как им быть, и надумали к старому королю отправиться. Пусть сам жену с дочерью рассудит, троллиху покарает.

Пустились молодые супруги в дорогу и сына малюго с собой взяли — деду показать.

А путь был неблизкий. Ехали они, ехали, наконец приехали в королевство, откуда Маленькая Роза родом была. До чего ж обрадовался старый король, когда дочку свою любимую с мужем да сынком увидел! Ведь и до него дошла молва о том, что Маленькую Розу заколдовали и она гусыней с золотыми перьями обернулась.

Вместе с королём все в замке радовались, что жива она, здорова и ещё краше стала. Только королеве старой не до веселья было. Почуяла троллиха, что расплата близко. И не только ей, но и Сквернавке Долговязой несдобровать. Ведь она во всём матери своей помогала, заодно с ней была.

Поведал тем временем молодой король отцу Маленькой Розы, как жена его падчерицу извести хотела.

Не поверил сначала зятю старый король:

— Неужели такое зло на свете бывает?!— И спрашивает дочку:— Правда это?

— Правда!— отвечает Маленькая Роза.— А не говорила я об этом потому, что печалить тебя не хотела.

Разгневался старый король, повелел стражникам:

— Троллиху казнить!

Но тут Маленькая Роза за мачеху вступилась:

— Не казни её до смерти, батюшка!

И так она молила, что король гнев на милость сменил и приказал стражникам:

— Заточить троллиху в башню! И Сквернавку Долговязую туда же!

Ну а что дальше было?

А вот что. Воротились молодой король с женой да с малым сыном к себе домой. И всё-то у них хорошо, всё-то ладно было.

Звенит в том королевстве липа.

Поёт там соловей.

День и ночь спокоен королевский сынок.

День и ночь радуется молодой король.

И нет-нет голубки белые к Маленькой Розе прилетают, на пире понируют, а после в гору к эльфам обратно улетают.

БЕДНЯК И БОГАЧ

Жили в старину в Вермланде два крестьянина: один был бедный, другой богатый. Настало рождество. У бедняка в доме ни еды, ни дров нет, а у богача — праздничный стол накрыт и гости со всех сторон съезжаются.

И надумал бедняк в лес отправиться, воз хворосту раздобыть: есть нечего, так пусть в доме хоть тепло да светло будет.

Запряг он свою лошаде́нку и в лес поехал. А время было позднее. Бедняк едва успел воз нагрузить, как уже и стемнело. Пора было домой возвращаться. Только повернул он из лесу, слышит — шум раздался, захлопали крылья, и села к нему на воз большая чёрная птица — ворон не, ворон, а кто — не разобрать. Подивился крестьянин: никогда раньше такой птицы он не видывал. Но не стал её прогонять, оставил на возу и поехал с хворостом домой.

Приехал он к себе во двор и принялся лошадь распрягать, а птица всё на возу сидит. Увидал птицу богатый сосед и любопытствует:

— Что за диковина? Откуда такая птица?

— Да в лесу ко мне на воз прибилась,— отвечает бедняк.

Подошёл богач поближе, взял птицу в руки и увидел, что под крылом у неё золотыми буквами написано: «Кто мою голову съест — королём станет, а кто сердце моё съест — каждую ночь под подушкой кошелёк с семью дукатами¹ найдёт».

Ничего не сказал богач бедняку, утаил от него, что прочитал, и просит:

— Соседушка! Отдай мне чёрную птицу, а я за это и тебя, и всю твою семью в праздник вдоволь попотчую.

— Ладно, сосед,— говорит бедняк,— бери птицу, а нам еда в доме не лишняя.

— Пришли ко мне детишек своих,— велит богач.

Принёс он птицу на поварню и приказал поварихам её резать, а голову и сердце в отдельных котелках сварить, и ещё приказал для бедняка снести и хмельного наготовить. Сам к гостям ушёл. Понадеялся богач: съест он птичью голову — и станет королём, а жена его съест птичье сердце — и каждую ночь у себя под подушкой кошелёк с семью дукатами будет находить. Окажутся в их руках и власть, и богатство.

Оцинали поварихи птицу, опалили, голову и сердце положили в котелки и поставили на огонь, а сами на скотный двор отлучились.

Тем временем пришли на поварню ребятишки с бедняцкого двора — отец их за рождественским угощением прислал. Видят — никого на кухне нет. Взяли они снедь и хмельное, что им наготовили, а заодно и того, что в котелках варилось, с голоду отведали. Один мальчонка голову птичью съел, а другой — сердце.

Вскоре прибежал на поварню богач. Хватился — ни головы, ни сердца птичьего в котелках нет. Заподозрил он соседских ребятишек. Но сказать ничего не сказал: птицу-то он у соседа обманом добыл.

Проснулись на другой день дети бедняка, смотрят — под подушкой у одного кошелёк с семью дукатами лежит. Показал мальчонка кошелёк отцу.

¹ Дукат — с XIII века венецианская золотая монета (иначе называется *цехин*), распространившаяся впоследствии по всей Европе.

— Где взял, откуда столько денег? — стал расспрашивать детей бедняк.

А они одно твердят:

— Знать не знаем, ведать не ведаем.

Подумал бедняк, что ребятишки те деньги украли. Разозлился и прогнал обоих со двора.

— Хотя деньги у нас никогда и не водились, а только ворованного мне не надо! Вон из дому!

Побрели дети куда глаза глядят и пришли под конец в дремучий лес. Темно, страшно, человеческого жилья не видно; только неведомые птицы кричат да рычат неведомые звери. Шли они, шли и натолкнулись на дряхлый домишко. А в домике старушка древняя жила. Приютила она их на ночь и просит:

— Отдайте мне семь дукатов, а я вас уму-разуму научу.

Отдали дети ей деньги, и подсказала им старушка, как дальше быть.

— Иди службы при королевском дворе! — сказала она старшему брату. — А ты с ним иди! — посоветовала она младшему.

Утром пошли братья дальше.

Долго они из дремучего леса выбирались, много горя хлебнули. Но под каким деревом братья ни заночуют, проснутся — у младшего под головой уже кошелёк с семью дукатами лежит.

Набредли однажды братья на королевский замок. Взял их король в услужение. А потом стал старший брат, что птичью голову съел, и сам королём. Младший, что съел птичье сердце, разбогател несметно. Каждое утро, как встанет, — у него под подушкой уже кошелёк с семью дукатами лежит.

Но в счастье не забыли братья старого отца с матерью: взяли их к себе, и жили они все счастливо до конца дней своих.

ОХОТНИК БРЮТЕ

Жили в старину в Сконе бедные торпари, муж с женой, и был у них один-единственный сын. С малых лет любил мальчик с ружьём за спиной бродить. И прозвали его поэтому Охотник Брюте.

Немало времени прошло, подрос Брюте, стал рослым и сильным. Вот как-то раз пошёл он по обычаю своему в лес на охоту и видит: на вершине голой скалы дитя малое сидит и ручонками от огромного орла отбивается. А орёл так и кружит над ним, так

и норовит камнем на него упасть. Зарядил Брюте ружьё, прицелился да и пальнул в орла. Тот и упал замертво.

Влез Брюте на скалу, чтоб дитя снять, только оказалось, что спас он вовсе не дитя человеческое, а троллёрка. Задумался было Брюте: «Вроде зря орла загубил. Чего троллево отродье жалеть?» Но взглянул на троллёрка и увидел, что тот добрый и ласковый. А троллёрка будто мысли его отгадал и говорит:

— Не печалься, что ты орла загубил. Не орёл это вовсе, а злой тролль, что поклялся наше семейство извести. Много он нам бед и горя причинил. Спасибо тебе, добрый охотник! Пойдём со мной! Вознагражу я тебя по заслугам.

Привёл троллёрка Охотника Брюте к себе домой. Услыхали старые тролли, что Охотник их детище от орла спас, и захотели его одарить — повели в свою сокровищницу и говорят:

— Выбери себе здесь из всего, что приглянется, три сокровища.

А выбирать есть из чего: тут и золото, и серебро, и лошади, и золотые кареты! Стоит Брюте, глаза у него разбегаются. Увидел троллёрка его растерянность, подкрался и тихонько шепчет:

— Бери серого ослика, деревянную дудочку да старое ружьё!

Послушался Брюте и взял всё, что троллёрка ему посоветовал. Распрощался он с троллями и уходить собрался. А троллёрка ему напоследок шепчет:

— Королю как раз искусный охотник нужен. Попробуй к нему на службу наняться!

Послушался Брюте троллёрка и на этот раз. Пошёл он в королевский замок и нанялся к королю в охотники. Стал он королю служить, и сгодились ему деревянная дудочка и старое ружьё, что он в подарок от троллей получил. Выйдет Брюте в лес, заиграет на дудочке, а к нему со всех сторон какая хочешь дичь слетается. Поспевай только прицеливаться да стрелять. А ружьё его тоже без промаха било, поспевай только дичь подбирать.

Никогда ещё на королевском столе такой богатой дичины не было, и никогда ещё ни один охотник в такой милости, как Брюте, у короля не был. Разозлились королевские придворные и ждали только случая, чтобы досадить Брюте и лишить его королевской милости.

А у Брюте и в мыслях не было, что против него зло затевают. И не думал он вовсе скрывать, как дичь для королевского стола добывает. Вскоре узнали недруги все его тайны. Пошли они

к королю и говорят, что так, мол, и так, Брюте — злой тролль, извести его надо. А хочет спасти свою жизнь — пускай добудет украденную злой ведьмой королевскую дочку.

Приказал король позвать Брюте и спрашивает его:

— Хочешь спасти свою жизнь? Верни мне принцессу! Знаем мы, что ты с троллями водишься!

— Помирать сейчас у меня охоты нет. Уж лучше положить на это дело жизнь и отыскать принцессу, — сказал Брюте королю, а сам подумал: «Попытаю счастья. Кто смел, тот и цел!»

И ушёл от короля.

Стоит он у ворот королевского замка и не знает, куда ему путь держать, где принцессу искать.

— Эх, был бы со мной троллёнок! — сказал он сам себе и вспомнил вдруг про троллеву дудочку.

Вытащил он дудочку и заиграл. Слышит: стон по лесу, рёв да свист пошли. Не успел опомниться — стоит перед ним маленький серый ослик.

— Забыл ты меня с собой взять, — молвил ослик, — ну да ладно, прощу тебя! Троллёнка-то от орла ты спас! Садись ко мне на спину, да поживее, отвезу я тебя в замок к ведьме. Слушайся меня во всём — принцесса твоя! Но помни: испугаешься, захочешь назад воротиться — пропали мы, и ты и я!

Пообещал Брюте ослику делать всё, как он велит.

— А храбрости мне не занимать, — сказал он.

И пустились они в путь-дорогу дальнюю, Брюте не знакомую. Ослик же знай себе трусит рысцой, будто не впервой ему тут ехать. Добрались они наконец до ведьминогo замка. Постучался Брюте в ворота, и они будто сами отворились. Вышла к ним ведьма, страшная-престрашная. Ноги у нее — страусиные, туловище — жабые, шея — гусятая, а голова — орлиная. Не думал Брюте, что есть на свете такое чудовище — задрожал от страха, да, к счастью, вовремя одумался, вспомнил, что обещал ослику ничего не бояться. Набрался он храбрости и сказал ведьме:

— Отдавай мне принцессу, что ты украла.

Поняла ведьма, что Брюте не запугаешь, обернулась человском, пригласила в замок, а ослика приказала на конюшню отвести. В замке ведьма сама проводила Брюте к принцессе.

Сидит принцесса в горнице и шёлком да золотом волшебный узор вышивает. Спрашивает ведьма принцессу:

— Хочешь с Брюте домой отправиться?

— Как не хотеть! — отвечает принцесса.

Вот и говорит тогда ведьма Брюте:

— Даю тебе три дня сроку на испытание: отыщешь трижды за три дня принцессу — освобожу её, и пусть с тобой домой отправляется. А не отыщешь — ты моим пленником станешь.

Согласился Брюте — понадеялся, что ослик ему поможет. Повела его ведьма в богатую опочивальню, а он и говорит:

— Нет уж! Спасибо тебе! Не хочу в замке ночевать.

И пошёл к ослику на конюшню. Разозлилась ведьма, разъярилась, а заставить его в замке ночевать не может. Нет у неё пока над ним власти. И всё вышло, как хотел Брюте.

Пришёл он на конюшню, накормил, напоил своего ослика и про уговор с ведьмой рассказал. А ослик ему наказывает: так, мол, и так делай.

Пришёл наутро Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрята- тала. Ищет охотник принцессу, ищет и наткнулся на её корзину с рукоделием. Взял он оттуда самый маленький шёлковый клубочек и хочет себе в карман сунуть.

— А я тут! — говорит принцесса.

Заклдовала её ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в шёлковый клубочек спрятаться.

— Повезло тебе на этот раз! — проворчала ведьма. — Завтра я её получше спрячу!

Вторую ночь Брюте снова на конюшню спал. И снова дал ему ослик добрый совет: так, мол, и так делай.

На другой день пришёл Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрята- ла. Ищет принцессу охотник, ищет и наткнулся на дубовый стол. Взял он со стола хлеб и нож и хочет тем ножом хлеб разрезать.

— Ой, ой! Пощади мою жизнь, не режь меня! — взмолилась принцесса.

Заклдовала её ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в каравай хлеба спрятаться.

— Понятно мне, кто твой советчик! — разозлилась ведьма. — Поглядим, как дело в третий раз обернётся.

И вот на третий день задумала ведьма такое, что не смог ослик наперёд сказать, куда она принцессу спрячет. Пришёл охотник в замок, ищет принцессу, ищет, а найти никак не может. Ведьма от радости ухмыляется.

Пошёл Брюте к ослику и рассказал про свою беду.

— Отведи меня к колодцу на водоной! — попросил ослик.

Отвёл охотник ослика к колодцу и видит вдруг: на ослином копыте слепень сидит.

— Вот я тебя сейчас поймаю! — сказал Брюте. Испугался он, что слепень ослика ужалит.

— Ой! Ой! Не убивай меня! — закричала принцесса.

Заколдовала её ведьма и превратила в слепня, а Брюте её и в третий раз нашёл. Разозлилась ведьма и лопнула с досады. Ослика тоже как не бывало, а вместо него стоит у колодца троллёнок и говорит:

— Одержал ты верх и над другим нашим недругом — ведьмой! Пускай тебе и земли её достанутся. Теперь ты с отцом принцессы богатством сравнишься.

Сказал — и с глаз сгинул.

А Брюте с принцессой покатили в золотой карете четвериком к её отцу-королю. Сыграли в королевском замке свадьбу, а после стал Брюте королём в ведьмином государстве и правит им поныне.

И ни разу не доводилось мне слышать, чтобы кто в обиде был на короля — Охотника Брюте.

ЗЛАТОГРИВЫЙ КОНЬ

Жили-были в Смоланде два мальчика, братья Сёльве и Сванте. Родители их, бедные безземельные крестьяне-торпари, давно умерли. Пришлось детям в своём приходе подаванием кормиться. Бродили они однажды по округе, бродили — и вышли в поле. Рожь там выше роста человеческого колосится. Старший брат и говорит:

— Соберём колосья и наедемся зёрен, мы ведь ещё не завтракали.

Согласился с ним младший. Стали они колосья собирать и зёрна есть. Вдруг идёт им навстречу страшилище великан. Увидел мальчиков и кричит:

— Кто позволил вам колосья на моём поле собирать?!

— Не думали мы, что ты на нас сердчать станешь, — отвечают дети. — Неужто жаль тебе колосков? Мы такие голодные, а у тебя их ещё вон сколько осталось!

Прикинулся тут великан ласковым и говорит:

— Вовсе я не сержусь! Хотите есть досыта — пошли ко мне домой. Будет вам и колбаса свиная, и каша пшеничная. Не придётся больше зёрна жевать.

Старшему брату Сёльве слова великана пришлись по душе — он сразу на сытую жизнь польстился. А младшему, Сванте, подумалось: «Недоброе что-то у великана на уме». И не захотел он к нему в неволю идти. Стали братья совет держать. Старший говорит:

— По мне — так надо идти!

— А по мне — не надо, — говорит младший. — Лучше нам тут остаться. Хоть впроголодь, да на воле жить будем.

Стал его старший уговаривать:

— Пошли к нему! Попытаем счастья, а худо придётся — убежим!

Уговорил он младшего.

— Ну, дети, — спрашивает великан, — идёте со мной?

— Так и быть, пойдём, — отвечает старший.

Отправились братья с великаном к нему домой. А как пришли они в его горную пещеру, угостил великан детей на славу — и колбасой свиной, и кашей пшеничной, а потом ушёл и двери на замок запер. Тогда Сёльве и говорит:

— Хорошо, что мы к великану пошли: наелись вволю и с нищенской сумой теперь не надо по приходу бродить.

А Сванте ему в ответ:

— Поглядим ещё, что дальше будет. Не по душе мне всё это. Великан-то нас взаперти держит, на волю и не выйдешь. А свобода всего дороже.

Не стал Сёльве брата слушать, спать улёгся. А Сванте у дверей в соседнюю горницу караулит, прислушивается. Только всё тихо кругом.

Прошёл день, другой пошёл. Живут братья — ни в чём отказа не знают. Но держат их под замком, и делать им нечего — только есть да спи. Старший такому житью не нарадуется, ест да спит вволю. А младшему всё нет покоя: не ест и не спит.

Вот однажды вечером снова стоит Сванте у дверей и в замочную скважину подглядывает. Видит: входит в горницу великан и велит на стол подавать.

Подала ему великанша снести всякой, а он ест и громовым голосом спрашивает:

— Ну как, откормила мальчишек?

А великанша в ответ:

— Один такой жирный, что хоть нынче на убой, а другой как был дохлый, так и остался.

— Кормила бы ты их получше, они бы оба разжирели, — корит её великан. — Ну да чего ж теперь! Поеду-ка я, созову на пир

наших соседей и родичей. А ты пока что заколи мальчишек и жаркое сготовь. Уж полакомимся мы завтра властью!

— Ладно, муженёк!— говорит великанша.

Услыхал Сванте такие речи, поспешил к брату, растолкал его и рассказал про всё, что видел и слышал.

— Не может того быть!— испугался Сёльве.— Ты, верно, ослышался.

— Послушай сам,— говорит Сванте.

Подкрался тогда Сёльве к двери и стал в скважину глядеть. Великан тем временем наелся и велит служанке:

— Ступай по воду! Опять запаматовала, что мне еда не пойдёт впрок, коли я её ключевой водой не запью.

— Как же я пойду?— говорит служанка.— На дворе-то темно, никак тропинку к роднику не сыскать.

— Возьми лунный фонарик, он как месяц светит, семь королевств освещает!— заорал сердито великан.

Сняла служанка со стены фонарик, засиял он точно месяц, а на дворе светло как днём стало. Принесла она великану полный до краёв ушат воды.

Опорожнил его великан и говорит жене:

— Оседлаю-ка я моего златогривого коня и поскачу гостей звать. А ты мальчишек к себе в горницу отведи, а не то, не ровен час, ещё забудешь про них.

С тем и ушёл.

Услыхал Сёльве этот разговор, перепугался насмерть и молит меньшего брата:

— Придумай средство, как спасти нам жизнь!

А Сванте ему:

— Не печалься! Я и тебя и себя вызволю!

Не прошло и часу, как пожаловала к братьям великанша. Прикинулась доброй да ласковой и чего только им не посулила. А потом и говорит:

— Ступайте, милые дети, в мою горницу. Нынче вы там ночуете.

Пошли за ней братья, только старшего с перепугу всё в дрожь кидало, и он больше за спиной у брата держался. Уложила их великанша спать, сама в звериную шкуру завернулась, легла и храпит вовсю. Ну а мальчикам не до сна. Сванте всё полуночи дожидался, всё голову ломал, как бы старшего брата и себя спасти. А Сёльве только о себе думал, как бы одному из неволи выбраться.

Ещё раньше, когда служанка фонарик зажигала, приметил он в стенке горницы дверцу и подумал: «Может, выведет меня та

дверца отсюда». Подкрался Сёльве потихоньку к дверце, отворил её, вышел и прямо в лестницу упёрся. Привела его та лестница в башню. В башенное окошко месяц заглядывал, и хоть месяц не солнце, всё же светло там было, будто днём. Видит Сёльве: посреди башни золотая клетка стоит, а в клетке девица красоты неопишуемой.

— Кто ты, красавица?— спрашивает Сёльве.

— Я — дочь могущественного короля, а теперь у великана в неволе томлюсь.

Смекнул Сёльве: не худо бы на волю с принцессой вместе выбраться да и жениться на ней. Вот он и спрашивает:

— Как тебя отсюда вызволить? Научи!

— Нет отсюда пути,— молвила она,— и клетка эта волшебная, никому её не отворить! Лишь жениху моему наречённому. А кто он, я и сама не ведаю.

Стал тут Сёльве клетку трясти, запоры сбивать. Только всё напрасно: клетка не отворяется. Прокрался он тогда потихоньку в горницу, снова улёгся и спокойно заснул, знал, что брат про него не забудет. А Сванте и не заметил, что Сёльве выходил,— всё про своё думал.

Но вот настала полночь. Поднялся Сванте тихонько с постели, достал огниво и подложил его великанше под голову. Знал он такое поверье: ничего нет страшнее огнива для великанов, троллей и прочих нелюдей. Положишь им огниво в головы, когда спят,— нипочём им не проснуться, покуда ясный день не наступит.

Спит великанша непробудным сном. Спит и Сёльве. Растолкал его Сванте, выбрались мальчишки из пещеры и побежали прочь.

Поначалу хотел было Сёльве про принцессу в золотой клетке Сванте сказать, да знал он нрав меньшего брата и одумался. Своя-то шкура ему дороже была. «Сванте ни за что принцессу в беде не бросит. А как ту волшебную клетку отворить? Попадём ещё с красавицей этой в беду. Нет, уж лучше я помолчу!»

Бегут братья по дороге, озираются — не гонится ли кто за ними. Но никто за ними не гнался. Только чуть светать стало, набрали мальчишки на большую крестьянскую усадьбу. Постучались в ворота, пристанища попросили. А старик хозяин и спрашивает:

— Откуда вы и отчего так поздно ночлег ищете?

— От великана мы,— отвечают братья.— Хоть и тяжело нам пришлось, однако под конец бежать посчастливилось.

Поведали братья хозяину про все свои злоключения. Обошёлся старик крестьянин с ними ласково: пшеничной кашей накормил, молоком напоил, одел, обул и говорит:

— Повезло вам! Мало кому удаётся живым от великана вырваться. Берегитесь теперь, как бы он снова вас к себе лестью да посулами не заманил. Только нет у него власти над вами, покуда вы вон тот глубокий ров не перейдёте. А ров этот наши поля разделяет.

— Спасибо за добрый совет, — сказали мальчики. — Мы рва не переступим.

Только солнце встало — великан уж мчится верхом. Подскакал он ко рву, своего златогривого коня осадил. А скакун у него — загляденье, весь золотом сверкает. Завидел великан мальчиков и орёт:

— Вы чего от меня удрали?

А потом прикинулся ласковым и давай братьев сладкими речами улаживать:

— Вернитесь ко мне, милые детки! Одному из вас подарю златогривого коня, а другому, как вырастет, отдам в жёны красавицу — королевскую дочку. Она у меня в неволе томится.

Только Сёльве и Сванте слушать великана не стали и поскорее убежали от него.

Распрощались сироты с добрым крестьянином и опять стали в своём приходе побираться. Бродили они по округе, бродили, покуда на большой королевский двор не пришли. Захотелось им к королю на службу пойти. Проворством и смелостью королю сразу же младший брат понравился. Вот и взял он Сванте в оруженосцы. А Сёльве пришлось бы снова в приходе побираться, да пообещал ему младший брат помочь.

Немало времени прошло. Король и придворные на нового оруженосца не нарадуются, всем он полюбился. Прослышал Сёльве, в какой милости при дворе младший брат, и стал от зависти сохнуть, хоть Сванте всем, что у него было, с ним поровну делился.

— Не будь я Сёльве, коли и меня ко двору не возьмут! — поклялся он.

Подбил Сёльве брата, и стал тот за него короля просить. Взял тогда король Сёльве на службу, да только не в замок, а на конюшню, за лошадьми ходить.

Про Сванте никто худого слова при дворе не скажет, а конюха за лживость, гневливость и лукавый нрав все невзлюбили.

Затаил Сёльве в сердце злобу и всё думал, как бы ему родного брата извести, самому в милости у короля оказаться.

Приходит однажды король на своих лошадях взглянуть. А их на конюшне ни мало ни много. — три сотни! Оглядел он их — и чалых, и сивых, и пегих, — подошёл к своему коню, по холке его потрепал и говорит своей свите:

— Хоть весь мир обойди, а такого коня не сыщешь!

Придворные, понятное дело, поддакивают. Но тут повёл речь конюх:

— Ваше величество! Слов нет, хорош конь, да есть на свете скакун куда лучше!

Спрашивает его король:

— Где найти того коня и кто мне его раздобудет?

А конюх в ответ:

— Мой брат знает, как коня раздобыть.

Стал Сёльве златогривого коня расписывать. И захотелось королю тем конём завладеть. Приказывает он Сванте:

— Езжай и приведи златогривого коня на конюшню!

Облачился Сванте в ратные доспехи, оседлал коня и пустился в путь. А конюх и радуется: не уйти брату живым от великана!

Прискакал Сванте в крестьянскую усадьбу, к своему прежнему знакомцу, спешился, поздоровался учтиво и просит:

— Научи, как златогривого коня раздобыть.

Признал в нём старик крестьянин мальчонку, что от великана удрал, обошёлся с ним ласково, пообещал:

— Помогу тебе!

Сговорились они обо всём, и вот что дальше было.

Вечером, лишь солнце за лесом село, взял Сванте толстую верёвку, привязал к ней палку и прокрался с ней к горной пещере. Закинул он палку сквозь оконце в конюшню, вскарабкался по верёвке вверх, перекинул верёвку в стойло и спустился вниз. Так и понал Сванте в конюшню. Оседлал он златогривого коня, отворил дверь и прочь поскакал.

Заря ещё на востоке не занялась, а Сванте уж в ворота крестьянской усадьбы стучится.

Ну и обрадовался старик хозяин, когда увидел его верхом на златогривом коне! Приглашает он Сванте погостить у него подольше. Но не стал оруженосец мешкать, снарядился тотчас в дорогу и помчался на королевский двор. Прискакал он в замок, сбежались все придворные, дивным конём любуются. Пришёл и сам

король, тоже залюбовался: до чего красив конь — весь золотом сверкает!

С того дня ещё больше стал король к оруженосцу своему благоволять. А конюх с досады сам не свой ходит, брата проклиная.

Приходит однажды король, по обычаю своему, на лошадей взглянуть. А их на конюшне ни много ни мало — три сотни! Оглядел он их — чалых, и сивых, и пегих, — подошёл к златогривому коню, по холке его потрепал и говорит своей свите:

— Хоть весь мир обойди, а такого сокровища не сыщешь!

Придворные ему, как водится, поддакивают.

А лукавый конюх только того и дожидался. Вот и говорит он королю:

— Господин мой милостивый! Слов нет, сокровище — конь златогривый, да есть на свете сокровище куда драгоценней!

Спрашивает король:

— К чему ты об этом речь завёл?

Стал Сёльве диковинный фонарик, что ярче месяца светит и семь королевств озаряет, расписывать. Захотелось королю тем фонариком завладеть, спрашивает он Сёльве:

— Где найти тот фонарик и кто мне его раздобудет?

А конюх в ответ:

— Мой брат знает, как фонарик раздобыть.

Приказывает тогда король оруженосцу:

— Езжай за фонариком и привези его в замок!

Облачился Сванте в ратные доспехи, оседлал коня и пустился в путь. А конюх и радуется: не уйти теперь брату живым от великана!

Прискакал Сванте в крестьянскую усадьбу, к своему прежнему знакомцу, спешился, поздоровался учтиво и просит:

— Научи, как добыть фонарик, что как месяц светит и семь королевств освещает.

Обошёл с ним крестьянин ласково, пообещал:

— Помогу тебе!

Потолковали они меж собой, а вечером, лишь солнце за лесом село, распрощался придворный со стариком и отправился один к лютному великану. Затаился Сванте неподалёку от горной пещеры и ждёт. Только стемнело, воротился из лесу великан, отужинал и кличет служанку:

— Ступай по воду! Опять запамятовала, что мне еда не пойдёт впрок, коли я её ключевой водой не запью.

— Как же я пойду? — говорит служанка. — На дворе-то темень, никак тропку к роднику не сыскать.

— Возьми лунный фонарик, что как месяц светит и семь королевств освещает! — заорал разъярённый великан.

Не стала служанка нового окрика дожидаться, сорвала со стенки чудо-фонарик и заторопилась к роднику. А Сванте уже тут как тут, её на тропке поджидает и тихонько спрашивает:

— Хочешь от неволи избавиться и мне помочь?

— Как не хотеть! — отвечает служанка.

— Ступай тогда за мной.

Побежали они во весь дух по полю.

Заря ещё на востоке не занялась, а Сванте снова в ворота крестьянской усадьбы стучится. Да не один. Служанка с ним, а в руках у неё чудо-фонарик.

Ну и обрадовался старик, что снова великана в дураках оставили!

Поведали они служанке обо всём. Отдала она Сванте фонарик и говорит:

— Рада я тебе помочь. Спасибо, что меня из неволи вызволил.

— Оставайся покуда у меня в усадьбе, — говорит ей старик, — а потом к себе домой отправишься.

Приглашает он и Сванте погостить у него подольше. Но не стал оруженосец мешкать, снарядился тотчас в дорогу и помчался на королевский двор. Прискакал он в замок, сбежались все придворные, дивным фонариком любуются. Пришёл и сам король, тоже залюбовался.

С того дня стал оруженосец королю ещё любезней. И отличал его король перед всеми слугами, а те тоже Сванте любили. Один конюх в сердце зависть к оруженосцу затаил, только и думает, как бы родного брата извести.

Не прошло и месяца, снова приходит король на лошадей взглянуть. А их на конюшне ни мало ни много — три сотни! Оглядел он их всех — и чалых, и сивых, и пегих, — а как натешился, обернулся к своей свите и говорит:

— Хоть весь мир обойди, а такого короля, как я, не сыщешь! У кого найдёшь такие сокровища? Чего у меня только нет!

Придворные, ясное дело, королю поддакивают. А лукавый конюх только того и дожидался. Вот и говорит он королю:

— Господин мой милостивый! Слов нет, несметны твои сокровища! Да есть на свете клад куда драгоценней! Цены ему нету!

Спрашивает король:

— К чему ты эту речь ведёшь? Что это за клад и кто мне его раздобудет?

Стал Сёльве прекрасную принцессу, что у великана в неволе томилась, расписывать, а под конец и говорит:

— Мой брат знает, как королевскую дочку найти.

Захотелось королю прекрасную принцессу в жёны взять. Приказывает он Сванте:

— Езжай и привези красавицу ко мне в замок!

Облачился Сванте в ратные доспехи, оседлал коня и помчался, как и прежде, к старику. А конюх не нарадуется: уж на этот раз не уйти брату от великана, видимо, пустился он в последний свой путь.

Прискакал Сванте в крестьянскую усадьбу, к своему прежнему знакомцу, поздоровался учтиво и просит:

— Научи, как королевскую дочку найти.

Обошёлся с ним крестьянин ласково, пообещал:

— Помогу тебе!

Посоветовались они меж собой. Крестьянин и говорит:

— Дело твоё трудное и, по правде сказать, почти невыполнимое. Сидит королевская дочка в золотой волшебной клетке посреди высокой башни. Мой тебе совет: захвати с собой железные клинья, вбей их в стенку и взбирайся наверх. Ну, а там поглядим, может, и выпадет тебе счастье.

— Спасибо за добрый совет, — говорит Сванте. — Всё по-твоему будет!

Вечером, лишь солнце за лесом село, распрощался Сванте со стариком и отправился к горной пещере.

Как только совсем стемнело, вбил Сванте клинья в стенку и давай вверх взбираться. Добрался он до-высокой башни и видит: в золотой клетке принцесса взаперти сидит. И клетка та не простая, а волшебная: отворить её может один жених наречённый.

Увидела принцесса отважного молодца, от всего сердца обрадовалась: тоскливо ей одной в башне сидеть. Подошёл Сванте поближе, и тут запоры сами по себе отскочили, дверца отворилась. Вошёл Сванте в золотую волшебную клетку и поведал принцессе о королевском наказе.

— Поедешь ли со мной? — спрашивает он красавицу.

— С охотой! — отвечает она.

Принцессе-то известно: перед кем клетка отворится, тот ей и жених наречённый. А Сванте про это ещё не знал.

Мигом собралась принцесса, вышли они из клетки и стали вниз спускаться. Сванте принцессу за руку держит, чтоб не упала. Спустились они на землю и что есть духу в крестьянскую усадьбу побежали.

Ну и обрадовался старик, когда увидел Сванте с принцессой!

Приглашает он их подольше у него погостить. Но не стал юноша мешкать. Снарядился в дорогу, принцессу перед собой на шитое седло посадил, и распрощались они с мудрым советчиком.

Едут они на королевский двор, а Сванте от принцессы глаз отвести не может, Полюбилась ему красавица.

«Помру, коли она королю достанется», — думает он.

Приехали они на королевский двор. И такое тут пошло веселье! Не нарадуются люди, что Сванте домой вернулся. Все — и челядь, и придворные, и король — все, кроме злого конюха, брата его родного, в нём души не чаяли.

Глянул король на принцессу, и показалось ему, что краше девицы он не видывал. Объявляет он её своей невестой, словом перемолвиться с ней хочет, за руку взять, да где там! Смотрит — летит по воздуху волшебная клетка. Опомниться не успели — сидит принцесса в клетке. Кто только запоры в ней не сбивал, кто только клетку не тряс! Не отворяется. Король тоже открыть клетку пытался, но ничего у него не вышло. Подошёл и Сванте. Отскочили тут запоры сами по себе, отворилась дверца, и вошёл Сванте к принцессе в заколдованную золотую клетку.

Понял тут король, что невеста не ему предназначена. Делать нечего! Приказал он слугам к весёлой свадьбе готовиться, отдал принцессу оруженосцу и говорит ему:

— Раз ты такой отважный, бери красавицу, она твоя. Немалые ты ради неё прошёл испытания.

Услыхал Сёльве королевские слова — упал замертво. Но никто о нём не жалел.

Настал день свадьбу играть. Гостей собралось несчётно, стоят на дворе — жениха с невестой поджидают. Слышат — музыка дивная играет. Видят — богатый свадебный поезд движется: впереди пельники, гудочники, дудари с рожками и дудками, за ними невестины дружки, в шёлк разодетые, а позади поезжане нарядные-пренарядные. И столько их, что конца свадебному поезду нет. А посредине принцесса идёт, пригожая да светлая, как майский день, с золотым венцом на голове. Рядом с ней Сванте, платье на нём жемчугами расшито и алмазами сверкает. А тут и король со всем своим двором им навстречу выходит.

Весёлая была та свадьба, семь дней гости бражничали. А отпировали — распрощался король со Сванте и его женой и отослал их с большой свитой к отцу принцессы. Немало было радости в королевстве её отца: уж никто и не чаял там принцессу живой увидеть.

Жили-поживали королевская дочка со своим спасителем в радости и счастье много лет. А как умер старый король, отец принцессы, стал Сванте королём того государства.

Вот какая доля сироте бездомному выпала. А всё за храбрость его, за доброту да за любовь к людям.

ТЁТУШКИ

В старину жили в Упланде король с королевой, и был у них один-единственный сын. А в соседнем королевстве принцесса подрастала, невеста упландского принца. Обручили отцы детей ещё в детстве. Принц был молодец молодцом, принцесса — славная да пригожая. Только не лежала у неё душа к рукоделию и домовничанью, а больше к играм и веселью.

Упландская же королева, мать принца, была женщина строгая, домовитая и первая на всё королевство рукодельница. Пряла она, ткала и шила с утра до вечера. Вот и хотелось ей, чтоб невестка такая же искусница, как и она сама, была.

— Надо узнать сперва, что эта принцесса умеет, прежде чем свадьбу играть, — сказала королева мужу.

— Да ведь принц с принцессой так любят друг друга! А верная любовь куда дороже пряжи и полотна. Помни про это, жена моя! — молвил король.

— Не вашего ума то дело, ваше величество! — запальчиво ответила королева. — Это вам не государственные дела решать!

И вот по настоянию королевы отвели красавицу принцессу в светёлку. дали ей полпуда льняной кудели и наказали прясть из неё пряжи.

— Только изготувь пряжу, покуда заря не занялась, — сказала ей королева. — А не справишься — о моём сыне и думать забудь!

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся, а полпуда льняной пряжи ей за ночь не напрядь. Ходит она по горнице и за работу не берётся, только всё плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь и тихо-тихо

входит в светёлку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, горбленная и сморщенная. А ноги у старушки большие-пребольшие.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает принцесса.

— Отчего ты, красавица, такая печальная? — спрашивает старушка.

А принцесса ей в ответ:

— Как же мне не печалиться?! Вечером наказала мне королева напрядь полпуда льняной пряжи. Коли не справлюсь до утренней зари, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица! — говорит старушка. — Королева здешняя тоже прясть не умела, это я её обучила. И тебе сперва помогу, а уж после прясть обучу. Только исполни одно моё желание!

Обрадовалась принцесса её словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тётушка! Исполню твоё желание, коль будет оно мне по силам.

— Ладно! — молвила старушка. — Зовут меня тётушка Большеножка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем. Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему! — согласилась принцесса. — Исполню твоё желание, только помоги!

Забрала тётушка Большеножка льняную кудель и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась. Но всю ночь глаз не сомкнула.

Рано поутру, ещё не рассвело, отворилась дверь и в светёлку вошла тётушка Большеножка. Подошла она к принцессе и протянула ей большой пук пряжи, белой, как снег, и тонкой, как паутинка.

Говорит принцессе тётушка Большеножка:

— Гляди, такой чудной пряжи не доводилось мне прясть с той поры, как прjala я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомянуть, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А принцесса заснула сладким сном. Не прошло и часа, как разбудила её старая королева. Стоит у её ложа и спрашивает:

— Ну как, готова пряжа?

— Да,— отвечает принцесса и тут же протягивает королеве пряжу.

Сколько королева пряжу не вертела, никакого изъяна в ней не выискала. Похвалила пряжу королева, но поняла принцесса, что не от чистого сердца та похвала.

Не прошло и дня, как надумала королева принцессу по-другому испытать. Прислала она в светёлку пряжу вместе с ткацким станком и наказала принцессе из пряжи полотна наткать.

— Только полотно надо изготовить, покуда солнце не взошло,— сказала ей королева.— А не справишься — о моём сыне и думать забудь!

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся — не соткать ей за ночь из пряжи полотна. Ходит она по горнице и за работу не берётся, только всё плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь и тихо-тихо входит в светёлку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, сгорбленная и сморщенная. А пониже спины — толстая-пре-толстая.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает королевская дочка.

— Отчего, красавица, одна сидишь и слёзы льёшь?

А принцесса ей в ответ:

— Как же мне не плакать?! Вечером наказала мне королева наткать из пряжи полотна. Коли не справлюсь до восхода солнца, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица, — говорит старушка. — Королева здешняя тоже ткать не умела, это я её обучила. И тебе сперва помогу, а уж после ткать обучу. Только исполни одно моё желание!

Обрадовалась принцесса её словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тётушка! Исполню твоё желание, коль будет оно мне по силам.

— Ладно! — молвила старушка. — Зовут меня тётушка Толстогузка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем! Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему, — согласилась принцесса, — исполню твоё желание, только помоги!

Забрала тётушка Толстогузка пряжу и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась, но всю ночь глаз не сомкнула.

Рано поутру, ещё солнце не взошло, отворилась дверь и в светёлку вошла тётушка Толстогузка. Подошла она к королевской дочке и протянула ей большой кусок полотна, белого, как снег, и плотного, как шкура звериная.

Говорит принцессе тётушка Толстогузка:

— Гляди, такого чудного полотна не доводилось мне ткать с той поры, как ткала я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомянуть, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А принцесса заснула сладким сном. Не прошло и часа, как разбудила её старая королева. Стоит у её ложа и спрашивает:

— Ну как, соткала полотно?

— Да,— отвечает принцесса и протягивает королеве готовую ткань.

Сколько королева ткань ни вертела, никакого изъяна в ней не выискала. Похвалила ткачиху королева, но поняла принцесса, что не от чистого сердца та похвала.

Не прошло и дня, как надумала королева принцессу по-другому испытать. Прислала она в светёлку полотно и нитки с иглками и наказала принцессе из того полотна принцу рубашки сшить.

— Только рубашки надо шить, покуда не рассветёт, — сказала ей королева. — А не справишься — о моём сыне и думать забудь.

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся — не нашить ей за ночь рубашек из полотна. Ходит она по горнице и за работу не берётся, только всё плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь и тихо-тихо входит в светёлку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, сгорбленная и сморщенная. А руки у старушки длинные-предлинные, особенно большой палец.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает королевская дочка.

— Отчего, красавица, одна сидишь и слёзы роняешь? — спрашивает старушка.

— Как же мне не плакать?! Вечером наказала мне королева сшить из полотна рубашки королевскому сыну. Коли не справлюсь до рассвета, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица!— говорит старушка.— Королева здешняя тоже шить не умела, это я её обучила. И тебе сперва помогу, а уж после шить обучу. Только исполни одно моё желание!

Обрадовалась принцесса ее словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тётушка! Исполню твоё желание, если будет оно мне по силам.

— Ладно!— молвила старушка.— Зовут меня тётушка Долгоручка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем. Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему!— согласилась принцесса.— Исполню твоё желание, только помоги!

Забрала тётушка Долгоручка полотно и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась. И спала так крепко, что никакой ей сон не приснился.

Рано поутру, ещё солнце не взошло, отворилась дверь и в светёлку вошла тётушка Долгоручка. Подошла она к королевской дочке, разбудила её и дала ей рубашки — одну, другую, третью и ещё, и были те рубашки искусно сшиты и шёлком вышиты.

Говорит принцессе тётушка Долгоручка:

— Гляди, таких рубашек не доводилось мне шить с той поры, как шила я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомнить, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А в дверях уже королева стоит и спрашивает:

— Ну как, готовы рубашки?

— Да,— отвечает принцесса и протягивает королеве чудное шитьё.

Сколько королева рубашки ни вертела, никакого изъяна в них не выискала. Разозлилась королева, глаза молнии мечут.

— Ну что ж, бери принца в мужья! Никогда бы не подумала, что ты такая рукодельница да к тому же такая искусница!— сказала она принцессе и ушла, с досады хлопнув дверью, да так, что стёкла в светёлке задребезжали. Забыла, видно, королева про свои молодые года, про то, как замуж собиралась и ничего не умела,— три тётушки ей тогда помогли, а уж после разному рукоделию обучили.

Стали в замке к свадьбе готовиться: стряпают, пекут, пиво варят. Только не очень принцесса своему свадебному дню радовалась, помнила она, каких диковинных гостей приглашала.

Но знала, что примет их хорошо. Кто как не старушки ей счастье добыли?

Быстро время идёт, вот и свадебный день настал. Свадьбу играют по старинке, в радости и веселье. А невеста всё по сторонам оглядывается, своих старушек высматривает. Но ни тётушки Большеножки, ни тётушки Толстогузки, ни тётушки Долгоручки что-то не видать.

Вот стали гости за свадебные столы садиться, тут и увидела вдруг принцесса трёх знакомых старушек: сидят они отдельно от всех в уголке свадебного покоя.

Поднялся король из-за стола, подошёл к гостям и спрашивает:

— Кто вы такие? И как вас зовут? Не приводилось мне раньше таких, как вы, видеть.

Встала одна из старушек, поклонилась королю.

— Звать меня тётушка Большеножка, а ноги у меня такие большие оттого, что уж больно много пряла я на своём веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставляла. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как?— сказал король.— Стало быть, моя сноха будет прясть в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Повернулся он к другой старушке и спрашивает:

— А тебя как зовут?

Встала другая старушка, поклонилась королю.

— Звать меня тётушка Толстогузка, а зад у меня такой большой оттого, что уж больно много ткала я на своём веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставляла. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как?— сказал король.— Стало быть, моя сноха будет ткать в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Повернулся он к третьей старушке и спрашивает:

— А тебя как зовут?

Встала третья старушка, поклонилась королю.

— Звать меня тётушка Долгоручка, а руки у меня длинные, особенно большой палец, оттого, что уж больно много шила я на своём веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставляла. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как?— сказал король.— Стало быть, моя сноха будет шить в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Кончилась свадьба, и отправились тётушки восвояси. Никто не видал, куда они подевались.

В счастье и довольстве жили принц с молодой женой, в доме у них было мирно и спокойно. Со временем стала молодая королева такой же рукодельницей, как её свекровь. Поговаривают, будто старушки те и после к ней навещались. Обучали они её всякому рукоделию, и стала молодая королева доброй хозяйкой. Трудилась она хоть и прилежно, но в меру. Труд ей всегда был в радость. Вот и осталась она до старости статной да пригожей.

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ ЛИСТОЧКА

Жил-был в стародавние времена король, сильный и могучий. Только вот беда — жены у него не было, умерла она. Один растил он трёх дочек. Краше всех самая младшая была. К тому же слыла она разумницей, работающей да услужливой. Любил её отец больше жизни и никогда ей ни в чём не отказывал. Правду сказать, она ни о чём короля и не просила.

Вот как-то осенью собрался король с оруженосцами на ярмарку. Вскочил он на коня и спрашивает дочек:

— Какой подарок вам привезти?

— Мне, батюшка, гребень серебряный, — просит старшая.

— А мне — перстень золотой, — просит средняя.

Младшая молчит, ни о чём не просит.

— И ещё ожерелье алмазное! — промолвила старшая.

— И браслет из камней лунных! — не отстаёт от сестры средняя.

Стали они наперебой у короля драгоценные уборы выпрашивать.

Слушал, слушал король, а потом и говорит:

— Привезу, коли не забуду!

Повернулся он к младшей дочке и говорит:

— Отчего же ты молчишь? Неужели нет у тебя никаких желаний?

— Спасибо, батюшка! Ничего мне не надо, — отвечает младшая.

— Подумай хорошенько! — просит король.

— У меня есть всё, что душе угодно, — отказывается она.

— А всё-таки, может, чего желаешь? — спрашивает король.

— Есть у меня одно желание, — призналась принцесса.

— Скажи — какое? — обрадовался король. — Я для тебя всё, что ни попросишь, хоть из-под земли достану!

— Будь по-твоему, скажу! — согласилась принцесса. — Слышала я, что есть на свете дерево с тремя золотыми волшебными листочками, которые играют и поют. Как я про эти листочки узнала, нет мне ни сна, ни покоя. Пряду ли я, золотом ли узоры вышиваю, всё мне те листочки мерещатся. О них только и думаю.

— Ладно, — кивнул король. — Добуду я тебе волшебные листочки. Коли потребуется, полкоролевства за них отдам.

Распрощался король с дочками. Пришпорил коня и ускакал вместе со всеми своими оруженосцами.

Людей на ярмарке собралось видимо-невидимо. Иноземные купцы чем только и не торговали — и золотом, и серебром, и камнями драгоценными.

Купил король двум старшим дочкам гребень серебряный, перстень золотой, ожерелье алмазное, браслет из камней лунных и много другого в придачу.

Лишь трёх золотых листочков, что играют и поют, найти ему не удалось. Кого только не расспрашивал о них король! Но все купцы — и с запада и с востока — королю в пояс кланялись и говорили:

— Всё можем тебе раздобыть, но про такой товар мы слыхом не слыхивали.

— Должен я эти листочки волшебные найти, хоть из-под земли достать, — говорит король.

Стал он от палатки к палатке ходить, у всех про те листочки выпрашивать. И всюду один ответ:

— Слыхом не слыхивали! Видом не видывали!

Уж и солнце зашло, стали купцы домой собираться. Делать нечего, пришлось и королю коня домой повернуть. И так тяжело стало ему оттого, что желание младшей дочки он исполнить не смог.

Вот едет король лесом, и чудится ему вдруг, будто где-то тихо-тихо арфы и скрипки заиграли, птицы защелкали. Да так дивно! Никогда ничего слаще он не слыхивал.

Придержали король и его свита коней, прислушались. И показалось им, словно бы с большого зелёного луга в стороне от дороги музыка и пение слышатся. Пришпорили коней, на зелёный луг помчались. Чем дальше они скачут, тем громче арфы со скрипками играют, птицы поют. И вдруг дерево ореховое всадникам путь преградило.

Стали тут кони как вкопанные. Глядит король и глазам своим не верит. На самой верхушке дерева длинная ветка торчит, а на

ней три золотых листочка будто от ветра колышутся. И чудится, будто арфы со скрипками играют и птицы поют.

Обрадовался король:

— Это же три золотых волшебных листочка, что играют и поют! Их-то дочка моя меньшая привезти и просила!

Спешился король, руку к листочкам протянул, сорвать их хочет. А ветка вдруг в сторону отклонилась. И чей-то громовой голос, словно из-под земли, пророкотал:

— Не тронь мои золотые листочки! Не тронь мои волшебные листочки, что играют и поют.

— Ты кто такой?— удивился король.

— Я — принц Хатт из Подземного королевства!— ответил голос.

— Так, может, отдашь мне эти волшебные листочки?— спросил король.— Меньшая моя дочка только о них и думает.

— Знаю,— ответил голос,— но такое сокровище я даром не отдам!

— Тогда скажи свою цену!— говорит король.— Золота и серебра у меня хватит!

— Да и у меня его немало!— засмеялся принц Хатт.— Только золотые листочки не продаются.

— Как же быть?— опечалился король.

— Я отдам их тебе, но только с уговором,— отозвался голос.

— С уговором?— переспросил король.

— Да,— ответил тот же голос.— Отдам я их за первую живую душу, что на пути твоём встретится, когда домой вернёшься.

«Первой мне навстречу собака моя охотничья выбежит,— подумал король.— Жаль с ней расставаться, но ещё хуже будет, коли дочь моя от тоски зачахнет».

— По рукам!— согласился король.

— Тогда и золотые листочки, что играют и поют,— твои,— обрадовался принц Хатт.— А не сдержишь слово — опозоришься навеки, прослывишь человеком без чести и совести.

— Даю слово чести!— пообещал король.

И снова протянул к волшебным листочкам руку. На этот раз ветка не отклонилась. Сорвал её король, вскочил на коня и домой помчался. Ветку в руках держит, а золотые листочки на ней играют и поют. И чудится всем, будто арфы со скрипками играют, а птицы им вторят, заливаются. До того весело! Коня и те в пляс пустились!

Пока король на ярмарку ездил, дочка дома сидела. Младшая шила, вышивала, а сёстры её всё в окошко глядели — отца поджидали. И разговоров у старшей со средней только и было, что о подарках, которые он привезёт.

Вот уже смеркаться стало, младшая вдруг и говорит:

— Выйдем, сестрицы, на дорогу батюшку встречать!

— Неохота в темень выходить! — молвила старшая. — Да и ты лучше дома останься!

— Ещё чулки шёлковые вечерней росой замочишь! Лучше не выходи! — сказала средняя.

Не послушалась младшая сестра. Накинула плащ и пошла отцу навстречу — до того соскучилась.

Идёт и слышит вдруг: кони скачут, оружие бряцает. И ещё — будто арфы со скрипками играют и птицы поют. До того сладко! Поняла принцесса: то отец её едет и три золотых волшебных листочка везёт. Обрадовалась она, навстречу королю поспешила, на стремя его коня встала, обняла отца и говорит:

— Спасибо за подарок!

Испугался король, лицом побелел. Ведь первая живая душа, что ему дома встретила, была вовсе не собака охотничья, а дочка его любимая! И, стало быть, её-то он и должен принцу Хатту из Подземного королевства отдать.

Молчит король, слова вымолвить не может. Перепугалась тут дочка и спрашивает:

— Что с тобой, батюшка?

Молчал король, молчал, а под конец рассказал ей всё, как было, и говорит:

— Должен я за эти три золотых листочка тебя принцу Хатту из Подземного королевства отдать. Только я этого не сделаю. Пусть даже человеком без чести и совести прослышу!

— Нет! — твёрдо молвила принцесса. — Слово — оно слово и есть, особенно королевское. Пусть никто не скажет, что отец мой ради меня слово своё нарушил. Вези меня к принцу. Не думала я с тобой расстаться, да сама виновата! Ведь это я тебя просила три золотых волшебных листочка мне подарить! Знать, такова моя судьба!

Ничего не сказал ей в ответ король. Посадил дочку на своего коня и назад, на зелёный луг, поскакал. Обняла отца принцесса, поцеловала и наземь соскочила, королю рукой машет. Повернул он коня и во весь опор домой помчался. Тяжко у него на душе. Ведь неведомо, кому дочку любимую отдал!

А принцесса села на зелёную траву под ореховым деревом и горько-горько заплакала. Разверзлась вдруг под ногами её земля, и опустилась принцесса в подземный зал, огромный-преогромный. В таком ей ещё бывать не доводилось! Разукрашен зал золотом, серебром, камнями самоцветными. На окнах занавеси, шёлком шитые, в серебряных светильниках тысячи свечей горят. Но ни одной живой души не видно.

Вдруг погасли свечи, и стало в зале темно-претемно. Слышит принцесса: отворилась дверь и кто-то лёгкими шагами подходит к ней, а нежный голос говорит:

— Здравствуй, принцесса! Я принц Хатт из Подземного королевства. И зла тебе не желаю.

Как услышала она его голос, страх с неё как рукой сняло.

— Сядь! — попросил принц Хатт. — Расскажу я, почему причинил тебе и отцу твоему такое горе. Я — сын могущественного короля, а три сестры мои — королевы. Но, на беду, пожелала одна злодейка-ведьма меня в мужья взять. Отказался я, и тогда наложила она на меня страшное заклятье: ни один человек не должен меня видеть. А если кто глянет, ведьма тотчас надо мною власть возьмёт. Спасти меня может только юная красивая девица. Коли не станешь любовитствовать, каков я с виду, да судить-рядить обо мне с людьми, коли станешь мне верной женой, я от ведьминого заклятия избавлюсь. Неволить тебя я не стану. Можешь, когда пожелаешь, к отцу вернуться.

И стал вдруг принц Хатт принцессе до того мил, что взяла она его за руку и молвила:

— Буду тебе верной женой. А каков ты с виду, мне всё едино.

Обрадовался принц Хатт, и зажили они с принцессой душа в душу, весело да счастливо. Правда, многое было не так, как бы им хотелось. Что ни день, принц ранним утром — ещё до того, как свечи и огонь в очаге зажгут, — из дому уходит. А к вечеру, когда в зале снова темно становится, возвращается. Принцесса одна день-деньской сидит, мужа поджидает. Но стоит ей что-нибудь пожелать, всё тотчас сбывается. Загрустит принцесса — три золотых волшебных листочка всегда рядом, возьмёт она их в руки — и снова весела и счастлива.

Но ещё счастливей стали принц Хатт с принцессой, когда у них сынок родился. С утра до вечера играла и забавлялась с ним принцесса.

Так и год минул. Однажды вечером принц поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевство батюшки твоего наведалься. Узнал, что обручился он. Завтра свадьба. Коли хочешь, можешь на свадебный пир поспеть. И сына с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как тебе такое в голову прийти могло?! — спрашивает принцесса.

Обрадовался принц Хатт её речам. А наутро снова, по обыкновению своему, исчез. Принцесса же стала в дорогу собираться: платье лучшее надела, уборы драгоценные. И сына в рубашку, шёлком шитую, нарядила.

Разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с сыном на зелёный луг. Тут, откуда ни возмись, — стук-постук — шестёрка вороных карету золотую примчала. Села принцесса в карету, сына на руках держит.

И понесли они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота её родного замка въезжает. Только принцесса с сыном порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

Вовремя поспела принцесса на свадебный пир. Увидел младшую дочку король, обрадовался, с почётно́го места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внука на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, гости званные ласково принцессу с сыном встретили. А после стала мачеха её выпрашивать:

— Счастливы ли ты живёшь?

— Уж так-то счастливо, что ничего больше в мире мне не надо.

Королева всё не унимается.

— А каков твой муж с виду? — спрашивает она. — Велико ли его королевство?

Принцесса ей в ответ:

— Для меня краше его на всём свете нет. А королевского достатка на наш век хватит.

Мачеху от её ответов ещё пуще любопытство разбирает. Уж и король её останавливать стал:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. А до остального нам дела нет!

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за своё — вопросами падчерицу допрашивает.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возмись, карета золотая катит, шестёрка вороных её везёт. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, поклонилась гостям званным, села в карету — сына на руках держит.

Помчались они снова по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с сыном на луг зелёный ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот уже мать с сыном в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Ещё слаще, чем прежде. И подумала принцесса, что настоящий её дом — здесь, в Подземном королевстве.

Ещё радостней ей стало, когда принц Хатт вечером домой воротился и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о сыночке нашем думал.

Зажили они снова весело и счастливо. Стобит принцессе что-нибудь пожелать, всё тотчас сбывается. Загрустит она — три золотых волшебных листочка всегда рядом; возьмёт их в руки принцесса, сына приласкает — и снова весела и счастлива.

А когда у принца Хатта с принцессой второй сыночек родился, счастьем их конца не было. С утра до вечера играла и забавлялась с детьми принцесса.

Так ещё год минул. Однажды вечером принц снова поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевство батюшки твоего ходил. Радость у них в доме. Старшая-то твоя сестрица жениха себе сыскала. Завтра свадьба. Поспешишь — на свадебном пиру повеселишься. И детей с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как тебе такое на ум взбрело?! — засмеялась принцесса.

Наутро, когда исчез принц из дому, принцесса стала в дорогу собираться. Платье лучшее надела, драгоценные уборы. И детей в рубашечки, серебром шитые, нарядила.

Опять разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с сыновьями на зелёный луг. Тут, откуда ни возмись, — стук-постук — шестёрка вороных карету золотую прикатила. Села принцесса в карету, сыновей на колени посадила.

Помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота её родного замка въезжает. Только она порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И на этот раз вовремя поспела принцесса на свадьбу. Увидел младшую дочку король, обрадовался, с почётно́го места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внуков на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, сестрицын муж, гости званные ласково принцессу с детьми встретили. Только мачеха снова выпрашивать её стала:

— Как твой муж, принц Хатт, поживает?

Принцесса ей в ответ:

— Лучше некуда!

Мачеху от её ответа ещё пуще любопытство разбирает. Снова король её останавливает:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. До остального нам дела нет.

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за своё — от падчерицы не отстаёт.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возьмись, — стук-постук — карета золотая катит, карету шестёрка вороных везёт. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, с мужем сестрицыным, с гостями званны́ми, села в карету — детей на колени посадила.

Снова помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с детьми на луг зелёный ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот они уже опять в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Ещё слаще, чем прежде. И подумала принцесса, что настоящий её дом — здесь, в Подземном королевстве.

Ещё радостней ей стало, когда принц Хатт вечером домой воротился и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о сынках наших думал.

Зажили они снова весело и счастливо. Стоит принцессе что-нибудь пожелать, всё тотчас сбывается. Загрустит она — три золотых волшебных листочка всегда рядом, возьмёт принцесса их в руки, сынков поцелует — и снова весела и счастлива.

Когда же у принца Хатта с принцессой дочка родилась, счастливее их на свете не было. С утра до вечера играла и забавлялась с детьми принцесса.

Так ещё год минул. Однажды вечером принц опять поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевстве батюшки твоего. Средняя-то твоя сестрица замуж выходит. Завтра свадьба. Поторопнись — на свадебный пир поспеешь. И детей с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как ты такое подумать мог?! — удивилась принцесса.

Наутро ушёл принц, а принцесса стала в дорогу собираться: платье лучшее надела, драгоценные уборы. Сыновей в рубашечки, золотом шитые, а дочку в шёлк и кружева нарядила.

Снова разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с детьми на зелёный луг. Тут, откуда ни возьмись, — стук-постук — шестёрка вороных карету золотую мчит. Села принцесса в карету, сыновей по левую да по правую руку, а дочку на колени посадила.

И помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота её родного замка въезжает. Только она с детьми порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И в третий раз вовремя поспела принцесса на свадьбу. Увидел король младшую дочку, обрадовался, с почётно́го места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внуков с внучкой на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, мужа сестриц, гости званные ласково принцессу с детьми встретили. Только мачеха снова выпрашивать её стала:

— Что же это твой муж, принц Хатт, с тобой не приехал?

А принцесса ей в ответ:

— Делами государственными он занят!

Мачеху от её ответа ещё пуще любопытство разбирает. Снова король её останавливает:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. До остального нам дела нет!

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за своё — спрашивает да спрашивает. Принцесса молчит, от ответов уклоняется.

Тогда мачеха хитростью взять решила: стала она детей расхваливать и говорит:

— До того детки твои резвы, до того хороши! Одного понять не могу, почему у тебя глаза голубые, а у них — карие. Верно, сынки твои с дочкой в отца пошли?

— Да и я так думаю! — молвила принцесса.

— Думаешь? — прошептала мачеха. — Стало быть, ты не знаешь, какие у твоего мужа глаза? Неужели ты никогда его не видела?

Поняла тут принцесса, что проговорила. Побелела она сперва как снег, после вспыхнула как маков цвет.

А мачеха ей и говорит:

— Бедное дитятко! Видно, не позволяет тебе твой муж на него взглянуть? Может, он и не человек вовсе, а тролль?

Расплакалась принцесса:

— Нельзя мне на него смотреть, хоть и хочется узнать, каков он.

— А он и знать ничего не будет, — уговаривает принцессу мачеха. — Дай мне только время поразмыслить.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возьмись, — стук-постук — карета золотая катит, карету шестёрка вороных везёт. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, с мужьями сестриц, с гостями зваными. Но только она в карету сесть собралась, подходит к ней мачеха, в покои к себе ведёт и шепчет:

— Милое дитятко, надумала я, как беде твоей помочь. Вот тебе свеча. Зажги её, когда муж уснёт. Да смотри не разбуди его!

Поблагодарила мачеху принцесса, взяла свечу и к карете побегала.

Села она в карету, сыновей рядом, по левую да по правую руку, а дочку на колени посадила.

Помчались они опять по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с детьми на луг зелёный ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот они уже в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Только не радуют больше волшебные листочки принцессу. И не мил ей замок в Подземном королевстве. Из головы мачехины слова нейдут. Во все она покоя лишилась.

Воротился вечером принц Хатт домой и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о детях наших думал!

И слова его принцессе тоже не в радость.

А ночью, только принц Хатт заснул, зажгла принцесса свечу, ладонью её прикрыла и тихонько к его ложу подошла.

И увидела принцесса, что муж её не тролль, а человек красоты неопишуемой! Такого ей встречать не доводилось!

Обрадовалась принцесса, обо всём на свете позабыла. Тут-то вот капля воска мужу её на руку невзначай и упала. Испугалась принцесса, хотела было свечу задуть, да поздно.

Проснулся принц, глаза карие открыл и сразу понял, что жена его натворила.

В тот же миг смолкли золотые листочки, дерево ореховое исчезло, а замок в Подземном королевстве горным ущельем обернулся. В ущелье том принц Хатт с принцессой да с тремя малолетними детьми одни в крошечной тьме стоят. Под ногами у них змеи ползают да лягушки с жабами прыгают.

— Что же ты, жена, наделала! — прошептал принц. — Потерпела бы ещё три месяца, и я бы от ведьминых чар избавился. А теперь я ослеп и никогда больше тебя не увижу. Кончилось наше счастье! Зарыдала принцесса и молит мужа:

— Прости меня!

— От всего сердца прощаю! — молвил принц. — Не по силам, видно, тебе такое испытание оказалось. Что сделано, того не воротишь. Мне теперь погибать, а тывольна к отцу вернуться. И детей с собой возьми. Спасибо за счастье, что мне подарила!

Ещё горше зарыдала от слов его принцесса:

— Дурно я поступила, это верно. Но я жена твоя и навсегда с тобой останусь, никогда тебя не покину!

Взяла она слепого мужа за руку, другую руку старшему сыну протянула, младший за подол её платья уцепился, а дочку принц на спину посадил, и пошли они по белу свету.

Шли, шли, и вдруг перед ними глухой дремучий лес стеной встаёт, конца-краю ему не видно. По лесу тропка зелёная выётся. Пошли принц с принцессой той тропкой: час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу!

Пошли они дальше: час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная жёнушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу, — отвечает принцесса, — замок огромный-преогромный, крыша медная — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, старшей сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о старшеньком нашем позаботится, пока ты за ним не вернёшься. И скажи сестре: ни мне в замок её войти нельзя, ни ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь, — пообещала принцесса.

Взяла она старшего сына за руку и в замок под медной крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всём, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду твоему сыну вместо родной матери.

Поцеловала принцесса старшего сына и к дверям пошла. Золовка проводить её хочет, с братом встретиться.

— Милая золовушка! — просит принцесса. — Не ходи за мной, не то нам с принцем никогда больше не свидеться!

— Что ты! — испугалась королева. — Неужели я ещё большую беду на вас навлеку? Прощай, счастливого пути!

Вышла принцесса из замка — и снова в путь. Одной рукой слепого мужа ведёт, другой — сына младшего. А маленькую дочку принц на спине несёт. Вдруг перед ними снова глухой дремучий лес стеной встаёт, конца-краю ему не видно. По лесу тропка зелёная вьётся. Пошли принц с принцессой той тропкой; час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная жёнушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу, — отвечает принцесса, — замок огромный-преогромный, крыша серебряная — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, средней сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о младшеньком нашем позаботится, пока ты за ним не вернёшься. И скажи сестре: ни мне в замок её войти нельзя, ни ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь, — пообещала принцесса.

Взяла она младшего сына за руку и в замок под серебряной крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всём, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду твоему сыну вместо родной матери.

Поцеловала принцесса младшего сына и к дверям пошла. Золовка проводить её хочет, с братом встретиться.

— Милая золовушка! — просит принцесса. — Не ходи за мной, не то нам с принцем никогда больше не свидеться!

— Что ты! — испугалась королева. — Неужели я ещё большую беду на вас навлеку? Прощай, счастливого пути!

Вышла принцесса из замка — и снова в путь. Одной рукой слепого мужа ведёт, другой — дочку маленькую к груди прижимает. Вдруг перед ними в третий раз глухой дремучий лес стеной встаёт, конца-краю ему не видно.

По лесу тропка зелёная вьётся. Пошли принц с принцессой той тропкой; час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу.

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная жёнушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зелёных, не вижу.

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная жёнушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу, — отвечает принцесса, — замок огромный-преогромный, крыша золотая — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, младшей сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о дочке нашей позаботится, пока ты за ней не вернёшься. И скажи сестре: ни мне в замок её войти нельзя, ни ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь,— пообещала принцесса.

Взяла она дочку на руки и в замок под золотой крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всём, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду дочке твоей вместо родной матери.

Поцеловала принцесса дочку и к дверям пошла. И так тяжело на сердце у неё стало, когда она последнее своё дитя отдала, что обо всём на свете позабыла принцесса. А золовка проводить её пошла, с братом встретиться захотела. Идёт она за принцессой, а та ничего не замечает, только плачет — слезами обливается.

Подшли они к слепому принцу, сестра к нему на шею как кинется, как зарыдает! Понял принц, кто его обнимает, побледнел и говорит принцессе:

— Любезная жёнушка, как же ты сестрицу мою не остановила? Никогда нам с тобой больше не свидеться!

Зарыдала принцесса. Тут вдруг, откуда ни возмись,— чёрное облако опустилось с неба, принца с головой накрыло, и исчез он, будто птица, в воздухе.

А принцесса с золовкой в горе своём великом слова вымолвить не могут. Опомнилась наконец золовка и говорит:

— Ни кола ни двора у тебя нет, с мужем ты теперь рассталась навеки — оставайся у меня!

Принцесса и слушать её не желает.

— Неужто ты не знаешь,— говорит она,— что верная любовь всего на свете дороже! Мужа я отыщу, пусть весь белый свет ради этого обойти придётся!

— Коли так,— молвила королева,— дам тебе добрый совет. Видишь — гора, высокая-превысокая. Там старая троллиха живёт, Бертой её зовут. До того сметливая — второй такой не сыщешь! Знает она всё, что от людей сокрыто. Может, скажет, где мой брат.

— Спасибо тебе! — поблагодарила золовку принцесса и отправилась старую троллиху искать. Шла она, шла, а как стемнело, на гору набрела. Глянула — на самой её вершине свет горит, будто звёздочка в ночном небе сияет. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменистой тропке карабкаться. В конце тропки пещеру нашла со свечой у входа. Заглянула в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом маленькие тролли с длинными-предлинными хвостами так и кишат. В углу старая горная троллиха сидит. До того страшна: маленькая, скрюченная, нос длинный, лицо морщинами изрыто, голова трясётся.

Испугалась принцесса. Но тут мужа своего вспомнила, и страх как рукой сняло. Подошла она к троллихе и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились маленькие тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и забормотала:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Пятьсот лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил ни разу, любезной матушкой не назвал.

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства,— отвечала принцесса,— мужа своего ищу. Молва идёт, будто ты не по годам сметлива и знаешь всё, что от людей сокрыто. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, потом молвила:

— Чего не знаю, того не знаю. Но есть у меня сестра — горная троллиха Мэрта, вдвое старше и вдвое умнее меня. И знает обо всём, что на свете творится. Может, она скажет, где принц Хатт. Переночуй с нами, а утром мы тебе дорогу к Мэрте покажем.

— Спасибо! — поблагодарила троллиху принцесса. — Век тебя не забуду!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Бертой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, сынок, проводи-ка гостью к тётушке Мэрте!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпачке и говорит:

— Сделаю, матушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе веретено чистого золота:

— Прими на прощанье! Пока ты этим веретеном владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь! Оно в девять раз больше кудели напрядёт, чем все другие веретена на свете. А теперь — счастливого тебе пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за древним её сыном. Шли они, шли, а как стемнело, сразу же на высокую гору набрели. Глянула принцесса — на самой вершине горы свет горит, будто зарево в ночном небе пылает. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменистой тропке карабкаться. Тут тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама к тётушке Мэрте добирайся!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Стала она снова в гору взбираться. А была та гора вдвое выше Бертиной и вся стволами деревьев да валунами завалена. Совсем из-

немогла принцесса. Вдруг глядь — в конце тропки пещера, а у входа в неё — свеча горит.

Заглянула принцесса в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом тролли, побольше первых, с хвостами подлиннее, так и кишат. В углу горная троллиха, постарше Берты да пострашнее, сидит: голова — торчком, нос — крючком, подбородок — лопатой торчит.

Испугалась принцесса. Но вспомнила своего мужа и страх превозмогла. Подошла к троллихе, поклонилась и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и бормочет:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Тысячу лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил. А уж любезной матушкой и подавно ни разу не назвал.

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства, — отвечала принцесса, — мужа своего ищу. А вчера у старой матушки Берты ночевала...

— Ишь ты, — прервала ее Мэрта, — неужто ты и Берту в старухи определила? Девчонка она, вдвое меня моложе! Ну да ладно, чего тебе надобно?

— Сестра твоя Берта говорила, будто ты не по годам умна и всё на свете знаешь. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, потом молвила:

— Чего не знаю, того не знаю. Но есть у меня сестра — горная троллиха Герта, вдвое старше и вдвое мудрее меня. И знает всё про всех на свете. Может, она скажет, где принц Хатт. Переночуй с нами, а утром мы тебе дорогу к Герте покажем.

— Спасибо! — сказала принцесса. — Всю жизнь тебя помнить буду!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Мэртой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, внучек, проводи-ка гостью к двоюродной бабушке Герте!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпачке и говорит:

— Сделаю, бабушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе ткацкий стан чистого золота:

— Прими на прощанье! Пока ты этим станом владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь! Всю пряжу, что твоё веретено нарядёт, — стан этот соткёт. А теперь — счастливого тебе пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за старым её внуком. Шли они, шли, а как стемнело, сразу же на крутую гору набрели. Глянула принцесса — на самой вершине свет горит, всё ночное небо озаряет. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменистой тропке карабкаться. Тут тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама двоюродную бабушку Герту ищи!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Стала она снова в гору взбираться. А была та гора вдвое круче Мэртиной и вся буреломом завалена. Совсем изнемогла принцесса. Вдруг глядь — в конце тропки пещера, а у входа в неё свеча горит.

Заглянула принцесса в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом огромные тролли с длинными-предлинными хвостами так и кишат. В углу старая-престарая, страшная-престрашная горная троллиха сидит. Глаза пламенем горят, брови, словно лес, — тёмные да густые, рот до ушей.

Испугалась принцесса. Но вспомнила своего мужа, и страх как рукой сняло. Подошла она к троллихе, поклонилась и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и забормотала:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Две тысячи лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил. Хоть бы раз кто любезной матушкой назвал!

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства, — отвечала принцесса, — мужа своего ищу. А вчера у старой матушки Мэрты ночевала...

— Ишь ты, — прервала её Герта, — неужто ты и Мэрту в старухи записала? Девчонка она, вдвое меня моложе! Ну да ладно, чего тебе надо?

— Сестра твоя Мэрта говорила, будто ты не по годам мудра и всё на свете знаешь. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, а потом молвила:

— Слышала я про принца Хатта и знаю, где он. Но тебе его не видать. Ныне он у ведьмы в плену и тебя с детьми позабыл. Но за твою учтивость помогу тебе, чем сумею. Перепочуй с нами, а утром мы тебе дорогу к ведьме покажем.

— Спасибо! — говорит принцесса. — Никогда тебя благодарить не перестану!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Гертой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, правнучек, проводи-ка гостью к злой ведьме!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпаке и говорит:

— Сделаю, прабабушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе кошелек шёлковый, золотом шитый.

— Прими на прощанье! Пока ты этим кошельком владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь. Сколько серебра из него ни возьмёшь, он всё равно полон будет. А теперь — счастливого пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за дряхлым её правнуком. Шли они, шли, а как стемнело, видит принцесса: у самой дороги замок стоит — стены толстые, башни высокие, рвы вокруг глубокие. Не иначе — ведьмин замок! Принцесса и про усталость забыла. Только она к воротам подходит, тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама ведьму найдёшь!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Вошла она в ворота, а навстречу ей женщина — могучая, статная, в платье алом, золотом шитом, идёт. «Должно быть, это ведьма и есть», — подумала принцесса. Сама-то принцесса уже давно обносилась: платье рваное, башмаки — худые.

Вот ведьма её и спрашивает: —

— Кто ты и откуда?

— Нищенка я, — отвечает принцесса, — брожу по свету голодная да холодная. А нынче вовсе из сил выбилась. Не найдётся ли для меня в замке служба какая?

— Вот ещё! Стану я о какой-то бродяжке заботиться, — фыркнула ведьма, — на службу её к себе брать! Убирайся отсюда!

Тут принцесса всякой надежды лишилась. Но вспомнила о муже и говорит:

— Воля твоя! Ты здесь хозяйка. Может, найдётся в замке какой ни на есть закуток, где я смогу отдохнуть малость.

— Будь по-твоему! — усмехнулась ведьма. — Живи в птичнике! Там тебе по душе придётся!

Повернулась ведьма и в замок пошла. А сама радуется: нищенке место её указала! Пусть-ка в грязном птичнике помается!

Принцесса тем временем двери распахнула и стала птичник проветривать. Потом большую метлу взяла и давай подметать. Нелёгкая это была работа. Птичник-то большой, гусей, уток, кур да петухов там тьма-тьмушая! Но как они ни гоготали, как ни кричали и ни кудахтали, как ни кукарекали — она на них и внимания не обращала. Потом взяла принцесса тряпку и стала пол, стены и потолок мыть. Такую чистоту навела, что вся птица из птичника улетела.

Достала принцесса веретено золотое, села золотую пряжу прясть. А после на ткацком стане соткала из той пряжи камчатные скатерти да покрывала с золотой каймой.

Устала она от работы и спать легла. Утром проснулась, кошелёк шёлковый, золотом шитый, взяла и отправилась в торговые ряды. Чего только принцесса не накупила: и еды всякой, и хмельного, да ещё столы со скамейками, блюда серебряные и кубки. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он всё равно по-прежнему был полон.

Вернулась принцесса в птичник, блюд лакомых наготовила, растелила на столах и на скамейках скатерти камчатные да покрывала с золотой каймой, на столы накрыла и ведьму в гости зовёт:

— Не придёшь ли вечером ко мне на пир? И принца Хатта с собой приведи. Слыхала я, будто он твой жених.

А ведьмины слуги уже все уши ей о чудесах на птичнике прожужжали, не терпится ей своими глазами чудеса эти увидеть. Вот она и говорит:

— Спасибо тебе! Принц Хатт, и вправду, мой жених. Совсем недавно в замок ко мне воротился. А до того где он только не побывал и совсем в странствиях своих умом тронулся. Всё какими-то золотыми листочками волшебными да залами подземными бредит. Я его зельем сонным опаиваю, чтоб он прежнюю жизнь позабыл. Но на это не меньше недели понадобится. Пока же о свадьбе и думать нечего. Он всё спит да спит. Не обессудь, коли я вместо него приёмную дочку с собой приведу.

Не очень-то обрадовали принцессу её речи. Да что поделаешь! Весь день до вечера думала она, как бы ей ведьму перехитрить и с принцем увидеться. И надумала.

Только вечером ведьма с приёмной дочкой явились, усадила их принцесса за стол. А как поели гости, попили, вытащила она веретено золотое и давай золотую пряжу прясть. Да так ловко, так искусно!

Удивилась ведьма. Ей таких чудес видеть не доводилось. Вот она и спрашивает:

— Не продашь ли мне веретено?

— Нет! — отвечает принцесса. — Цены ему нет. Уж если я с ним расстанусь, то не за деньги.

— Скажи, чего ты хочешь? Я за это веретено ничего не пожалею! — обещает ведьма.

— Хочу я вечером с принцем увидеться, потолковать с ним наедине. Тогда и веретено — твоё!

Испугалась сначала ведьма, а потом и думает: «Где ей меня перехитрить!»

— Ладно, — говорит. — Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, к вину в кубке сонного зелья подмешала, заставила принца выпить. А дочке приёмной говорит:

— Спрячься в соседнем покое и слушай, о чём чужачка с принцем толковать станет! После без утайки всё мне расскажешь.

Только принц заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц! Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. Глянула она на него в полумраке и видит: спит он! Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ.

Стала она тогда ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала:

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Только всё напрасно: принц не просыпается!

А ведьмина приёмная дочка тем временем в покое соседнем сидела, подслушивала. И до того ей принца с принцессой жалко стало, что решила она ничего про них приёмной матери не рассказывать. Ведьму-то она люто ненавидела.

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не радуется: принц спит, а принцесса — вся в слезах. Отдала она ведьме веретено золотое и в птичник пошла. Ведьма к приёмной дочке кинулась, как да что было, спрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слыхала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма на золотом веретене в потайном покое пряла, принцесса в птичнике — слезами обливалась. А как полдень настал, отёрла она глаза, взяла кошелёк шёлковый, золотом шитый, и отправилась в торговые ряды. Накупила опять снеди всякой и хмельного. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он по-прежнему был полон.

Чего только не наготовила принцесса, а потом на стол накрыла и ведьму с приёмной дочкой в гости позвала.

— Спасибо тебе! Придём! — буркнула в ответ ведьма.

Явились вечером ведьма с приёмной дочкой в птичник. Усадила их принцесса за стол, а как поели гости, попили, вытащила она пряжу золотую и ткацкий стан и давай скатерти камчатные и покрывала с золотой каймой ткать. Всё у неё в руках спорилось!

Удивилась ведьма. Таких чудес ей видеть не доводилось. Вот она и говорит:

— Продай мне стан!

— Нет, — отвечает принцесса. — Ни за какие деньги я стан не продам!

— Чего же ты хочешь? Мне ничего за этот стан не жалко! — сказала ведьма.

— Хочу я вечером принца повидать, потолковать мне с ним надобно. Дозволишь — и стан твой!

Не испугалась на этот раз ведьма. Знала, что принцессе её всё равно не перехитрить.

— Ладно, — говорит. — Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, опять к вину в кубке сонного зелья подмешала, принца напоила. Дочке приёмной велела в соседнем покое спрятаться и послушать, о чём чужачка с принцем толковать станет. А после ей всё без утайки рассказать.

Только принц заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц! Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. Глянула она на него в полумраке и видит: спит он. Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ.

Стала она тогда ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала.

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Только всё напрасно: принц не просыпается!

А ведьмина приёмная дочка тем временем в покое соседнем подслушивала. И до того ей принца с принцессой жалко стало, что решила она и на этот раз ничего про них приёмной матери не рассказывать.

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не радуется: принц спит, а принцесса — вся в слезах. Отдала она ведьме стан золотой и в птичник пошла. Ведьма к приёмной дочке кинулась, как да что было, выпрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слыхала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма золотую пряжу в потайном покое ткала, принцесса в птичнике — слезами обливалась. Да и как ей было не плакать, не убиваться! Коли и нынче ночью она с принцем словом не перемолвится, придётся им навеки расстаться!

Только полдень настал, отёрла принцесса глаза, взяла кошелёк шёлковый, золотом шитый, и отправилась в торговые ряды. Накупила опять всякой снеди и хмельного. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он по-прежнему был полон.

Чего только не наготовила принцесса, а после на стол накрыла и ведьму с приёмной дочкой в гости позвала.

— Ладно! Придём! — проворчала в ответ ведьма.

Явилась вечером ведьма с приёмной дочкой в птичник, усадила их принцесса за стол, а как поели гости, попили, вытащила она кошелёк шёлковый, золотом шитый, да как встряхнёт его! Зазвенело тут серебро, на пол посыпалось. Не успели оглянуться — целая гора серебра на полу выросла!

— Хватит! — говорит принцесса.

И вовремя. А не то бы весь птичник снизу доверху серебром наполнился.

Удивилась ведьма. Таких чудес ей видеть не доводилось. Вот она и спрашивает:

— Не продашь ли мне кошелёк?

— Нет! — отвечает принцесса. — Зачем мне его продавать? Денег в этом кошельке столько, что тебе и не снилось.

— Тогда чего же тебе надо? Всё тебе за него отдам, — посулила ведьма. — Ну ладно, я сама знаю, чего тебе надо! Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, снова к вину в кубке сонного зелья подмешала. Но только принц кубок к губам поднёс, видит: ведьмина приёмная дочка ему подмигивает — не пей, мол!

Притворился принц, будто весь кубок до дна осушил, а сам тайком из него на землю сонное зелье выплеснул.

Ведьма ничего не заметила и, как прежде, велит приёмной дочке в соседнем покое спрятаться и послушать, о чём чужачка с принцем толковать станет, а после ей всё без утайки рассказать.

Только принц притворился, что заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц. Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса опять к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. До того его ведьма зельем сонным да колдовством одурманила, что он жену свою не узнал.

«О чём это она? — подумал он. — И кто она?»

Принцесса глянула на него в полумраке, и показалось ей, что принц Хатт снова спит. Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ. Слышать-то он её слышал, а понимать — не понимал. Мало-помалу начал принц в себя приходить. Вспомнил он жену и малых детей своих, вспомнил, как с ними расставался.

Вспомнить-то вспомнил, а всё равно слова вымолвить не может.

Стала тогда принцесса ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала.

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Понял тут принц, как жена его страдалась. Кинулся к ней, целует, обнимает. Принцесса от радости, что он очнулся, все печали забыла.

Вдруг слышат они, кто-то в темноте крадётся. Это ведьмина дочка приёмная к принцу в опочивальню пробирается. Испугалась принцесса, а ведьмина приёмная дочка говорит ласково:

— Не бойся, я вас не выдам. И пособлю, чем могу. Отца моего, принца, ведьма тоже зельем сонным изводила, пока он не умер. А мне пришлось в ведьмином замке остаться. И как отсюда вырваться — не знаю.

Обрадовались принц с принцессой, что девица их сторону держит, сели вместе с ней в уголок и стали совет держать.

— Бежать отсюда! Бежать!— твердит принц.

— От ведьмы далеко не убежишь!— усмехнулась её приёмная дочка.— Одно, говорят, средство есть от ведьмы избавиться: окунётся она в котёл с кипятком — тут ей и конец. Только как её к этому вынудить?

Стали они думать, что им делать. Ведьмина приёмная дочка и говорит:

— Перво-наперво надо ведьме сказать, будто ты, принц Хатт, всю ночь крепко спал. А завтра ведьма спросит, скоро ли ты на ней женишься. Ты ей отвечай: скоро, мол. Обрадуется она и станет всех своих родичей на свадьбу сзывать, к свадебному пиру готовиться, и тебя, принцесса,— ты ведь повариха отменная,— в помощницы позовёт и, как мясо повкуснее сварить, спросит. Ты ей и отвечай: «Слыхала я, будто мясо надо до тех пор варить, пока дно котла не посинеет». Послушайтесь меня — и мы от ведьмы избавимся.

— Спасибо тебе!— поблагодарили девицу принц с принцессой.— Сделаем всё, как ты говоришь!

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не радуется. Принц спит, а принцесса — вся в слезах.

Отдала она ведьме кошелек, золотом шитый, и в птичник пошла. Ведьма к приёмной дочке кинулась, как да что было, спрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слыхала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма серебро из кошелька шёлкового, золотом шитого, в потайном покое добывала.

«Денег теперь у меня сколько хочешь!— радовалась она.— Пора, может, свадьбу сыграть? Закачу-ка я пир на славу! Всех своих родичей приглашу: троллей и домовых, ведьм и великанов. Пусть едят и пьют вволю, я не обеднею».

Пошла ведьма к принцу,— а он прикинулся, будто только-только проснулся,— и спрашивает:

— Любезный мой принц Хатт, не пора ли нам свадьбу сыграть?

— Ладно!— отвечает принц.

Обрадовалась ведьма, гонцов во все стороны разослала — на восток и на запад, на север и на юг. Всех нелюдей на свадьбу пригласила: сотню троллей, домовых с великанами, две сотни троллих и ведьм, а в придачу три сотни деток — всё больше троллево да ведь-

мино отродье. Наказала ведьма гостям передать, что еды на свадьбе будет вволю.

Слуг своих ведьма совсем загоняла. Под конец велела им котёл принести, да такой большой, чтоб восемнадцать быков в него вошло.

И вот тут-то вспомнила ведьма: до чего вкусным мясом её чужачка угощала! Позвала она принцессу и спрашивает, как её слугам мясо варить, чтобы повкуснее было.

— Тебе лучше знать,— молвила принцесса.— Слыхала я только, будто мясо до тех пор варить надо, пока дно котла не посинеет. Послушалась её ведьма, приказала побольше дров в огонь бросить.

Кидали слуги поленья в огонь, кидали, пока вода в котле не закипела. Велела ведьма лесенку принести, рядом с котлом поставить.

— Полезай наверх да погляди, не посинело ли дно котла?— говорит ведьма принцессе.— Не бойся, дочка моя приёмная лесенку подержит.

Поднялась принцесса наверх, в котел заглянула, головой покачала:

— Нет, дно ещё не посинело. Видать, дров маловато!

— Как же так, вода давно в котле булькает!— фыркнула ведьма.— Спускайся вниз, придётся ещё дров подбросить.

Спустилась принцесса вниз, а слуги снова поленья в огонь подбрасывают.

— Полезай теперь ты наверх да погляди, не посинело ли дно котла?— обратилась ведьма к принцу.— Не бойся, дочка моя приёмная лесенку подержит.

Поднялся принц наверх, в котёл заглянул, головой покачал:

— Нет, дно ещё не посинело. Видать, дров маловато!

— Как же так,— фыркнула ведьма,— вода давно в котле булькает! Спускайся вниз, любезный мой принц Хатт, я сама влезу да погляжу. А ты, девчонка, держи лесенку крепче!

Спустился принц Хатт, а ведьма наверх поднялась, через край котла перегнулась и не успела на дно его глянуть, как лесенка пошатнулась и — бульк-бульк!— ведьма в котёл вниз головой упала. Только её и видели!

Не стали принц с принцессой и приёмной ведьминой дочкой дожидаться, пока шесть сотен ведьминых гостей — нелюдей в замок нагрянут. Взяли они золотое веретено, ткацкий стан чистого золота, кошелек шёлковый, золотом шитый, и в путь пустились.

Шли они, шли и видят вдруг вдаль — огромный-преогромный замок высится, весь будто золото сверкает. Подошли они ближе и слы-

шат, будто арфы со скрипками играют, а птицы им вторят, заливаются; огляделись — посреди двора дерево ореховое стоит, веткой приветливо машет.

— Это же мои золотые волшебные листочки! — закричала принцесса.

И правда, то пели и играли три золотых волшебных листочка на верхушке орехового дерева. Рядом с деревом увидали принц с принцессой трёх его сестёр-королев, двух малолетних своих сынков и дочку. А за ними — народу видимо-невидимо.

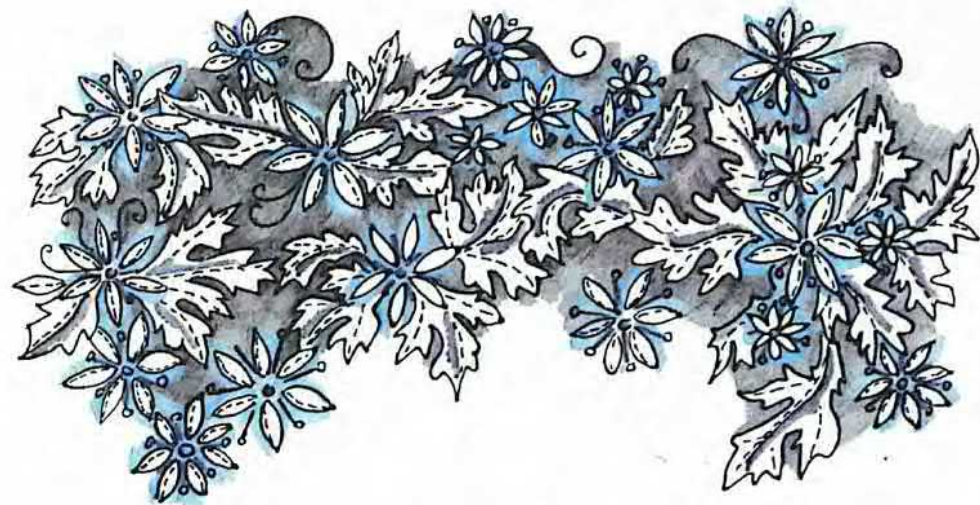
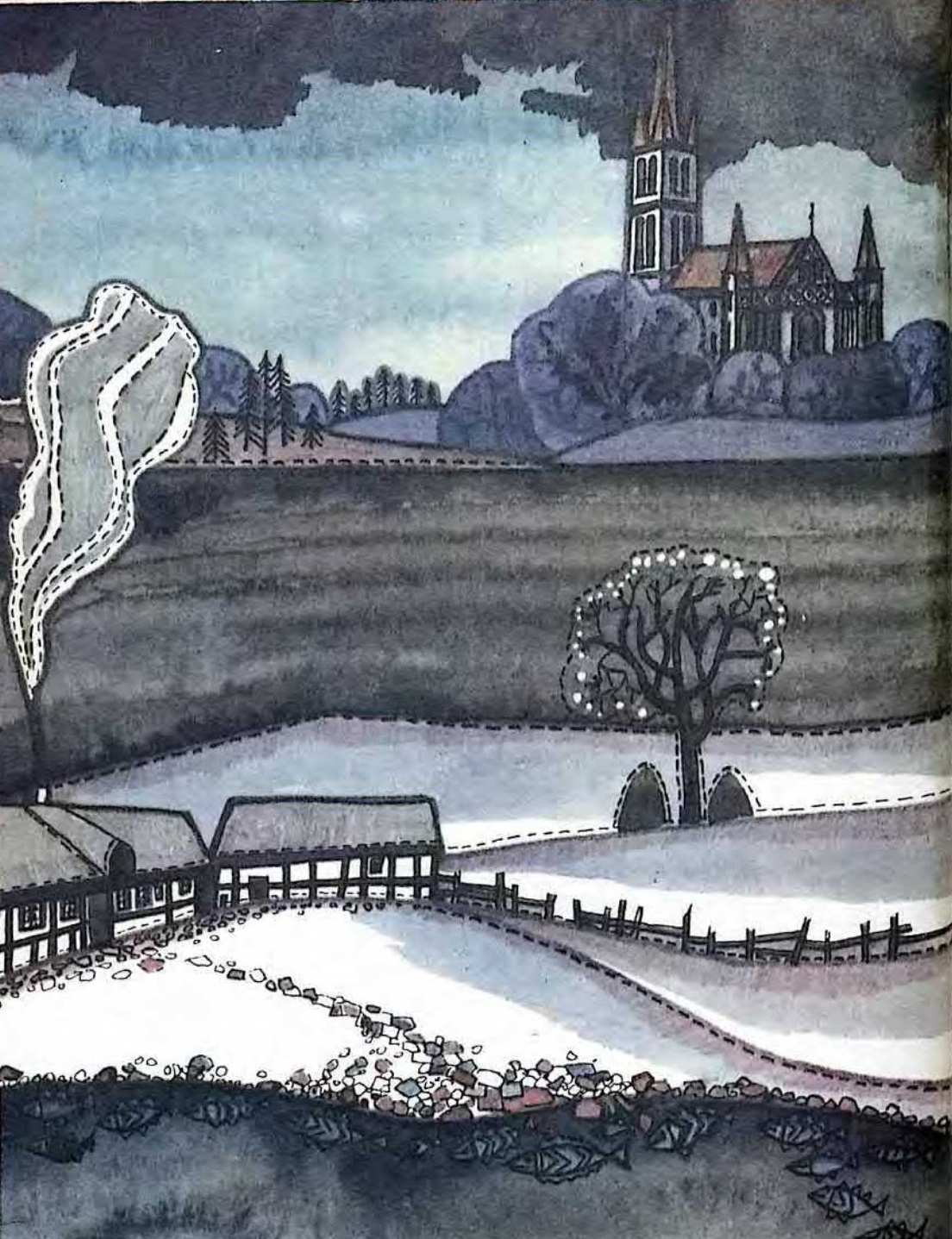
Поднялся принц Хатт на крыльцо замка, объявили его тут королём, а принцессу — королевой.

Жили они потом долго и счастливо, а волшебные листочки о верной их любви пели. И слава о ней весь свет обошла. Ведьмшну приёмную дочку в королевскую семью как родную приняли, и весь свой век она в семье той прожила.

ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

СОЛДАТСКИЙ РАНЕЦ

Служил в Дании солдат по имени Ларс: исполнял он королевские приказы ровно восемь лет, и настал срок ему с солдатчиной проститься. Рад был Ларс, что службе конец пришёл: ведь кому служба — мать, а кому — мачеха. Неохота только с тощим кошельком домой возвращаться. Считали, прикидывали, а больше трёх скиллингов¹ солдату в расчёт никак не выходило. Этакая малость за восемь лет службы! Спасибо, хоть отдали ему те скиллинги сразу. А то, бывало, покуда солдатские кровные денежки получишь, с ног собьёшься.

«Ладно, хоть так обошлось!» — подумал Ларс и отправился в путь.

Весёлый малый был солдат! Идёт, палкой помахивает, песенки распевает. А навстречу ему старушонка убогая: горько-горько так плачет, на нужду свою жалуется.

— Не подашь ли, служивый, скилинг? — спрашивает старушонка.

— Отчего не подать! — говорит солдат. — У меня и всего-то три скиллинга, а два ли, три ли — всё одно. Нет денег — и это не деньги. Может, хоть тебе мой скилинг пригодится.

¹ Скилинг — грош, копейка; старинная монета, имевшая хождение в Дании до 1873 года.

Немного погода повстречалась ему другая старушка, да такая сгорбленная, что голова книзу клонится и лица никак не разглядеть; горько-горько так плачет, долю свою проклиная и молит слёзно:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

— Ладно,— говорит солдат.— У меня два скиллинга, а у тебя ни одного; коли дам тебе один, мы богатством сравняемся. Бери на здоровье!

Отдал он ей половину своих денег и дальше пошёл; легко у солдата на душе и легко в кармане. Идёт, песенки распевает.

Немного погода повстречалась ему третья старушка; горько-горько так плачет, милостыню просит:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

Усмехнулся солдат и отдал ей последний скиллинг.

— На, бери! У меня всего-то один скиллинг; а есть он, нет ли — разница невелика. В кошельке у меня ветер гуляет, теперь уж никому помочь не смогу.

Пошёл солдат дальше — весёлый-превесёлый. И добра-то у него теперь осталось — только старая одежда, что на нём, да ранец за спиной. В ранце том рваная рубаха да пара дырявых носков. Правда, была у него ещё пачка жевательного табака.

Идёт солдат, солнцу и теплу радуется, табак жуёт, палкой помашивает, песенки распевает, да так звонко, что отголоски далеко по холмам разносятся.

Входит Ларс в лес и видит: сидит на камне старушонка, отдыхает, видно. А камень-то огромный-преогромный.

— Садись, служивый, потолкуем,— говорит старушка.— Довелось нам с тобою и раньше трижды встречаться, да ты всякий раз так торопился, что мы и словечком с тобою не перемолвились.

— А, так это ты все мои скиллинги выманила! Ну да на здоровье! Не зря они тебе достались. Пришлось небось побегать! Прыткая ты, что правда, то правда! А потолковать я с тобою не прочь! Чего тебе надо?

Уселся Ларс на камень рядом со старушкой, посмотрела она на него и говорит:

— Загадай три желания!

Почесал солдат в затылке.

— Что б такое загадать? Ну, это проще простого! Хочу я жить с людьми в мире и дружбе, без этого не быть человеку счастливым. А ещё хочу, чтоб ранцу моему никогда износу не было — денег на новый мне всё равно не раздобыть.

— Загадай последнее желание!— сказала старушка.

И Ларс загадал:

— Пускай, чего ни пожелаю, мигом попадёт в мой ранец, а захочу — пусть ранец снова пустой будет.

— Сбудутся твои желания. Счастливого пути!— проговорила старушка и вдруг пропала, будто сквозь землю провалилась.

«Куда она подевалась?— подумал солдат.— Ну, да не моего это ума дело!»

Поднялся он и снова тронулся в путь, но, на беду, споткнулся о камень, на котором сидел вместе со старушкой. Рассердился Ларс, помянул чёрта и пожелал: «Ну-ка, камень, ступай ко мне в ранец!»

А камень скок-поскок — и уж лежит в его ранце.

Но был тот камень такой огромный да тяжёлый, что потянул Ларса книзу. Опрокинулся солдат через голову и покатился по земле. Катится он, катится, синяки и шишки набивает! Натолкнулся, к счастью, на кряжистое дерево и остановился.

Отдышался солдат — уф-уф! — и прищурил глаз. Смекнул наконец: «Старушка-то, видно, не зря болтала — дело, выходит, серьёзное. Вот так здорово! Только я загадал, а камень уж в ранце лежит».

Пожелал Ларс от камня избавиться, и камень — скок-поскок — выпрыгнул из ранца.

Пошёл солдат дальше, весёлый-превесёлый. Только вдруг у него под ложечкой засосало, проголодался служивый: уж очень долго шёл он в тот день.

Видит Ларс: стоит у дороги помещичья усадьба. И надумал он зайти туда хлеба ломоть попросить. Так и сделал. Заходит на кухню, а повариха как раз хлеб нарезает и маслом ломти намазывает.

— Не найдётся ли мне хлеба ломоть?— спрашивает солдат.

— Найдись-то найдётся,— говорит повариха,— да только в этом доме всякий кусок на счету. Несдобровать мне, коли даже самой малости недосчитаются.

— Дом-то господский, а обиход, видать, сиротский!— сказал солдат.

— Твоя правда! — говорит повариха.— А может, тебе к помещику зайти? Потолкуй с ним, глядишь — покормить велит! Бывают же чудеса на свете. Он у себя в горнице сидит. Как выйдешь за дверь, так иди всё прямо.

— Спасибо за совет! — поблагодарил повариху солдат и пошёл к помещику.

А тот как раз деньги свои считает. Видит солдат: стоит на столе глиняный горшок, из тех, что в Ютландии делают, и в нём

полным-полно золотых дукатов, а на полу — сундук железный, и в нём далеров серебряных не счесть сколько!

— Ну, какой за тобой должок? — спрашивает помещик. Он и не взглянул на солдата, думал, кто-то из издольщиков¹ плату принёс.

— Ни долгов, ни денег у меня не водится. А вот велишь меня накормить — спасибо будет за мной, — говорит солдат.

Помещик аж покраснел — не привык он, чтоб его о чём-нибудь за спасибо просили. Спасибо-то в карман не положишь и шубу из него не сошьёшь! Замахал он на солдата руками, затопал ногами и кричит:

— Вон со двора!

Стал Ларс по стойке «смирно», сам себе скомандовал: «На-а-пра-во!» — повернулся и солдатским шагом марш-марш со двора.

Шёл он, шёл, а потом, ухмыльнувшись, говорит:

— Ну-ка, золотые дукаты, прыг ко мне в ранец!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце золотые дукаты из ютландского горшка.

«Так! — подумал солдат. — Не худо бы и серебром разжиться, золотом только хвастуны расплачиваются».

— Ну-ка, серебряные далеры, прыг ко мне в ранец! Да столько, чтоб унести под силу было. Лишнего мне не надо!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце серебряные далеры из помещичьего сундука.

Стал ранец тяжёлый-претяжёлый, а всё равно полегче полной походной выкладки, к которой на службе привык солдат.

Отправился Ларс дальше; идёт, песенки распевает. Пришёл он под вечер в небольшой городок, постучался в дверь самого что ни на есть богатого постоялого двора и попросил еды и питья. Стал Ларс за обе щеки ужин уписывать. А с ним за столом важные господа сидят. Вот и давай они над простым солдатом потешаться. Смешно им, как он на еду налегает.

Поел солдат и стал карманы выворачивать: сначала один — пустой и рванный, потом другой. А там, кроме початой пачки табаку, хоть шаром покати. Тут уж господа со смеху животы надорвали.

— И на старуху бывает проруха, — говорит один из них. — Знатный граф тоже, случается, дома деньги забывает, только жадность всегда при нём.

А солдат будто и не слышит. Кладёт он на стол ранец, раскрывает его и внутрь заглядывает. А господа ещё пуще хохочут, за животы хватаются. Только хозяину не до смеха. Смотрит он на Ларса волком, боится — не заплатит ему солдат. А солдат будто и не видит его опасений. Достает он пригоршню дукатов, швыряет на стол и говорит:

— Сдачи не надо!

Вытаращили тут важные господа глаза, слова вымолвить не могут, точно им рты позатыкали.

А хозяин заулыбался, Ларсу кланяется. Приказал он бутылку вина принести в награду за щедрость.

— Не найдётся ли у тебя горницы переночевать? — спрашивает Ларс.

— Горницы все постояльцами заняты, — говорит хозяин, — одна только пустая стоит, да ночевать в ней нельзя. Кто там заночует, тут же ночью помирает. Я как стал хозяином, никого туда не пускаю, горница у меня на запоре.

— Самая подходящая для меня квартира! — сказал солдат. — Прибери там хорошенько, стол накрой к ужину. Не забудь принести четыре бутылки вина и четыре свечи поставить да положи четыре колоды карт, а как всё сделаешь — неси мне ключ от горницы.

Мялся хозяин, мялся, а потом и говорит:

— Моё дело остеречь, а коли ты, господин, всё равно там ночевать хочешь, что ж, воля твоя!

Пришло время спать ложиться. Отправился солдат в страшную горницу. Высыпал он из ранца на стол все золотые дукаты и серебряные далеры, зажёл четыре свечи, открыл четыре бутылки вина к ужину, о котором позаботился хозяин, проверил четыре колоды карт. Положил Ларс ранец на пол, уселся за стол и ждёт, что дальше будет.

Немного погода как затрещит в печке огонь, как печка подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и вывалился на пол чёрный клубок. Разматывался тот клубок, разматывался, рос, рос, покуда не обернулся огромным чёрным чёртом с рожками, хвостом и клыками. И страшен же был тот чёрт! Вместо ногтей у него — когти звериные.

— Добро пожаловать, друг любезный! — спокойно и ласково говорит солдат. — Садись к столу да подкрепишься маленько.

Не успел он речь свою кончить, огонь опять как затрещит, печка как подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и выка-

¹ Издольщик — земледелец, вносящий плату за пользование землёй натурой — определённой долей урожая.

тился на пол другой чёрный клубок. Обернулся тот клубок таким же огромным чёрным чёртом. А за ним и третий чёрт тут как тут.

Кувыркаются на полу трое чёрных чертей. Солдат ласково со всеми тремя разговаривает, к столу просит и вином угощает.

Наелись черти, напились. Ларс их спрашивает:

— Не перекинуться ли нам в картишки?

Завизжали черти от радости и давай с солдатом в карты играть. Играют они, играют, а сами потихоньку к солдату подбираются, когти в него запускают.

— Эге!— говорит солдат.— Неплохо с дружкой в картишки играть, да когти в него ни к чему запускать! А ну полезайте ко мне в ранец!

Фью-ю-ють!— и уже сидят в солдатском ранце три чёрта. Как они там ни барахтались, как ни визжали, как ранец ни когтили — всё зря. Ведь ранцу тому износу не было.

— Сидите, покуда не выпущу!— приказал солдат.— Теперь и потолковать с вами можно. И время быстрее пройдёт! Чего это вы сюда в горницу повадились? Что вам здесь надо?

— Тут за печкой пивной котёл с золотом стоит. Вот мы его и караулим,— сознались черти.

— Всего-то и дела! Стоит из-за денег честных людей в страхе держать!— подивился солдат.

Стали тут черти скулить: молят солдата на волю их выпустить. А Ларс и ухом не ведёт. Скинул сапоги, улёгся в постель и крепко заснул.

Рано поутру пришёл хозяин и заглянул в замочную скважину. Так и есть: лежит Ларс и, похоже, не дышит — видно, мёртвый. Стал тут хозяин бить-колотить в дверь.

Проснулся солдат, помянул чёрта и кричит:

— Чего надо? За ночлег заплачено, а спать не дают!

Убрался хозяин — рад-радёшенек, хоть не очень ласково обошёлся с ним Ларс. Солдат-то в живых остался! Вот счастье привалило! Нашёлся неробкий человек — никакое колдовство ему не страшно!

Выспался Ларс и пошёл к хозяину. А тот уже его поджидает. Не терпится ему послушать, что да как!

Но из солдата ничего не вытянешь. Сказал только, что спал, дескать, сладко, а теперь не худо бы позавтракать.

Хозяин пред Ларсом травой стелется; чего только на стол не ставит — ешь сколько хочешь. Солдат ел-ел, всё, что на столе было, съел и спрашивает:

— Не найдётся ли в городе двух дюжих парней?

— Как не найтись!— отвечает хозяин.

— Ну так зови их сюда,— говорит Ларс,— да гляди, чтоб были самые что ни на есть дюжие. Работёнка их ждёт нелёгкая.

— Какая такая работёнка?— любопытствует хозяин.

— Надо ранец мой к кузнецу стащить, пусть из него пыль выколоти́т. Для этого дюжие парни и требуются, не всякому под силу такой ранец поднять.

«Не иначе, рехнулся,— подумал хозяин.— А может, из него ещё вчерашний хмель не выветрился?»

Но перечить Ларсу не стал: платил солдат исправно, не скупясь.

— Ладно,— обещает хозяин,— приведу тебе двух дюжих парней, останешься доволен.

Послал он мальчишку в город, и тот привёл двух здоровенных молодцов.

Оглядел их Ларс и спрашивает:

— Хотите по серебряному далеру на брата заработать? Стащите этот ранец к кузнецу, пусть из него пыль выколоти́т.

Переглянулись парни и думают: «Везёт же нам! Шальные, видать, у него деньги. Работа-то пустяковая!»

Взялись они за ранец, хотят поднять его, да не тут-то было. Еле-еле от пола оторвали!

С охами и вздохами вытащили силачи ранец из дому. Идут, потом обливаются; покуда до кузницы добрались, семь раз останавливались дух перевести.

Хозяин постоянного двора вместе с ними идёт. Объясняет он кузнецу: остановился-де у него один денежный человек. И желает, чтоб кузнец пыль из его ранца выколоти́л. Человек этот то ли рехнулся, то ли под хмельком ещё со вчерашнего, но перечить ему не стоит: платит он не скупясь.

Подошёл тут солдат и спрашивает:

— Сколько за работу возмёмшь?

— Далера два-три,— отвечает кузнец.

— Смотри, продешевишь,— говорит солдат.— За такую работу не меньше пяти далеров брать надо. Но уж чтоб выколочено было на совесть.

— А как же иначе? За такие-то деньги! Пылинки в твоём ранце не останутся,— обрадовался кузнец.— Только вот останется ли что от ранца под нашими молотами?

— Уж это не твоя забота! Молотите, сил не жалеите!

Два силача ранец на наковальню едва взвалили, а кузнец трёх подмастерьев приставил пыль из него выколачивать. То-то было веселье! Такой потехи в здешних краях не видывали.

Засучили рукава молодцы, поплевали на ладони — да как размахнутся, как ударят молотами по ранцу! Поднялся тут такой визг и вой, что у подмастерьев молоты из рук от страха попадали. Стоят, на ранец уставились, слова вымолвить не могут.

— Не бойтесь, — говорит солдат, — это кожа у ранца усохла, вот он и скрипит, будто кто воет. Скоро вою конец придёт.

Опять взялись подмастерья за работу. Бьют, молотят — пот с них ручьями льёт. Думали они поначалу, что от чёртова ранца ничего не останется. Как бы не так! Молотили они, молотили, а ранец всё такой же, как и был.

Солдат одно твердит:

— Сил не жалейте! Вы и половины дела не сделали! Пыли в ранце накопилось немало. Ведь по каким только дорогам я его не таскал, и на войне он со мной побывал.

С трёх смешливых подмастерьев семь потов сошло, обессилели они вконец и молоты из рук выпустили. Позвал кузнец трёх новых молодцов. Взялись они со свежими силами за работу — и давай ранец молотами гвоздить. А он по-прежнему целёхонек. «Видно, ранец этот тролль заколдовал», — подумали они. Глядят — ранец железом окован. Вот и надумали подмастерья железо молотом бить. И не такое им сгибать приходилось! Но и железо не поддаётся, хоть умри! Обессилели они и молоты выронили. А ранец лежит на наковальне всё такой же, как был.

— Хватит, пожалуй, — говорит солдат.

Заплатил он кузнецу пять далеров, ещё один дал в придачу и наказал силачам тащить ранец к реке.

Притащили молодцы ранец к реке, открыл его Ларс, глядь — а в нём чёрной трухи полным-полно, и несёт от той трухи серой. Это трёх чертей кузнечные молоты в труху истёрли. Высыпал солдат труху в реку, вздулись, почернели её воды. Понеслась чёрная река на сотни миль к Северному морю. Влились чёрные воды в синее море, и поплыла по морю грязная пена.

Минула неделя, очистились река и море, снова стали синими, прозрачными.

А что было с солдатом?

Воротился Ларс на постоянный двор вместе с хозяином и рассказал ему, что в страшной горнице за печкой котёл с золотом спрятан.

Отодвинули они печку от стенки, выломали кирпичи, а там, и вправду, пивной котёл стоит. И набит он до самого верха золотом.

Солдат, ясное дело, поделился с хозяином, отдал ему добрую половину. А хозяин на радостях, да ещё за то, что Ларс всю округу от страха избавил, подарил ему сад.

Построил солдат в том саду дом и зажил припеваючи. А как же иначе: был он человеком и добрым, и честным, и не робкого десятка. И ещё: жил он с людьми в мире и дружбе — без этого человеку счастья не бывает.

КТО ПЕРВЫЙ РАЗОЗЛИТСЯ

Жил в одном приходе бедняк хусман — так в Дании безземельных арендаторов называют. И было у него три сына: старшего звали Пер, среднего Палле, а младшего Эсбен, по прозвищу Простак. Слыл Эсбен недалёким, и никто его всерьёз не принимал.

Вот подросли сыновья — и настало им время в дорогу отправляться, счастья искать. Хозяйство у стариков невелико, рук приложить не к чему, а быть за далер у соседей на побегушках им уже не пристало — больно велики выросли.

— Ну и вымахали! — сказал им отец. — Вместо того чтобы дома без дела слоняться, ступайте-ка лучше да заработайте себе на хлеб.

Подался первым на чужую сторону старший сын Пер. Снарядили Пера в дорогу, дали ему холщовую рубаху, штаны сермяжные и хлеба ломоть. Простился он с родными и пошёл по белу свету странствовать.

Шёл он, шёл, видит — навстречу ему путник катит, упряжка у него богатая. Придержал лошадей и кричит Перу:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать.

— Не пойдёшь ли ко мне в работники? — спрашивает путник.

— А плату какую положишь? — осведомился Пер.

— Полгода отслужишь — четверик¹ серебра получишь, — отвечает проезжий.

— Плата хоть куда! — говорит Пер.

¹ Четверик — старая мера объёма сыпучих веществ, равная восьмой части четверти (26,239 л).

— Только, чур, уговор,— продолжает путник.— Подниматься до зари и всякую работу справлять, какую ни прикажу. У меня обычай таков. Люблю я, чтоб работники в моей усадьбе подолгу служили, но поначалу всех испытываю и только на полгода нанимаю. Запомни: как придёт весна, прилетит кукушка, так и уговору нашему конец. И ещё одно: сам я человек весёлый и кислые рожи терпеть не могу. Давай так: кто из нас первый разозлится, тот пускай на себя пеняет! Коли первый разозлюсь я — что ж, сколько ни прослужишь — получай плату за полгода сполна. А коли ты первый разозлишься, тут уж не взыщи. Нарежу у тебя ремней из спины и брюха, посыплю раны перцем да солью — и убирайся на все четыре стороны.

Чудной был уговор, и не сразу ударил Пер по рукам. Приздумался сначала. Да и страшен был тот человек. Рот — до ушей, а такого уродливого длинющего носа Пер в жизни не видывал. Зато свиные глазки проезжего до того были ласковы, до того умильны, что Пер подумал: «Он, видать, шутки шутит. А плата, и вправду, хоть куда. Эх, была, не была!»

— Ладно! — сказал Пер. — По рукам!

Так подрядился Пер на службу. Сел он к хозяину в повозку и оглянуться не успел — они уж и дома. Время было позднее, улёгся Пер и проспал всю ночь до зари в своей каморке.

В шесть часов утра запел петух. Вскочил Пер, оделся — и бегом на гумно, куда ещё с вечера наказал ему идти хозяин.

Стал Пер что есть силы молотить пшеницу, как было приказано. Молотит он час, молотит другой, а кругом словно всё вымерло. Никто не приходит и не зовёт его завтракать. Отшвырнул тогда Пер цеп и пошёл в горницу. Пришёл и видит: развалился на лавке хозяин, а завтрака на столе и в помине нет. Тут же в горнице и хозяйка — косоглазая, изо рта два огромных клыка торчат. «Ну и уродина! — подумал Пер. — Хуже хозяина!» И ещё вертится под ногами орава чумазых ребятишек: воют, визжат, царапаются. Видать, все уже позавтракали. Только для него ничего не припасли.

Хозяин ухмыляется:

— Никак, ты есть хочешь, Пер?

— Ясно, хочу! — говорит Пер. — Ужинать-то мне вчера не дали, да и нынче маковой росинки во рту не было. Попробуй-ка помолотить два часа не евши!

— А ты глянь, что над притолокой написано! — сказал горный тролль.

Нанялся-то Пер вовсе не к человеку, а к троллю! Только он того не знал.

Поднял голову Пер и видит: выведено над притолокой большими буквами: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!»

Лицо Пера вытянулось с досады.

— Никак, ты разозлился, Пер? — спрашивает хозяин.

Видит Пер — дело-то выходит нешуточное — и отвечает:

— Что ты, что ты, вовсе нет!

Побрёл он, как побитая собака, назад на гумно. По счастью, завалялся у него в кармане ломоть хлеба, что ещё дома припас. Пригодился он ему теперь.

«Денёк перебыюсь, — подумал Пер, — может, хозяин испытать меня хочет. А то с чего бы такие причуды! Написано ведь над притолокой: до завтра погоди!»

Молотил Пер без отдыха весь день до вечера, а потом, не поужинавши, спать отправился.

Назавтра петух в четыре часа запел.

«Вот и позавтракаю пораньше», — подумал Пер.

Вскочил, оделся — и бегом на гумно. Прибежал — и давай что есть силы молотить. Но то и дело, опуская цеп, прислушивался: не зовут ли завтракать? Только никто его не звал. Как подошло время к шести, отшвырнул Пер цеп и пошёл в горницу. А там точь-в-точь как вчера: завтрака и в помине нет, хозяин развалился на лавке за столом, и вид у него всё такой же сытый и довольный. Хозяйка возится с оравой злющих горластых ребятишек. Ну, видать, позавтракали они сытно!

Поглядел хозяин на работника и ухмыльнулся:

— Никак, ты есть хочешь, Пер?

— Ещё бы не хотеть! — в сердцах сказал Пер. — Вчера у меня маковой росинки во рту не было, а я день-деньской на гумне надрывался, и нынче два битых часа молотил. Будешь тут голодным как собака!

— А ты глянь, что нынче над притолокой написано! — говорит тролль.

Глянул Пер и видит: выведено там то же, что и вчера: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!»

— Вчера ты тоже «завтра» сулил! — закричал Пер. — Будет шутки шутить! Работника кормить надо!

— Никак, ты разозлился, Пер? — спрашивает хозяин-тролль.

— Ясное дело, разозлился, кровосос ты чёртов! — ругается Пер. — Нечего над людьми измываться, «завтраками» потчевать.

— Вон что?! А уговор знаешь?— вскочил с лавки тролль. Сноровка у тролля была, видать, изрядная! Схватил он нож, мигом стянул с Пера рубаху, нарезал ремней из спины и живота работника, умеючи присыпал перцем, присолил да и вышвырнул его за ворота.

Закричал, застонал Пер и домой поплёлся. Немало дней прошло, прежде чем воротился он к старикам родителям.

Долго хворал Пер, а дома ему ещё травили душу — все в один голос твердили: он-де во всём виноват сам, был строптив, а хозяин хотел лишь испытать нового работника. Службой за четверик серебра в год не гнушаются!

Собрался тогда в путь средний брат, Палле. Запасся он впрок всякой снедью и отправился той самой дорогой, что и Пер.

Повезло Палле: под вечер катит ему навстречу тот же хозяин. Придержал лошадей и кричит:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать!— отозвался Палле.

Стал тролль его к себе на службу звать. Принял Палле условия договора.. Ударили они по рукам и поехали домой к хозяину.

Прожил Палле у тролля целых три дня; всё это время он на хозяина работал; тот его не кормил, не поил, только «завтраками» потчевал. А как увидел Палле на четвёртый день над притолокой ту же надпись: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!»—лопнуло у него терпение, дал он себе волю и отругал тролля всласть.

Отделали его, как и Пера, нарезали ремней из спины и живота, присыпали раны перцем и присолили.

Долго брёл он до дому, и вид у него был — смотреть жалко!

Увидели старики хусманы сына — запричитали, стали разными снадобьями его раны врачевать; кляли на чём свет стоит злодея-хозяина, что так детей их изувечил.

Эсбен Простак меж тем по двору бродит и молчит, будто воды в рот набрал. А утром и вовсе пропал со двора. Сам-то он знал, куда ему надо: отправился Эсбен той самой дорогой, что его братья.

Под вечер и ему навстречу тролль катит. Придержал лошадей и кричит Эсбену:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать!— отозвался Эсбен.

— Не пойдёшь ли ко мне в работники?— спрашивает тролль.

— А плату какую положишь?— осведомился Эсбен.

— Четверик чистого серебра за полгода службы,— отвечает тролль.— Плата хоть куда! Только запомни: сам я человек весёлый и работников мне таких же подавай! Потому-то я наперёд и уговариваюсь: кто из нас первый разозлится, тот пускай на себя пеняет! Коли первый разозлюсь я, что ж, сколько ни прослужишь — получай плату за полгода сполна. А коли ты первый разозлишься, тут уж не взыщи. Нарежу у тебя ремней из спины и брюха, посыплю раны перцем да солью — и убирайся на все четыре стороны.

— Пожалуй, сойдёмся!— сказал Эсбен.

Ударили они по рукам, а тролль и говорит:

— Служить мне будешь до весны, а как кукушка прилетит, уговору нашему конец. А может, мы и после того по-новому сговоримся.

— Ладно!— соглашается Эсбен.

Сел он в повозку, и покатали они в троллеву усадьбу. Отвели Эсбена в ту самую каморку, где его братья жили, и проспал он там беспробудно всю ночь.

В шесть часов запел петух. Поднялся Эсбен и отправился на гумно рожь молотить, как было приказано. Молотит час, молотит другой, а кругом словно всё вымерло. Никто не приходит и завтракать его не зовёт. Отшвырнул тогда Эсбен цеп и пошёл в горницу. Пришёл и видит — всё троллево семейство в сборе: за столом тролль развалился, троллиха тут же сидит, на полу троллята дерутся и царапаются.

— День добрый!— здоровается Эсбен.— Завтракать не пора ли?

— Про то в уговоре не сказано,—говорит тролль.— Глянь-ка лучше, что над притолокой написано.

Хоть и невелик грамотей был Эсбен, а всё-таки прочитал по складам: «Нын-че е-ды не жди, до за-в-тра по-го-ди».

— У всякого дня своя забота! Мне б сегодня поесть!

— А ты рожь молотишь, вот и кормись рожью,— ухмыльнулся тролль.

Ни словечка не ответил ему Эсбен и опять отправился на гумно. Молотил он там что есть силы рожь, веял её, а в полдень насыпал мешок зерна и понёс на ближайший постоялый двор.

— Мы с моим хозяином уговорились: есть я у него дома не буду. Денег на прокорм он мне не даёт, зато разрешает рожью кормиться. Возьмёшь меня на хлеба, ежели я тебе мешок ржи дам?— спрашивает Эсбен хозяина постоялого двора.

— Отчего не взять! — отвечает тот.

Наелся Эсбен до отвала, набили ему котомку всякой снедью, флягу доверху пивом наполнили. Отправился он опять на гумно и давай молотить.

Первый день прошёл, за ним и другой, и третий. Хозяин Эсбена не кормит, не поит; над притолокой всё те же слова выведены: «Нынче еды не жди, до завтра погоди». А Эсбену хоть бы что — весел и доволен.

Тролль только диву даётся и Эсбена каждое утро спрашивает:

— Не злишься ли ты, Эсбен?

А Эсбен в ответ:

— Да нет, хозяин! С чего мне злиться? Мне ль у тебя не житьё?

Троллю и невдомёк, про что это он толкует.

На четвёртое утро входит Эсбен в горницу, а тролль ему, как и прежде, надпись над притолокой показывает: «Нынче еды не жди, до завтра погоди».

Эсбену хоть бы что — опять на работу собирается.

— Не хочешь ли поесть, Эсбен? — спрашивает хозяин.

— Да нет! Что нет — так нет! — отвечает Эсбен.

— Ты, стало быть, все три дня ничего и в рот не брал? — допытывается хозяин.

— Ну как же, — отвечает Эсбен. — Что хотел, то и ел. Я рождю кормился, как ты, хозяин, приказал. Нашёлся тут один добрый человек по соседству: он за мешок ржи в день чего только мне не давал: и пива, и еды всякой вдоволь.

— Да как ты посмел? — орёт в сердцах хозяин.

— Ты, никак, разозлился? А, хозяин? — спрашивает невозмутимо Эсбен.

— Нет! Нет... вовсе нет! — отвечает тролль. — Только лучше тебе другим делом заняться: поле вспахать надо. Бери-ка плуг и ступай за моей собакой. Пёс дорогу знает. Где он на землю уляжется, там и пахать начинай! Да гляди, не бросай работу, покуда пёс домой не побежит!

— Ладно, хозяин! — соглашается Эсбен.

Запряг он лошадей в плуг и поехал в поле. А пёс впереди бежит. Вот улёгся пёс на землю. Эсбен там и пахать начал. Пахал он поле, пахал, а пёс всё лежит, с места не двигается. Уж и полдень настал, соседи все по домам полдничать разошлись, а пёс — ни с места. «Видать, он до вечера так проваляется», — подумал Эсбен.

Подвело у Эсбена от голода живот. Схватил он палку и вытянул легонько пса по спине. Пёс взвизгнул и домой во всю прыть.

Перерезал Эсбен постромки, вскочил на лошадь и за псом следом, а другую лошадь на поводу держит.

Догнал пса у самой троллевой усадьбы, видит — пёс через плетень перемахнул. Кинулся Эсбен за ним, не сдержал лошадей, те на землю и рухнули. Одна даже ногу сломала.

Выбежал на шум тролль, глядит: у крыльца пёс хвостом машет и тут же Эсбен как ни в чём не бывало стоит.

— Как ты, хозяин, приказал, так я и сделал! — говорит Эсбен. — Пёс домой побежал, а я за ним! Ты не злишься, хозяин?

— Нет, не злюсь! — отвечает тролль. — Зайди-ка в дом и подкрепись.

Не знал хозяин, что и делать с таким работником: исполнял Эсбен все его наказы и бывал всегда весел и доволен. Стал тролль даже побаиваться Эсбена. И тут-то случилось неслыханное и невиданное в тех краях: накормил тролль работника обедом и ужином. А как встал Эсбен поутру и вошёл в горницу, видит: надписи над притолокой — «Нынче еды не жди, до завтра погоди» — как не бывало.

Позавтракал в тот день Эсбен в положенное время, захватил корзинку с едой, что дала ему хозяйка, и отправился на работу. Приказано ему было троллевых свиней пасты. Было тех свиней с полсотни, все отборные, жирные.

— Пускай пасутся, где хотят, — говорит тролль, — не беда, коли и в землю зароятся.

— Ладно, хозяин, — говорит Эсбен.

Только он от усадьбы отошёл, навстречу ему два мясника. Идут они как раз скот покупать. Приглянулись мясникам жирные свиньи, вот они и спрашивают:

— Свиней продаёшь?

— А то нет! — отвечает Эсбен. — Я их как раз продавать собрался. Забирайте всех, кроме старого борова. Он пастору пойдёт.

Сошлись мясники с Эсбеном в цене, отдали ему целую кучу далеров и погнали троллево стадо прочь. Остался у Эсбена один только старый боров. Видел Эсбен, что боров хворый, того и гляди, ноги протянет.

И верно. Как пришёл Эсбен с боровом на торфяное болото, боров тут же и окошел. Сунул работник борова мордой в болотную жижу; один хвостик торчать оставил, да и тот чуть у корня надрезал.

Взял Эсбен свою корзинку и пошел на троллев двор.

— Где сви́ньи? — спрашивает хозяин.

— В болото зарылись! — отвечает Эсбен. — И боров старый — тоже. У него — хоть хвостик торчит, я его чуть попридержал. А других уж и в помине нет.

Кинулся тролль с Эсбеном на торфяное болото. Ухватился он за свиной хвостик, потянул — и плюх в болотную жижу. Только хвостик в руках остался.

Вскочил тролль на ноги, стал по болоту бегать, свиней кликать. Да их и след простыл.

— Никак, ты разозлился, хозяин? — спрашивает Эсбен.

— Да нет, с чего мне злиться? — отвечает тролль, а сам от гнева трясётся.

Время идёт. Кормит тролль Эсбена досыта, работой не обременяет, боится с работником связываться. И живёт Эсбен — как сыр в масле катаётся.

Как-то раз позвали тролля с женой на свадьбу к другим троллям. А ехать надо было далеко. Вот поутру приказывает тролль Эсбену:

— Приготовь-ка выезд побогаче, да не забудь дёгтем смазать, где положено, и гляди, чтоб на совесть!

— Ладно! — говорит Эсбен.

Взял он бочку с дёгтем, обмазал весь возок, пошёл к троллю и докладывает:

— Смазано везде на совесть, а лучше всего там, где ты, ба-тюшка-хозяин, сидишь.

— Ты что, рехнулся?! — заорал тролль, да вовремя одумался и говорит: — Что это я! И в мыслях у меня не было на тебя злиться. Смазать-то только оси колёсные надо было! Вытри сиденье хорошенько.

— Вон что! — протянул Эсбен. — Так бы раньше и сказал!

Вытер он сиденье, залезли тролль с троллихой в возок, а Эсбен на козлы сел. По дороге хозяин работнику наказывает:

— Как отвезёшь нас и вернёшься назад, закидай колодец всем, что под руку попадётся. А не то, не ровен час, свалится туда кто-нибудь из троллят.

— Ладно, хозяин! — говорит Эсбен.

— Да гляди, будь с мелюзгой поласковей! — велит тролль. — Чтоб ей ни в чём отказу не было.

А мелюзгой он своё троллево отродье называл.

— Ладно, хозяин! — соглашается Эсбен.

— Да ещё: огонь к нашему приезду во дворе разведи, чтоб светло было, как днём, иначе, того и гляди, с дороги собьёмся.

— Ладно, хозяин! — обещает Эсбен.

Подъехали они к усадьбе, где шёл свадебный пир. Вылезли тролль с троллихой из возка, а Эсбен домой повернул. Хлопот у него в тот день было по горло.

Вспомнил он, что обещал троллю быть поласковее с мелюзгой, и наказал всей мелкоте в приходе, всем беднякам хусманам, явиться в полдень с мешками и верёвками в троллеву усадьбу.

В полдень пришли хусманы; отворил Эсбен двери овиннов, амбаров, хлевов да конюшен и говорит:

— Берите всё, что вздумается. Велел хозяин быть с вами поласковей и ни в чём чтоб вам отказу не было.

Подивились бедняки: добра от тролля-кровососа ещё никто в приходе не видывал. Но просить себя не заставили. Расхватали рожь и пшеницу, вывели коров, лошадей, овец и пошли по домам.

Настал черёд старый колодец засыпать. Бросил было Эсбен лопату-другую земли в колодец, но показалось ему мало. Пошёл он в дом и стал тащить всё, что под руку попадётся: и столы, и лавки, и перины, и поставцы, и укладки. Побросал он всё в колодец, засыпал сверху землёй, закидал камнями. Любо-дорого смотреть!

Под конец осталось только Эсбену на дворе огонь развести, чтоб было светло, как днём.

Поработал Эсбен на славу, а потом за хозяином отправился.

На свадебный пир съехалось гостей тьма-тьмущая! Были там тролли хвостатые и тролли без хвостов; те, что познатнее, носили целых два хвоста. Свадьбы ради выпустили они хвосты поверх праздничной одежды. А уж до чего важничали! Думали тролли, что хвосты им очень к лицу.

Гости и хозяева порядком захмелели и до того развеселились — пели и плясали, а самые молодые даже на головах ходили.

В такой толчее не сразу разглядел Эсбен хозяйша с хозяйкой. А как разглядел — стал им знаки подавать. Заметил тролль работника, вышел с женой во двор, уселись они в возок и домой покатали. Подъезжают к усадьбе и видят: край неба полыхает, будто солнце встаёт. А как поближе подъехали, поняли: к небу огонь вздымается, усадьба ярким пламенем пылает!

— Это ещё что?! — заорал тролль. — Никак, усадьба горит?!

— Ага!— отвечает Эсбен.— Ты же сам велел к твоему приезде на дворе огонь развести, да такой, чтоб было, как днём, светло. А иначе и в усадьбу в потёмках не въедешь, и горяченьким не обогреешься. Вот я и подпалил левый флигель. Ты ведь не злишься, а, хозяин?

— К дьяволу!— кричит тролль.— Езжай быстрее, сатана тебя возьми!

Подкатили они к усадьбе, а во дворе и в самом деле, как днём, светло, левый флигель уже догорает.

Дом и службы пока целы — погода безветренная, и огонь на них не перекинулся.

Вошёл тролль в дом да как заорёт:

— Что такое? Куда вся утварь подевалась? Кто столы и лавки убрал?

— А я их в колодец побросал,— говорит Эсбен.— Ты ведь велел закидать его тем, что под руку попадётся. Уж не злишься ли ты, хозяин?

— Не-ет... Нет! Не злюсь!— отвечает тролль.— Неужто ты не знаешь, что колодец песком, землёй и дёрном засыпают?

— Так бы раньше и сказал!— говорит Эсбен.

Вышел тролль во двор, глядит — двери во всех амбарах, овинах, хлевах, конюшнях открыты. Подбежал — всюду пусто: ни ржи, ни пшеницы, ни лошадей, ни коров, ни овец.

Схватился за голову тролль, слова вымолвить не может. А Эсбен тут как тут:

— Ты ведь сам наказывал быть с мелюзгой поласковой и чтобы ни в чём ей отказу не было. Вот я и роздал всё беднякам хусманам. Ты ведь не злишься, а, хозяин?

— Нет, не злюсь!— отвечает тролль.— Но уж очень ты прост. Недаром тебя Эсбен Простак прозывают. Теперь работник мне больше ни к чему. Нет у меня ни зерна, ни скотины; нечего молотить и сеять, некого пасти. Ступай домой хоть сейчас, вот тебе твоя плата!

— Э, нет!— говорит Эсбен.— Мне и тут хорошо! Да и пока не время службу бросать: весна ещё не пришла, кукушка ещё не прилетела. Ведь мы так с тобой уговаривались!

— Так-то так!— соглашается тролль.

Остался тролль с глазу на глаз с троллихой. Вот тут-то он взбеленился, тут-то дал себе волю:

— Ну и чёртов плут! Скоро он меня по миру пустит! Что делать? Связал меня по рукам и ногам проклятый уговор! Ни-

как упрямого работника отсюда не выжить. Может, убить его?!

— Сдаётся мне, знаю я средство извести Эсбена!— говорит троллиха.— Убить его всегда можно. Погоди до завтра! Может, всё-таки мы его вокруг пальца обведём. Как кукушка по весне прилетит, так и уговору вашему конец, верно? Весна ещё когда придёт! А ты поутру вымажь меня дёгтем, вываляй в перьях да и посади на большую яблоню. Стану я там куковать, а Эсбен подумает, что кукушка прилетела. Вот и уберётся восвояси.

— Ты у меня умница!— говорит тролль.— Будь по-твоему! На том и порешили.

Наутро сидят тролль с Эсбеном за столом, завтракают. Слышат вдруг из яблоневого сада: «Ку-ку! ку-ку! ку-ку!» — на всю усадьбу разносится.

— Слышишь? — спрашивает тролль.— Кукушка прилетела!

— Кукушка?— говорит Эсбен.— Не рано ли? Пойду-ка погляжу да спугну её.

Выскакивает он в яблоневый сад, хватает камень и прямо в лоб троллихе швыряет. Свалилась троллиха с дерева и шею себе сломала. Поделом ей! Не смогла она Эсбена сгубить.

— Поди-ка сюда, хозяин!— кричит Эсбен.— Ну и чудная же кукушка!

Примчался тролль, глядь — лежит троллиха под яблоней, не дышит. У тролля от злости искры из глаз посыпались. Стал он Эсбена проклинать.

— Ты ведь не разозлился, а, хозяин?— спрашивает Эсбен.

Не вытерпел тут тролль.

— Ах ты, головешка адова!— заорал он.— Ещё как разозлился! Просто ума решился! Вот-вот лошну! Ах ты проклятуший! Имение моё разорил, усадьбу чуть не спалил! А что с троллихой сделал?! У-у-у!

Поносил тролль работника на чём свет стоит.

— Вот как ты заговорил, вот как недоволен!— сказал Эсбен.— А вспомни-ка, как сам над людьми измывался, над братьями моими, Пером и Палле, да и надо мной тоже. Думал, бедняки за себя постоять не сумеют?

Как размахнётся тут Эсбен, как даст троллю!

У тролля и дух вон.

Воротился Эсбен домой к отцу с матерью и к братьям.

И никто больше с той поры троллей до конца дней своих в округе не выдывал.

ОТКУДА ПТИЦЫ-ПИГАЛИЦЫ ПОШЛИ

В давние времена стояла на полуострове Ютландия, в приходе Эллинг, старинная мельничья усадьба. Мельник с женой умерли, и досталась усадьба трём их дочерям: Сиссе, Миссе и Киссе. Жили сёстры на мельниковом дворе одни, а мельницу издолщику Кристиану внаймы сдавали.

Краше Сиссе и Миссе во всём приходе не было. А кто из них двоих краше был — Сиссе или Миссе, тут уж и вовсе не разобрать.

Спорят, бывало, парни, спорят. Один: «Сиссе краше», другой: «Миссе краше». И кончалось дело потасовкой. Наставят синяков друг другу, да толку всё равно мало. Каждый своё твердит.

Третья сестра, Киссе, была не очень-то пригожа. Зато работающая: хозяйство вела, и всё у неё в руках спорилось.

А у сестриц её только и дела, что наряжаться да на красу свою в зеркало любоваться.

Слава о мельниковых дочках за сто миль по округе Венсюс-сель шла. И столько к ним хороших и ладных парней сваталось, что кумушки со счёту сбились. Одним парням красота Сиссе и Миссе по душе пришлась. Другие, что поразумней, работающую Киссе себе присмотрели.

Только Сиссе и Миссе на простых парней даже не смотрели. Приискивали они себе женихов побогаче да познатнее. А Киссе — так та вовсе боялась замуж идти.

И вот затеял однажды сватовство издолщик Кристиан.

Был Кристиан хозяин добрый и мельник толковый. Добывал свой хлеб честно. И все в округе знали: крестьян он не обирает, за помол не дерёт и муки не ворует. Таких мельников мало в ту пору было.

Держал мельницу Кристиан три года, наживал добро себе и сёстрам, а потом вдруг надумал: «Не лучше ли все деньги в один карман класть? И Миссе мне по душам пришлась. Пойду-ка я посватаюсь».

Пришёл он на мельников двор и говорит:

— Надумал я, Миссе, на тебе жениться!

Миссе ему в ответ:

— Ты что, рехнулся? Ступай откуда пришёл, знай своё место да поищи себе жену-ровню!

Кристиану будто в лицо плюнули. Обозлился мельник, глаза кровью налились, но ни слова не сказал он и вышел.

А в саду Сиссе стоит.

Подумал Кристиан: «Негоже мне без невесты домой возвращаться».

И посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

— Неужто я за такого, как ты, замуж пойду?

Ещё больше обозлился Кристиан и не солоно хлебавши пошёл к себе домой.

Вдруг видит — у дверей пивоварни Киссе стоит.

Он и подумал: «Красота сотрётся, а сноровка остаётся. От работающей жены в хозяйстве проку больше».

Взял и посватался к Киссе.

— Спасибо на добром слове! — сказала Киссе и отёрла руки о передник. — Рада бы я за тебя пойти, да не могу! Боюсь я!

— Чего ж ты боишься? — спрашивает её арендатор.

—хлопот с мужем не оберёшься, — отвечает Киссе. — Оби-хаживай его, ублажай, ходи за ним да деток расти. А то ещё по-вадится в харчевню; воротится домой хмельной, того и гляди, поколотит. Нет уж, лучше я в девицах останусь. А то как бы хуже не было.

Так и ушёл Кристиан ни с чем. Ходит дома туча тучей, гля-дит волком. А всё-таки видит, что без хозяйки ему никак не обойтись.

Отправился Кристиан на другой двор, и отыскалась там де-вица, что согласилась пойти за него. И была она ему потом доброй женой.

Вскоре пришёл свататься на мельников двор пасторский сын Кристоффер. Был он человек учёный и мыслями всё в облаках витал, да только рассудил, что не грех и о земном подумать. А с доброй-то красавицей женой и наука веселее пойдёт! К тому же у сестёр из мельничьей усадьбы денег, говорят, куры не клюют. Так что покуда можно будет и у них на хлебах посидеть.

Посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

— Да ты в своём уме? Неужто, по-твоему, я за длинно-ря-сого замуж пойду? Ты на своих отца с матерью погляди! Отец твой раздобыл что боров. А матушка как щепка тощая! За день и не присядет. То пиво пастору в кружку подливай, то пелёнки малым ребятам меняй! Так вот и мается! А чем бы вы все корми-лись, кабы люди добрые вам гостинцев не подносили? Нет уж, поищи себе жену ровню!

Вышел Кристоффер из горницы, а у дверей Миссе стоит.

— Может, ты со мной обручишься? — спрашивает Кристоффер.

— Нет уж, подожду, когда станешь епископом. Епископшей быть да жить в Ольборге, где все епископы живут, куда ни шло! Только торопись, покуда молод. За старика я ни за что не пойду!

Проглотил обиду Кристоффер и пошёл было домой, но по-встречалась ему у дверей пивоварни Киссе.

Посватался к ней Кристоффер, а Киссе ему от ворот поворот, как и Кристиану. С тем он и ушёл.

Третий жених был купец Сёрен с Фладстранна. Слыл Сёрен купцом обходительным. Покупателям в пояс кланялся, оттого у него и спина согнулась. А покупателям-то невдомёк, что он их обвешивает и обходительностью плутни прикрывает. Нажил Сёрен обманом большое имение.

Прикатил он на мельников двор в карете, расфранчённый; карманы битком далерами набиты. Повстречалась ему первой Киссе — чистила она чугуны.

— Ты, верно, служанка, а не хозяйская дочка? — спрашивает купец.

— Не-ет, хозяйская, — отвечает Киссе. — Только нас, дочек, трое, и коли тебе красавицы нужны, так они в горнице сидят.

Пошёл он в горницу, а там, и вправду, Сиссе с Миссе рядышком сидят. Надумали они женихам смотрины устраивать и спрово-живать тех, кто не по душе придётся, вместе.

Поглядел Сёрен на одну сестру, поглядел на другую, потом отвесил Сиссе поклон и просит:

— Выходи за меня замуж!

Миссе за неё отвечает:

— Ты что, рехнулся? Только и в мыслях у нас, что в твоей поганой лавчонке сыром торговать! Ещё что выдумал! Явится какая-нибудь с двумя скиллингами в кармане, а мы перед ней шеем гни! Как бы не так! У нас своего добра хватает!

Стал тут купец кланяться, прощения просить. Пятился он к выходу, пятился да и налетел прямо на Киссе. А та с ведром в руках шла в сенях пол мыть. Пришло тут Сёрену на ум, что проку от Киссе в хозяйстве больше, а доля её в наследстве не меньше сестринных; может, и жена из неё ещё лучше выйдет. Он и посватался.

Отёрла Киссе руки о тряпку и говорит:

— Рада бы я за тебя пойти, да боюсь. Нынче-то ты сладко поёшь, а вот как запоёшь, когда домой хмельной явишься да станешь сапогами в меня швырять!

И отъехал кунец ни с чем.

Разнеслась тут молва, что в приходе Эллинг невестятся сестры, до того привередливые и спесивые, что ни один жених им не по праву.

Прослышал про то граф из замка Дронниглюнн. Был он человек неженатый, вот и решил поглядеть на девиц, что уж столько женихов сировадили.

Разрядился граф в пух и прах и явился со свитой на мельников двор. Провели его в залу, где Сиссе с Миссе сидели. И увидел тут граф, что люди правду говорят: краше девиц ему встречать не доводилось. А уж он-то немало поездил по белу свету!

«М-да,— подумал граф,— одна лучше другой! К которой бы посвататься? Э, да не всё ль равно? Посватаюсь к обеим. Кто согласие даст, ту и в жёны возьму!»

Пустил он тут всю свою графскую обходительность в ход. Махнул ручкой, шаркнул ножкой. Глядит на сестёр, не наглядится, глаз отвести не может, чуть не окосел.

Как выговорился граф, переглянулись сёстры, улыгнулись, а Миссе и говорит:

— Господи граф, поди, думают, что честь это для нас великая! Но в Дании графов — хоть пруд пруди; ещё и познатнее вас найдутся! Но не тужите! Отыщется небось и для вас какая ни на есть завалающая дворяночка, что метит, бедняжка, в графини. Поговорите с ней!

Выбежал граф из залы как ошпаренный, вскочил на коня и прочь со двора. Сметал он всё на своём пути, опрокинул и ведро, что Киссе как раз с водой из колодца вытащила.

— Так это ты третья сестра, что не желает замуж идти? — спрашивает граф.

— Хочу, да боюсь! — отвечает Киссе.

— Ах, чтоб тебя! Не пристало мне домой без невесты возвращаться. Лицом-то ты не больно пригожа, ну да не с лица воду пить! А моей красы на двоих хватит. Скинь свои деревенские башмаки и иди сюда! Лошадь нас обоих выдержит.

Думала Киссе, думала, а потом сказала:

— Боюсь я! Графы-то, верно, из того же теста, что и другие. Сватать идёт — речи что мёд, а женится — переменится. Да и не житьё простой девушке среди знатных.

Взбеленился граф и отъехал со своей свитой, злющий-презлющий.

А вскоре явился на мельницу герцог, верный слуга короля. Прослышал он, как сватался граф из Дронниглюнн и как выставили его с позором со двора. Захотелось тут герцогу этому бесталанному графчику нос утереть.

Разрядился герцог в пух и прах, взял с собой преогромную свиту.

Миссе аж глазами заморгала при виде герцога и забормотала:

— Его-то уж можно бы взять в мужья!

— Помолчи! — прикрикнула на неё Сиссе. — Не пристало мне выходить за кого попало, а неужто ты хуже меня?

Пошёл в залу герцог и тоже увидел, что люди правду говорят: красота девиц была его герцогскому званию под стать.

Заговорил тут герцог как по-писаному. Посватался он и стал ответа ждать.

В этот раз повела речь Сиссе.

— Честь велика, да не очень, — молвила она, — и своя честь у всякого есть. Не подобает мне выходить за слугу, хоть и королевского. Сестрица моя думает так же.

Ущипнула она Миссе за руку, а Миссе вздохнула и смолчала. На сей раз была она не прочь замуж выйти, но Сиссе в доме верховодила, и Миссе ей перечить не посмела.

Вскочил герцог на коня — и прочь со двора, только искры из-под копыт посыпались. Но вдруг углядел он Киссе, что пошла скотину, и мигом осадил коня.

«Вот и третья сестрица! — сказал он про себя. — Не посвататься ли к ней? Бесталанному графчику она отказала, так что согласие её нынче в цене. Да и девица, видать, самостоятельная! А не приживётся при королевском дворе, будет дома сидеть, деток растить».

Выпрямился герцог в седле и крикнул:

— Эй, девица! Садись на коня! Заживём мы с тобой на славу! Детки у нас пойдут!

— Боюсь я! — сказала Киссе, а сама чуть не плачет.

— Ну, тогда шут с тобой! Мне жены-трусихи не надо! — ответил герцог и поскакал домой ни с чем.

Случилось так, что в Венсусселе и в Химмерланне, в Тю и на острове Морс все люди до единого узнали, как три сестрицы графа с герцогом сировадили. И потому-то боялись теперь женихи к

сёстрам заглядывать. Долгие годы никто на мельников двор в приходе Эллинг и глаз не казал.

Киссе тому не нарадуется — только бы не докучали ей сватовством. Хлопотала она по хозяйству и была добра ко всем, так что окрестные женщины хвалят её, бывало, не нахвалятся.

А в парадной горнице тихо было — слышно, как муха пролетит. Там Сиссе с Миссе сидели, женихов поджидали, неделя за неделей, год за годом. Молодости и красоты у них не прибавлялось. Засиделись они, и в народе стали поговаривать: «Девушки невестятся, а бабушке ровесницы».

Миссе было пожалела:

— Зря не пошли за графа или за герцога.

Но Сиссе молвила спесиво:

— Коли я могу ждать, можешь и ты. Найдётся же наконец какой-нибудь жених. За первого пойду я, а потом отыщу мужа и тебе.

Явился наконец сам датский король. Потому что молва о разборчивых невестах с мельникова двора в Эллинге и до него дошла. Правда, прослышал он про них уж тому лет десять назад, когда жива была ещё королева. И король не приезжал, чтоб жене обиды не причинить. Но все те десять лет у короля только и думы было, что о красавицах, которые и графа и герцога с носом оставили.

Но вот умерла королева. А как схоронили её честь по чести, приказал король переправить его на корабле через Большой и Малый Бельт. Оттуда покати́л он в карете прямо в Ольборг, а потом снова переправился на корабле в Сьюнибю. Так что езда заняла немало времени.

Под конец прибыл король в Книвхольт и посылает гонца в Эллинг с наказом: приехал-де король, желает переговорить с высокочтимыми девицами и ждёт их к себе.

Гонец привёз ответ:

«Ежели король желает с нами переговорить, пусть сам и явится».

— Ах, чтоб вас!.. — в сердцах ругнул девиц король.

Стал он думать, как дальше быть, а потом махнул рукой: «Не поворачивать же назад ни с чем, коли так далеко забрался».

Велел он заложить золотую карету и покати́л в Эллинг.

Едет король, а народ за ним валом валит. Ведь по всей округе молва разнеслась: «Сам датский король приехал мельниковых дочек сватать!»

Вошёл король в залу, где Сиссе и Миссе сидели. Как увидели сестрицы короля с золотой короной на голове и в горностаевой мантии, поднялись они разом и низко поклонились.

Уселся король в кресло, снял золотую корону и на пол её рядом с креслом поставил. Обмахнул король лоб шёлковым платочком, протёр очки. Был он уже в летах, да и не в первый раз сватался, так что хотелось ему невест получше разглядеть.

Вдруг король ухмыльнулся:

— Это ж два перестарка! Ну и пигалицы облезлые! Ах, чтоб их!.. Ну да ничего! Стоило поехать за тридевять земель, чтоб своими глазами увидеть, как граф с герцогом обманулись.

Ухмыльнулся король снова, поднялся, надел корону и к двери пошёл. А на сестёр и не глядит.

На дворе Киссе стояла. Поклонилась она королю низко и пробормотала:

— Сдаётся мне, я уже не боюсь!

— Ты не боишься, зато я боюсь! — молвил король. — И скажу тебе, голубушка, довелось мне биться и со шведами, и с вендами, и с англичанами; их я не боялся, а тебя — боюсь!

Прыснула тут со смеху вся свита, и король вместе с ней, и укатили все со двора. Только их невесты и видели.

Люди, что сбежались в усадьбу, тоже услышали королевские слова — и ну хохотать. Молва про королевские речи стала переходить из уст в уста. И уже смеялся народ во всём Венсюсселе и ещё дальше, в Ольборге, на острове Морс и в Тю, в Виборге и в Рибе. Прокатился хохот через Малый Бельт, и захохотали в Оденсе, на острове Фюн. Большой Бельт — тоже не помеха, и вот уже заливается остров Зеландия. Дошло до того, что хохотали люди по всей Дании. Задребезжали от смеха оконные стёкла мельничьей усадьбы в Эллинге, услышали смех сёстры, надулись от обиды; дулись, дулись — и лопнули.

Ей-ей, не вру! Вмиг как не бывало! И с той самой поры никто их больше не видел. Но в народе говорят, что сёстры не вовсе пропали: от них болотные птицы — чибисы, которых пигалицами кличут, пошли. Не велики те пигалицы, с голубя величиной; красы в них, что в цапле облезлой. А кричат жалостливо-прежалостливо.

Бывает, бредёшь мимо ютландских болот да трясин и слышишь — кто-то жалостно так кричит:

«То-го не хо-чу! Э-то-го не хо-чу!»

И всегда которая-нибудь из пигалиц отвечает:

«А я бо-ю-сь! А я бо-ю-сь!»

ДОЧЬ КОЛДУНА

Жил на свете бедный сирота, мальчик по имени Андерс. Негде было ему голову преклонить, нечего есть, некуда руки положить; надумал он отправиться по белу свету, какое ни на есть дело себе приискать.

Вот бредёт Андерс бором дремучим, навстречу ему — знакомый человек. Спрашивает он Андерса:

— Малый, а малый, куда идёшь?

— Да вот, — отвечает Андерс, — брожу по белу свету; нищу, не подвернётся ли служба какая.

— Ступай ко мне в работники, — говорит человек, — мне такой мальчишка, как ты, позарез нужен. Плату тебе положу хорошую: за первый год службы — мешок далеров, за другой год — два мешка, а за третий — целых три. Потому как служить придётся ровно три года. Гляди только слушайся меня во всём, даже если что чудным покажется. Бояться тебе нечего. Никакой беды с тобой не случится, покуда из воли моей не выйдешь.

На том дело и сладилось. Нанялся Андерс на службу и пошёл за хозяином к нему домой.

Диковинное то жильё скрыто было близ озера, в горе посреди дремучего бора. Кругом ни живой души, тишь да безлюдье.

Люди и звери, птицы и рыбы в те края поса не казали. Хочешь знать почему? Хозяин Андерса был страшный колдун, и властвовал он над всей округой.

Сколько за ним тёмных дел водилось — не счесть. Человек ли, зверь ли — колдуну всё одно было, никого он не щадил. Сказывают, родную дочку не пожалел, спрятал от людей на дне морском. Злодействовал колдун нещадно: кого до смерти губил, кого долгами душил, кого в плен брал.

В подземных его зверинцах каких только зверей, птиц и рыб не томилось! Кормил их колдун в три года раз, а уж измывался над ними вволю.

Поначалу приставил колдун Андерса лесных зверей кормить.

Подивился мальчик, какие они все — волки и медведи, олени и зайцы — тощие да понурые. Накормил он их досыта. Хотя и много было зверей (диковинные зверинцы на целую милю под землёй растянулись), Андерс в один день с работой управился.

Похвалил его колдун:

— Молодец!

А на другой день говорит мальчику:

— Нынче не надо зверей кормить. Корм им не всякий день, а раз в три года перепадает. Поди поиграй в лесу; как нужен будешь, покличу тебя.

И стал вдруг колдун непонятные слова бормотать:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — виис!
Зайцем, малый, обернись.

Обернулся Андерс зайцем и скок-поскок в лес.

И пошла в лесу потеха: охотники стреляют, собаки лают! Ведь в лесу, кроме как на зайца, и охотиться было не на кого, никакого зверя больше не осталось: колдун кого сгубил, кого в подземные зверинцы загнал.

Обрадовались охотники, что хоть заяц в лесу объявился, да все разом за ним и пропустили. Сгодились зайцу быстрые ноги! Пришлось ему и от охотников, и от собак побегать. Беспокойная пошла у зайца жизнь!

Но как ни гонялись за ним собаки, как ни стреляли в него охотники — всё попусту. Оставался заяц цел-невредим и убегал от охотников всё дальше в лес. Понял наконец заяц: псам за ним не угнаться, охотникам его не подстрелить. Успокоился. По душе ему даже пришлось собак да охотников дразнить.

Бегал Андерс, прыгал зайцем целый год, а как настало время, кликнул колдун его домой. И опять пробормотал колдун непонятные слова:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — виис!
Человеком обернись!

Обернулся заяц человеком.

— Ну как, доволен службой? — спрашивает колдун. — По душе тебе зайцем бегать?

— Да, служба хороша, — отвечает мальчик. — Прежде я так резво не бегал.

Показал колдун Андерсу мешок далеров, что мальчик заработал, и согласился тот служить ещё год.

Приставил теперь колдун Андерса лесных птиц кормить.

Каких только птиц у него в неволе не томилось: и орлы, и ласточки, и кукушки, и вороны. И тоже все были облезлые да понурые. Приворожил их колдун и согнал в клетки. Растянулись те клетки на целую милю под землёй.

Накормил Андерс и птиц досыта.

Управился он и с этой работой за один день. Похвалил его колдун:

— Молодец!

А на другой день говорит мальчику:

— Нынче не надо птиц кормить. Корм им не всякий день, а раз в три года перепадает. Поди поиграй в лесу; как нужен будешь, покличу тебя.

И стал вдруг колдун непонятные слова бормотать:

Сиур-ре! Сиур-ре! Сиур-ре — вице!
Вороном, малый, обернись.

Обернулся Андерс вороном, взмыл ввысь. «До чего хорошо! — подумал он. — Летать вороном куда привольней, чем бегать зайцем; и собакам до меня не добраться. То-то потеха на них сверху глядеть!»

Но покоя ему и в небе не было. Снова поднялась в лесу суматоха: охотники стреляют, собаки лают! Ведь в лесу, кроме как на ворона, и охотиться было не на кого, никаких птиц больше не осталось: колдун кого сгубил, кого в подземные клетки загнал. Потому-то и палили по ворону охотники.

Испугался было ворон: того и гляди, подстрелят. Но скоро заметил, что пуля его не берёт. И стал себе летать без опаски.

Летал он, парил вороном целый год, а как настало время, кликнул его колдун домой. И опять пробормотал колдун непонятные слова:

Сиур-ре! Сиур-ре! Сиур-ре — вице!
Человеком обернись!

Обернулся ворон человеком.

— Ну как, доволен службой? — спрашивает колдун. — По душе тебе вороном летать?

— Да, служба хороша! — отвечает мальчик. — Не доводилось мне прежде в поднебесье летать.

Показал колдун Андерсу два мешка далеров, что он в тот год заработал. Стояли они рядом с тем, прошлогодним. И согласился мальчик служить ещё год.

Приставил теперь колдун Андерса рыб кормить.

Каких только рыб у него в неволе не томилось: и акулы, и лососи, и сельдь, и треска! И тоже все костлявые да понурые. Приворожил их колдун и собрал в свои пруды и садки. Растянулись те пруды и садки на целую милю под землёй.

Накормил мальчик и рыб досыта.

Управился он и с новой работой за один день, а утром следующего дня опять пробормотал колдун непонятные слова:

Сиур-ре! Сиур-ре! Сиур-ре — вице!
Рыбкой, малый, обернись!

Обернулся Андерс рыбкой — и плюх в речку! Плещется в воде мальчик, весело ему: то на дно нырнёт, то наверх всплывёт.

Плыл он, плыл, всё дальше и дальше. А потом вынесла его речка прямо в море.

Видит Андерс — на дне морском хрустальный замок стоит.

Заглянул в окошко, заглянул в другое: горницы и залы будто зеркало блестят. Убранство в замке богатое. Столы, лавки, поставцы из китовой кости сделаны, золотом оправлены да жемчугом выложены. Полы мягкими коврами устланы, а на коврах пуховые подушки раскиданы. Яркие — будто радуга! То тут, то там диковинные деревья с затейливыми цветами растут. Из улиткиного домика фонтан бьёт, струйки водяные вниз падают, о прозрачные раковины ударяются. И всюду звучит дивная музыка!

Но краше всего была в том замке сама молодая хозяйка! Бродит она по хрустальным палатам грустная-прегрустная. Не радуют её, видно, диковины вокруг: в хрустальные стены, что как зеркало блестят, даже не поглядится, красой своей не полюбуется.

«Красавицы такой на всём белом свете не сыскать», — подумал Андерс.

Плавает он вокруг замка, в окошки заглядывает, а самого тоска одолевает:

«Превратиться бы мне из жалкой немой рыбёшки снова в человека! Вспомнить бы те слова, что говорит колдун, когда ворожит!»

Плавал Андерс, нырял, думал да вспоминал, покуда его не осенило:

Сиур-ре! Сиур-ре! Сиур-ре — вице!
Человеком обернись!

Едва произнёс он эти слова, как снова человеком обернулся, стоит на морском дне.

Спешит Андерс тут в хрустальный замок, подходит к молодой красавице и заговаривает с нею. Испугалась она до смерти! А как услышала его ласковые речи, как узнала, почему очутился

он здесь, так и отлегло у красавицы Хельги от сердца. И рада она радёшенька, что больше не одна на дне морском, что с ней вместе пригожий молодец. Андерс-то и оглянуться не успел, как взрослым парнем стал.

Бегут, летят дни в радости да в веселье. И совсем было запомнил Андерс, что скоро надобно ему к колдуну воротиться.

Напомнила ему об этом однажды красавица Хельга:

— Скоро кликнет тебя колдун обратно домой; хочешь не хочешь, а придётся возвращаться: ты в его воле. Только прежде надо тебе снова рыбье обличье принять, а не то живым на сушу не выберешься. Настала пора — должна я тебе открыться. Я — дочка того самого колдуна, которому ты служишь. Хотя и отец он мне, но, честно скажу, злодей беспощадный! Скольких людей сгубил — одна я знаю. И заточил он меня в хрустальный замок, чтоб некому было за людей, за зверей, птиц и рыб заступаться.

Подивился Андерс, что у злого колдуна такая дочка, добрая да красивая. А она и говорит:

— Знаю я средство, как от колдуна избавиться, всех из неволи выволить. Слушай меня и запоминай хорошенько всё, что я скажу тебе. Короли всех окрестных земель задолжали колдуну. О простом люде и говорить нечего, он и вовсе из кабалы у колдуна не выходит. Нынче настала пора королю одного ближнего королевства свой долг колдуну платить. Не уплатит в срок — жизни лишится. А платить ему нечем, точно знаю.

Ты сделай вот что: откажись от службы. Три года ты отслужил и волен теперь от колдуна уйти. Забирай шесть мешков далеров, что за эти годы заработал, ступай в то самое королевство и наймись на службу к тамошнему королю. А как заметишь, что король затужил, значит, настал ему срок долг колдуну платить. Тогда и скажи королю: знаю, мол, какое горе тебя гложет, могу, дескать, выручить, дать денег в долг. А королю и нужно ровнёхонько шесть мешков далеров. Но дашь ты деньги королю взаймы с уговором: как пойдёт он к колдуну, пусть возьмёт тебя с собой, выдаст за шута королевского и позволит тебе впереди себя бежать. А у колдуна будешь вытворять всё что вздумается: проказничать, стёкла бить. Разгневается тогда батюшка мой, колдун, и призовёт короля к ответу за твои шутовские проделки. Придётся королю, хоть и заплатит он свой долг, либо три загадки отгадать, либо жизни лишиться.

Сперва спросит у него мой батюшка-колдун:

— Где моя дочка?

А ты стой рядом с королём и отвечай:

— На дне морском!

Тогда он спросит:

— А признаешь ты мою дочку?

— Как не признать!— ответишь ты.

Пройдут мимо тебя девушки гурьбой — всё на одно лицо, волос в волос, голос в голос. Самому тебе меня нипочём среди них не признать. Тогда я подам тебе знак, как стану мимо проходить. Ты хватай меня тогда за руку и держи крепко, не выпускай. Вот и отгадаешь первую загадку колдуна.

А потом спросит колдун:

— Где моё сердце?

Выходи вперёд и отвечай:

— В рыбьем брюхе!

— А признаешь ты ту рыбу?

— Как не признать!— ответишь ты.

Проплывёт тут мимо тебя стая рыб — все одна в одну. Самому тебе нипочём ту, что надо, не признать. Но я уж буду держаться поблизости и толкну тебя, когда та рыба мимо поплывёт. Хватай сразу рыбу да вспори ей брюхо ножом. Тут колдуну и конец! А мы с тобой никогда больше не расстанемся.

Выслушал Андерс советы Хельги и обещал ей всё исполнить в точности. А как пришло время ему назад плыть, стал он вспоминать те слова, что говаривал, бывало, колдун, когда ворожил. Хельга тех слов не знала, а Андерс их, видно, начисто позабыл.

Бродил он день-деньской, думал-думал — никак вспомнить не может! И ночью ему не спалось, всё думал да вспоминал; чуть забылся Андерс на рассвете, его и осенило:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випе!

Рыбкой, малый, обернись!

Едва произнёс Андерс слова — обернулся рыбкой и — плюх в воду! Кликнул тут колдун Андерса, переплыл тот одним махом море и речку и вот уж у берега ныряет.

А на берегу колдун стоит и свои непонятные слова бормочет:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випе!

Человеком обернись!

Обернулась рыбка человеком.

— Ну как, доволен службой?— спрашивает колдун.— По душе тебе рыбкой плавать?

— Ещё бы не доволен,— отвечает Андерс.— Лучше службы на всём свете не сыщешь!

И сказать по правде — душой он не покривил. Полюбилась ему красавица Хельга, по сердцу пришлась жизнь на дне морском.

Показал колдун Андерсу три мешка далеров, что он в тот год заработал. Стояли те мешки рядом с тремя прежними, и было теперь у парня всего шесть мешков золота.

— Может, послужишь ещё год?— спрашивает колдун.— Заработаешь ещё шесть мешков далеров в придачу. Всего будет у тебя двенадцать. Такое богатство на дороге не валяется!

— Нет!— отвечает Андерс.— С меня и этих денег хватит. Хочу по другим землям побродить, у других людей послужить, их обычаи поглядеть, ума-разума набраться. Может, когда-то вернусь к тебе назад.

— Приходи, коли вздумаешь!— говорит колдун.— Ты верно служил мне три года, как уговорились. А удержать тебя — не в моей воле!

Взял парень свои шесть мешков далеров и пустился в дорогу, в то самое ближнее королевство, о котором толковала его невеста Хельга.

Зарыл он золото в надёжном месте, неподалёку от королевского двора, пошёл к королю и попросился на службу. Наняли его конюхом, королевских лошадей холить да чистить.

Вскоре приметил Андерс: затужил-загоревал король. Гложет король горе, гневается он на всех и про веселье забыл.

Приходит однажды король в конюшню, конюх ему и говорит: — Дозвольте, ваше величество, спросить, отчего печалитесь? Почему гневаетесь и про веселье забыли?

— Что проку толковать попусту,— отвечает король,— всё равно ты от меня беду не отведёшь.

— Как знать!— говорит конюх.— Может, мне и ведомо, какое горе сердце ваше королевское гложет. Может статься, помогу я вам.

Обрадовался король несказанно и стал конюха расспрашивать: что ему делать да как быть.

— Дам я вам, ваше величество, шесть мешков далеров долг ваш колдуну уплатить, да только с уговором: возьмите меня с собой, как пойдёте долг платить. А я выряжусь посмешнее, прикинусь королевским шутом и впереди побегу. Набедокурю я там, напроказничаю. Только вы, ваше величество, не опасайтесь. Беды от того не случится.

— Быть по-твоему! — весело сказал король. — А теперь самое время в путь.

Пришли они к горе в лесу, а там прежнего жилья колдуна как не бывало. Зато вырос на взгорье хрустальный замок, которого Андерс раньше и не видывал.

Но знал он про хитрости колдуна и вовсе не удивился бы, исчезни неожиданно хрустальный замок, как неожиданно он и появился по велению колдуна.

Подошли они к замку поближе.

Прикинулся Андерс королевским шутом и ну проказничать, ну разные скоморошьи коленца выкидывать: задом наперёд ходит, на голове стоит. А потом вдруг хрустальные двери да окна бить начал и всё, что под руку попадётся, ломать. Беда да и только!

Колдун чуть не задохнулся от злости. Выскочил из замка зверь зверем и давай короля на чём свет стоит поносить:

— Зачем, такой-сякой, мерзкого шута с собой привёл? Голодранец ты этакий, век тебе свои убытки не возместить. И со старым-то долгом ещё никак не расквитаешься!

А шут ему в ответ:

— Это мы мигом!

И подносит тут король колдуну шесть мешков далеров, что ему конюх дал. Взял колдун мерку, деньги измерил — всё точно сошлось.

Разделался король со старым долгом, получил от колдуна долговую расписку. Только теперь за королём новый долг числится — за убытки, которые шут колдуну нанёс. А платить королю нечем.

Говорит тогда колдун королю:

— Загадаю я тебе три загадки. Отгадаешь — твоё счастье: прощу тебе долг. Не отгадаешь — ответишь головой.

Делать нечего — пришлось королю согласиться.

— Вот тебе первая моя загадка, — говорит колдун. — Где моя дочка?

А шут вместо короля отвечает:

— На дне морском!

— Откуда ты знаешь? — спрашивает колдун.

— Её видела там серебристая рыбка, — отвечает шут.

— А признаешь ты мою дочку? — спрашивает колдун.

— Как не признать! Веди её сюда! — говорит шут.

Махнул колдун рукой, и явились, откуда ни возьмись, девушки, все на одно лицо и все с Хельгой схожи. Но были то не живые

люди, а призраки. Под конец и Хельга показалась. А как проходила она мимо шута, ущипнула его тихонько. Чуть не вскрикнул Андерс, да вовремя опомнился. Как схватит он её за руку! И чувствует, что не призрак то, а живая Хельга.

Пришлось колдуну признать, что первую его загадку отгадали.

— А вот вторая моя загадка! — говорит колдун. — Где моё сердце?

— В рыбьем брюхе! — отвечает шут.

— А признаешь ты ту рыбу? — спрашивает колдун.

— Как не признать! Кликни её сюда! — говорит шут.

Махнул тут колдун рукой, и поплыла мимо стая рыб — все одна в одну. Но как только показалась нужная рыбка, толкнула Хельга шута тихонько. Схватил он рыбку, вспорол ей брюхо ножом и вытащил сердце колдуна.

Упал тут колдун замертво и превратился в груды камней. Утратили в тот же миг силу все его колдовские чары. Вырвались из подземелий на волю звери, птицы и рыбы и рассеялись по лесам, в поднебесье, в реках, морях и озёрах.

А бедный сирота Андерс с красавицей Хельгой вошли в хрустальный замок и свадьбу сыграли. Кого только на той свадьбе не было! Все пришли, кого Андерс от кабалы и неволи избавил.

Избрали люди Андерса своим королём, и правил он мудро и справедливо. И коли Андерс с красавицей Хельгой до сих пор не умерли, так и теперь живут в любви да радости.

ВОЛШЕБНОЕ ДЕРЕВО

Жил на острове Зеландия один человек, и было у него три сына. Жил он ни бедно, ни богато, а потом настал ему час с миром проститься. Призывает он к себе сыновей и говорит:

— Смерть моя за мной пришла, и придётся вам теперь, сынки, самим о себе думать. Богатства у меня — один яблоневый сад, его вам и завещаю. Делите сад между собой по справедливости, чтоб каждому равный надел достался. И ещё наказываю: ухаживайте за садом хорошенько — деревья заботу любят! Есть в саду одно волшебное дерево. От того дерева — и плод добрый. Отведает хворый человек яблока с волшебного дерева — болезнь с него как рукой снимет. Но какое то дерево и где оно растёт — не скажу. Сами узнаете.

Вот умер отец, и сыновья принялись наследство делить. Меньшой брат был ещё мальчик-подросток и не мог свою долю отстоять. А старших братьев жадность одолела, и подстроили они всё так, что им одним весь сад и достался. Меньшой получил в наследство всего-то одну яблоньку, что как раз посреди сада, на меже новых братниных владений росла. Земли он вовсе не получил, да и яблоньку отдали ему потому, что братьям никак было не сговориться, чьё то дерево будет.

Подумали тогда старшие братья: «Пусть берёт эту яблоню. Яблоки-то с неё всё равно на нашу землю упадут, так что нам они и достанутся».

Меньшой и одному дереву рад. Позволили ему братья тропку на их земле протоптать. Ходил он к своей яблоньке и заботился о ней как умел. А братья лишь о доходах заботились — торговали яблоками вовсю.

И случилось в той стране, что единственная дочка королевская тяжело занемогла. Каких только лекарей ни призывал король, кто только ни лечил принцессу, а исцелить её никак не могли. Лекари только руками разводили.

Повелел тогда король глашатаям объявить по всему государству: кто исцелит принцессу, получит её в жёны и полкоролевства в придачу.

Надумали и братья счастья попытать.

Первым пустился в путь старший брат. Побежал он сперва в сад, набрал со всех своих деревьев яблок, да таких красивых! Уложил он яблоки бережно в корзинку, прикрыл листьями и в замок заторопился.

А путь его лежал через буковый лес, и повстречалась парню в том лесу старушка.

— Доброе утро!— здоровается старушка.— Что это у тебя, милый человек, в корзинке?

— Жабы да лягушки!— отвечает старший брат.— Тебе-то что за дело.

— Пускай тогда и будут жабы да лягушки,— говорит старушка.

На том они и расстались.

Пошёл парень дальше. Вот он уже у ворот замка. Караульные его и спрашивают:

— Зачем пожаловал, парень?

— Яблоки волшебные принёс, они хворь исцеляют; пустите меня в замок к принцессе,— отвечает старший брат.

Обрадовались караульные.

— Вот здорово! Поглядим сперва твои яблоки, какие хоть они с виду!

Приподняли листья, а в корзинке жабы да лягушки так и кишат! Задали тут стражники парню трёпку, отругали его на чём свет стоит, нахлобучили ему корзинку на голову да и выгнали.

Средний брат тем временем на свой надел побежал, набрал с деревьев полную корзинку яблок, да таких красивых! Прикрыл он яблоки листьями и на королевский двор направился.

А путь его лежал через буковый лес, и повстречалась парню в том лесу старушка.

— Добрый день!— здоровается старушка.— Что это у тебя, милый человек, в корзинке?

— Червяки да ящерицы!— отвечает средний брат.— Тебе-то что за дело, старая карга?

— Пускай тогда и будут червяки да ящерицы!— говорит старушка.

На том они и расстались.

Заторопился парень в замок. Подошёл к воротам замка, а караульные его и спрашивают:

— Зачем пожаловал, парень?

— Яблоки волшебные принёс, они хворь исцеляют,— отвечает он.— Яблоки принцессу спасут.

Обрадовались караульные:

— Ну-ка поглядим, какие твои яблоки с виду!

Приподняли они листья, а в корзинке червяки да ящерицы так и кишат.

Нахлобучили стражники парню корзинку на голову да вздули так, что он еле ноги уволок.

Наконец прослышал про королевскую беду меньшей брат. Захотелось и ему счастья попытать. Набрал он яблок со своего единственного дерева, уложил их бережно в корзинку, листьями прикрыл и на королевский двор отправился.

А путь его лежал через буковый лес, и повстречалась парню в том лесу старушка.

— Добрый вечер!— здоровается старушка.

— Вечер добрый!— отвечает меньшей брат.

— Что у тебя в корзинке?— спрашивает она.

— Яблоки волшебные, они хворь исцеляют,— отвечает он.— Отвечает принцесса такое яблоко — и сразу выздоравливает.

— Пускай тогда и будут яблоки волшебные!— говорит старушка.

Пошла она своей дорогой, а паренёк в замок поспешил. Миновал он буковый лес, а дальше дорога берегом озера тянется. Видит парень: выбросили волны на берег большую щуку. Лежит она на сухом песке, пасть разинула, воздух хватает.

— Ах ты бедняга!— говорит он.— Помогу тебе в беде!

Поставил корзинку наземь, поднял щуку и бросил её в озеро. Трудно ему пришлось — щука-то тяжёлая была. Только взялся он за корзинку и собрался дальше идти, а щука из воды пасть высунула да и говорит:

— Спасибо тебе! Попадёшь когда-нибудь сам в беду, я тебе пригожусь. Только кликни — тотчас приплыву.

Плеснула щука хвостом и скрылась под водой.

Пошёл паренёк дальше и видит: столкнулся в воздухе пчелиный рой с вороном и разминуться никак не могут: мечутся пчёлы, жужжат: ворон вьётся, каркает. Давай тут пчёлы ворона жалить, а ворон пчёл клевать. Всем досталось.

Подошёл к ним меньшей брат и говорит:

— Вот неразумные! Зачем бьётесь, когда можно миром разойтись:

Взлети ты, чёрный ворон, ввысь,

А рой пчелиный — вниз спустись!

Послушались паренька ворон и пчёлы. Взлетел ворон ввысь и кричит:

— Кар-р-р! Кар-р-р-р-р-р! Спасибо за добрый совет! Случится тебе в беду попасть, кликни меня, я тебе пригожусь.

А пчелиный рой опустился на пенёк — и ну копошиться, ну ползать, ну жужжать:

— Ж-ж-ж-ж! Спасибо за добрый совет! Только кликни нас, мы тебе в любой беде поможем.

Добрался наконец меньшей брат до ворот замка. А там караульные стоят и спрашивают его:

— Зачем пожаловал, паренёк? Чего тебе тут надо?

— Да вот корзинку с волшебными яблоками принёс, они хворь исцеляют,— говорит меньшей брат.— Пустите меня в замок к принцессе.

Обрадовались караульные:

— Хорошо бы так! Но сперва поглядим, какие это яблоки. Насмотрелись мы нынче всяких диковин!

Приподняли они листья и видят — малый не врёт. Полным-полна корзинка яблок, да таких красивых с виду! Дал паренёк караульным по яблоку. Отведали они тех яблок — сил у них сразу поприбавилось. И уж так легко, так весело стало на душе, что и передать нельзя.

Повели они меньшого брата к королю, а тот его к принцессе проводил.

Вошли они в королевские покои и видят: лежит принцесса, не шелохнётся; и такая она хилая, хвораая да слабая, что и веки поднять не в силах.

Дал паренёк принцессе яблока отведать. Съела она яблоко — и голову с подушки приподняла. Съела другое — и на ноги встала. А третье съела — как вскочит, как пустится в пляс! Такой здоровой она отродясь не бывала.

Обрадовался король и говорит дочери:

— Придётся выполнить мне то, что обещал, и отдать тебя твоему спасителю в жёны.

Но королевне такой муж не по праву пришёлся.

— Не бывать тому! — сказала она. — Не пойду замуж за простого крестьянского парня!

И стала она отца попрекать:

— Не совестно тебе свою единственную дочку за человека без роду, без племени отдавать? И сам-то он никуда не годен, и ничего-то он не умеет! Знает только яблоки с дерева сбивать. Не пойду за него, покуда не добудет со дна озера перстень, что ты, батюшка, обронил. Тому уж, почитай, лет двадцать будет!

Говорит тогда король пареньку:

— Придётся тебе, молодец, перстень со дна озера добыть. Не желает иначе принцесса за тебя замуж идти.

Услышал меньшой брат такие речи, закручинился. Стал он думать, как тут быть. И вспомнил про то, что ему щука посулила.

Побежал он на берег озера, стал щуку кликать:

Эй, щука, выйди из воды,
Скорее горю помоги!

Приплыла щука, и поведал он ей про свою беду. Нырнула щука на дно, и не успел парень опомниться, как она опять выплыла, а в зубах у неё перстень золотой! Отлегло у парня от сердца, и поспешил он с перстнем в королевский замок.

Принял король перстень — дивится:

— Да, перстень тот самый, не будь я король! Его я и обронил в озеро лет двадцать тому назад.

Пошёл король к дочери и говорит:

— Придётся тебе выйти за молодца замуж. Сама знаешь, твоя рука ему за исцеление обещана. А теперь он и перстень со дна озера достал, как ты велела. Выходи за него! И отговариваться не смей!

Стала принцесса опять отцу перечить:

— Испытай его ещё раз. Пусть выстроит замок не меньше и не хуже нашего королевского. И пусть будет тот замок воску ярого и блестит на солнце, как чистое золото.

Опять послушался король дочери. Пошёл он к парню и говорит:

— Придётся тебе, молодец, замок выстроить, не меньше и не хуже нашего королевского. И пускай будет он воску ярого и блестит на солнце, как чистое золото. А не то не видать тебе моей дочери!

Что тут поделаешь?! К счастью, вспомнил парень про пчёл. Побежал он в лес и стал пчёл кликать:

Эй, пчёлки малые, летите!
Скорее горю помогите!

Только кликнул — показалось ему, будто туча солнце закрыла. А это рой пчелиный с пашен и лугов прилетел. Вьются над парнем пчёлки, жужжат: ж-ж-ж-ж!

Поведал он им про свою беду.

— Не горюй! — зажужжали пчёлки. — Выручим! А ты пока спать ложись!

Заметались пчёлки, закружились, стали воск таскать и замок строить. Строили они, строили — всю ночь напролёт. А только рассвело, проснулись люди и ахнули: стоит на взгорье замок воску ярого и блестит на солнце, как чистое золото! Не хуже и не меньше он замка королевского.

Пошёл король к дочери и говорит:

— Теперь уж отговариваться не смей. Сама видишь, такого умельца больше не сыскать.

Уставилась на замок принцесса — такое чудо ей и не снилось. Но ей всё мало!

— Пускай ещё подвиг совершит, тогда уж, так и быть, пойду к нему в жёны! Пусть добудет головню из самого пекла. Ничего мне тогда от него больше не надо!

Разгневался король: надоели ему глупые выдумки. Но привык он дочке во всём потакать. Пошёл к парню и говорит:

— Приказывает тебе принцесса головню из самого пекла добыть.

Затужил было парень, да вспомнил про ворона.

Вышел он из замка и кличет:

Эй, чёрный ворон, ко мне скорей!
Да помоги беде моей!

Прилетел тут ворон, услышал, что от него надобно, закаркал:

— Кар-р-р! Кар-р-р-р-р-р! Не тужи, сделаю, что смогу.

Улетел ворон и тотчас назад воротился, а в клюве у него головня из пекла пылает и дымится. Хватает парень головню железными щипцами, бежит во весь дух в королевский замок и швыряет её принцессе под ноги. Взметнулось пламя — принцесса от дыма и серного духа чуть не задохнулась.

От страха кинулась она к парню и согласилась замуж за него выйти. Сыграли они весёлую свадьбу, и дал король дочери в приданое полкоролевства.

КОНЁК-КОЛЧЕНОГ

Жил-был в давние времена король, и был у него один-единственный сын. А уж пригож был молодой принц! Таких на всём свете больше не сыскать! И сердцем он был добр, и умом не обижен. Одно плохо: очень уж кичился принц своим саном, разумом и красотой! Уродов вокруг себя он терпеть не мог. Подавай ему только красавцев да красавиц!

— Как гляну на урода, так мне тошно делается! — бывало, говорил он.

Довелось однажды принцу со своими придворными в отъезде поле охотиться. Стали они станом у самой просёлочной дороги и завтракают. И видят вдруг: едет по дороге старик на шелудивом коньке верхом.

Уж до чего был неказист с виду тот старик! И горбатый, и одноглазый, и кривошени, а одёжка на нём бедная да грязная. И лошадь под стать хозяину — конёк маленький, брюхатый, косматый да ещё хромою на переднюю ногу. Одним словом — кляча крестьянская заезженная!

— Фу!— закричал принц.— Глаза бы мои на это уродство не глядели! Убрать с дороги старикашку поганого вместе с его поганой клячей! Ну и уроды! Из-за них кусок в горло не идёт!

Придворные рады стараться — прогнали ездока-оборванца, и вскоре он скрылся из виду.

Но старик оборванец вовсе не был таким жалким и беззащитным, каким прикинулся. Был он искусный колдун и надумал проучить спесивого королевича, чтоб неповадно ему было над несчастными уродами да над бедняками измываться.

Вскоре снова предстал он перед принцем в обличье кривого старика, тронул его своим посохом и сказал:

— Узнаешь теперь, сладко ли живётся такому коньку, как мой! Будь в его шкуре, покуда незамужняя принцесса не скажет тебе: «Друг ты мой любезный!»

Только вымолвил он эти слова, как обернулся красавец принц точь-в-точь таким же жалким коньком, что и стариковский. Прежде принц на такого бы и не взглянул!

В замке переполох: пропал королевский сын, и никто не знает, куда он подевался.

А принц тем временем бродил по лесу в обличье понурого конька, ростом с телёнка, да винил во всём и бранил самого себя. Понял он наконец: никогда спесь к добру не приводит!

Понять-то понял, да поздно! И что ему теперь делать, он не знал. Идти домой в королевский замок не стоит: всё равно никто его там не признает.

Голодный и бесприютный, ходил он по лесу день, ходил другой. А на третий день случилось так, что увидел конька крестьянский паренёк Ханс. Подошёл к нему мальчик, ласково заговорил, по холке потрепал, вот конёк за ним и увязался. Так вместе и пришли они к Хансу домой. А жил Ханс с отцом на лесной опушке.

— Погляди-ка, отец!— сказал мальчик.— Вот тебе новый конёк вместо старого, что пал вчера.

— Невелико счастье!— говорит крестьянин, отец Ханса.— Не конёк это, а старая кляча. Он и корма-то своего не отрабатывает. Ну да ладно, поглядим! Может, на что и сгодится!

Отвели они конька в конюшню, а наутро запряг его хозяин в плуг, и конёк бодро потянул его.

— Я-то думал, что кляча заезженная,— говорит крестьянин.— А конёк только с виду дохлый. Корми его хорошенько, может, и будет тогда от него какой ни на есть прок.

Прозвал Ханс своего конька Конёк-колченог. И до того он ему полюбился! Кормил Ханс конька, чистил, ласкал и холил. И был конёк хозяевам не в тягость — корм свой отрабатывал. Вот управился крестьянин с севом и говорит сыну:

— Езжай-ка поутру в город, сходи к кузнецу да вели подковать коньку передние копыта, надо его продать.

Пригорюнился Ханс. Хотелось ему конька себе оставить. Ну да с отцом не поспоришь!

Отправился Ханс в город. Только подковал кузнец коньку передние копыта, глядь — пред Хансом кривой старик появился и спрашивает:

— Не продаёшь ли коня?

А Ханс возьми да и пошути:

— Отчего не продать! Только цена ему — две сотни далеров!

— Дороговато за такого-то коня! — говорит старик. — Ну да ладно, по рукам! Вот тебе две сотни далеров!

— Нет! — молвил тогда Ханс. — Продать я конька не смею. Не мой он, отцовский!

— Тогда ступай домой и спроси отца, можно ли конька продать, — сказал старик.

Не по душе пришлись Хансу такие слова. Сел он на конька и поскакал домой. Ни словом не обмолвился Ханс отцу, что мог он за конька две сотни далеров взять.

Немного погодя открылась в городе конская ярмарка. Собрался и крестьянин на торг ехать и говорит Хансу:

— Почисти получше конька, он нынче на ярмарку пойдёт!

Затужил Ханс, просит отца:

— Возьми меня, батюшка, с собой!

— Нет, поеду один! — сказал отец.

— Тогда проси за конька три сотни далеров! — говорит Ханс.

— Да ты, никак, рехнулся, малый! Сотня далеров — вот ему красная цена!

Тут Ханс и рассказал, что ему за конька две сотни далеров сулили.

— Простофиля! — закричал в сердцах отец и закатил Хансу оплеуху.

Сел крестьянин на конька и на ярмарку поскакал. Хоть и разолился он на Ханса, а всё ж таки запомнил, что ему сын рассказал.

Обступили крестьянина на торгу барышники, спрашивают:

— Какая коню цена?

— Три сотни далеров! — бойко отвечает крестьянин.

Посмеялись над ним покупщики и говорят:

— Такой-то падали красная цена — сотня далеров, да и то в базарный день.

Но крестьянин стоял на своём и цену не сбавлял.

Под конец явился на ярмарку кривой старик. Не стал он с крестьянином торговаться — сразу выложил три сотни далеров.

Пришёл крестьянин пешком домой, выгодной сделке не радуется. А Ханс плачет да горюет. Ищет его поутру отец, ищет, только паренька и след простыл.

— Побежал, поди, за коньком! — сказала мать.

А Ханс и вправду за коньком побежал.

Разузнал он на ярмарке, что старик, который конька стороговал, уехал за сотню миль от города.

— Богат тот человек несметно, да к тому же и из знатных! — сказали Хансу люди. — Уж не из королевских ли он приближённых?

Мигом собрался Ханс в путь-дорогу. Прошёл он за день не один десяток миль и к вечеру добрался до королевского замка. Попросился он там на службу в конюшню. Взяли Ханса в конюхи, но конька своего он в королевской конюшне не сыскал.

И вот однажды видит Ханс: останавливаются на площади перед замком санки, а в них его конёк запряжён. Обрадовался Ханс, подошёл к коньку, треплет его по холке, ласково поглаживает.

А тут, надо же, случись такое: пробегает мимо меньшая принцесса, совсем ещё дитя. Видит она, как Ханс конька поглаживает, и говорит:

— Хочу такую лошадку! Пусть катает меня верхом и на санках. Ладно, Ханс?

— Ясное дело, пусть катает, — говорит Ханс. — Мне ли этого конька не знать! До того он резвый, до того верный, что другого такого не сыщешь.

Побежала принцесса к своему королю-отцу и просит:

— Купи мне ту лошадку!

— Да это ж кляча дохлая! — говорит король. — Бери из моей конюшни любого коня, какой приглянется. Мало тут разве добрых коней?!

А королева и слышать про другого коня не желает. И так она упрашивала отца, так умоляла, что король под конец согласился и купил ей конька.

— Ухаживай за ним хорошенько. Ханс! — приказала маленькая принцесса.

А Ханс и сам рад!

Ходил Ханс конька, кормил досыта, и конёк день ото дня всё краше да краше становился. А маленькая принцесса каталась на нём и верхом, и на санках и души в своей лошадке не чаяла.

Была у короля, кроме маленькой принцессы, ещё одна дочь, сыновьями его судьба обделила. И вот случилось однажды старшей принцессе рыбу удить. Удила она рыбу, удила да и обронила в воду перстень, что ей в наследство от матери достался. Перстень не простой, а волшебный — счастье он людям приносил.

Затужил король и его старшая дочка. И велел король перстень во что бы то ни стало сыскать. Но перстень так и не нашёлся. Приказал тогда король глашатаям объявить: «Кто сумеет перстень отыскать, отдаст тому король в награду полкоролевства и старшую принцессу в жёны. А кто возьмётся за это дело и не сделает — не сносить ему головы».

Понаехало тут немало князей, графов да всякой знати из своих и из чужих земель. Искали они перстень, искали, многие жизни лишились, но перстень так и не отыскался.

А меньшая принцесса день ото дня любила своего конька всё больше и больше. Велела даже его золотыми подковами подковать.

Вот однажды повёл Ханс-конюх конька на водопой и видит в воде красивую золотую рыбку. Прыгнул он в озеро, хотел рыбку поймать, да не сумел. На другой день снова повёл Ханс конька на водопой. Вошёл конёк в озеро, брык ногой — и выбросил из воды на берег ту самую золотую рыбку. Отнёс Ханс рыбку на королевскую поварню, и все — король, его дочери, придворные и челядь, все от мала до велика, — сбегались на неё поглядеть.

А как разрезали рыбку — видят: лежит у неё в брюхе перстень бесценный.

Сказал тут король старшей дочери:

— Придётся тебе Ханса-конюха в мужья взять. Он твой перстень принёс.

Принцесса и сама-то, как видно, не прочь. Да и Ханс не отказывался, только сказал:

— Достал-то перстень не я, а королевский конёк. Это он золотую рыбку на берег выбросил.

Как услышала это меньшая принцесса, побежала она в конюшню к своему коньку, обхватила его за шею, целует да приговаривает:

— Не хочу, чтоб ты женился на сестрице; пускай лучше за Ханса-конюха выходит. А тебя я никуда не отпущу. Друг ты мой любезный!

Только вымолвила она эти слова — конька словно не бывало! Стоит перед принцессой молодой красавец принц, а принцесса его за шею обнимает.

Поведал ей принц про свои беды, про то, как был наказан за свою спесь и как потом раскаялся. Пошли они к королю и сыграли свадьбу в тот самый день, когда обвенчались Ханс-конюх со старшей принцессой.

Поехал красавец принц с молодой принцессой домой, в отцовское королевство. То-то было радости, как увидели его в живых да ещё с красавицей женой! Думать забыл принц про свою спесь. И жил он в любви да согласии с меньшей принцессой долгие годы.

Ханс-конюх тоже жил не тужил со старшей принцессой. А как умер старый король, отошло Хансу всё его королевство.

САННЫЙ ПОЕЗД

Жил-был в старину один датский король. А как звали короля — никто теперь уже и не помнит. Сказывают только — была у того короля одна-единственная дочка.

Всем взяла молодая принцесса — и умом, и красотой, и добрым правом. Только вот беда: печальней её на всём свете не было. Не засмеётся, бывало, принцесса, не улыбнётся даже — что хочешь делай!

День-деньской плачет да горюет, хмурится да куксится. Так и прозвали её — принцесса Кукса.

Сам-то король был человек весёлый. Однако, глядя на дочь, и он сам не свой стал: брюзжит, ворчит, всё-то не по нём. И то сказать: детей у него — одна дочка. Значит, ей и королевой после него быть. А как ей государство доверить, когда она только и умеет, что плакать да вздыхать. Не ровен час — и вовсе от печали умрёт!

Испугался король и объявил: «Всякий, кто рассмешит принцессу, получит её в жёны и полкоролевства в придачу».

Отыскалось тут немало охотников счастья попытать. Как только не потешали они королевскую дочь, как не веселили! И притчи

сказывали, и загадки загадывали, и пели, и плясали. А всё зря! Принцесса и не улыбнётся. Так и отъезжали все женихи со двора не солоно хлебавши.

До того нагляделся король на эти потехи, до того наслушался разных шуток-прибауток, что ни видеть, ни слышать их больше не мог. А пуще всего надоела ему родная дочка. Как ни веселили её, как ни потешали, она всё плакала да куксилась.

И вот, чтоб поменьше докучали ему бесталаппные женихи, издал король новый указ:

«Всякий, кто рассмешит принцессу, получит её в жёны и пол-королевства в придачу. А не рассмешит — горе ему! Окунут его в смолу, вываляют в перьях и прогонят с позором со двора».

Женихов сразу поубавилось. А принцесса как была, так и осталась Кукса.

Жил в той самой стране один человек, и было у него три сына: Педер, Палле и Еспер, по прозвищу Настырный.

Жили они в глуши, так что немалый срок прошёл, покуда они про королевский указ прослышали.

Смекнули тут братья разом: «Счастье само нам в руки идёт. Всего-то и дела — принцессу рассмешить!»

«Уж я-то в забавах толк знаю», — подумал Педер и тут же собрался счастья попытать. Дала ему мать на дорогу котомку со всякой снедью, а отец — кошелёк с далерами.

Идёт Педер путём-дорогою, а как дошёл до курганов Ос, что меж Северным морем и Лимфьордом, глядь — идёт на-встречу ему старушка, бедная, в лохмотьях, саночки за собой волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

— Ишь чего захотела, старая карга! — обозлился Педер. — Хлеба и денег у меня самого в обрез, а путь ещё не близкий!

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул Педер рукой на старушкины речи.

«Пусть её, старая ведьма, болтает!» — подумал он.

Шёл Педер, шёл, близко ли, далёко ли, пришёл наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Педер, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королёю и его дочке своё искусство показывать. А умел Педер самые потешные на свете песни петь. Крепко он на них надеялся, когда в замок шёл. Пел он теперь эти песни, пел одну за другой. А толку — ни на грош!

Хоть бы улыбнулась принцесса. Окунули тут Педера в смолу, вываляли в перьях и прогнали с позором с королевского двора.

Добрую четверть постного масла извела мать, покуда смолу с Педера смыла.

«Педеру не повезло, авось Палле счастье улыбнётся», — решили старики.

Собрали они Палле в дорогу. Дала ему мать котомку со снедью, а отец — кошелёк с далерами. Отправился и он в путь-дорогу; и ему у курганов Ос старушка с саночками повстречалась.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

Но и Палле отговорился и ничего ей не дал.

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул рукой на старушкины речи Палле.

«Пусть её, старая ведьма, болтает», — подумал он.

Шёл Палле, шёл, близко ли, далёко ли, пришёл наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Палле, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королёю и его дочке своё искусство показывать. А умел Палле самые потешные небылицы плести. Плетёт он, бывало, свои небылицы, плетёт, все кругом со смеху помирают. Вот и теперь, как стал он рассказывать, сам хохочет, король хохочет, а принцесса только от скуки позёвывает.

Отпотчевали тут Палле так же, как и Педера: окунули в смолу, вываляли в перьях, и вернулся он домой — глядеть жалко.

А Есперу хоть бы что! Не боится он, что и его участь братьев постигнет. Заладил одно:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

— Эх, дурень ты горемычный! — сказали отец с матерью. — Неужто, по-твоему, ты удачливее братьев? Куда тебе до них! И песни они поют, и небылицы плетут. А с тобой — один грех! Ничего-то ты не умеешь, только на потеху себя выставишь!

— Этого-то мне и надо! — обрадовался Еспер.

Отговаривали его старики по-всякому, только Еспер знай своё твердит:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

Что тут делать? Дала ему мать чёрствых корок на дорогу, а отец — денег малость. С тем он и в путь отправился.

Вот идёт себе Еспер, притомился, и захотелось ему отдохнуть. Уселся он у обочины дороги близ курганов Ос, чёрствые корки

грызёт. А тут, откуда ни возьмись, старушка. И саночки за собою волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлеба да скиллинг на бедность?

— Бери, бабушка, на здоровье!

Отдал ей Еспер все корки, какие остались, да половину денег.

Поела старушка и спрашивает:

— Куда идёшь, добрый человек?

— К королевскому двору иду, — отвечает Еспер. — Надо принцессу Куксу рассмешить, тогда мне её в жёны отдадут.

— А придумал ты, как её потешать будешь? — спрашивает старушка.

— Нет! — говорит Еспер. — Ну да не беда, придумаю! Люди-то все и так надо мной смеются, а принцесса, чай, тоже человек!

— А не лучше ли будет, коли я тебе помогу, как и ты мне помог? Бери мои санки! Видишь, сзади на них резная деревянная птичка? Так вот. Только сядешь в санки да скажешь ей: «Чик-чирик, пташка!» — санки и помчатся по дороге. Потому что санки эти не простые, а самоходные. Скажешь: «Тыр-ру!» — они и станут. А тронет кто санки, птичка встрепенётся и закричит: «Чик-чирик! Чик-чирик!» Прикажешь: «Держи крепче!» — и кто бы ни был в санках — не оторваться ему от них, покуда не скажешь: «Отпусти!» Приглядывай хорошенько за санками, чтоб их никто у тебя не украл. Уж с ними-то наверняка ждёт тебя удача!

— Спасибо, бабушка, за подарок! — поблагодарил Еспер старушку, уселся в санки и крикнул: — Чик-чирик, пташка!

Понеслись тут санки-самоходы по просёлочной дороге, словно мчала их пара лихих коней. Глядят люди вслед, дивятся — не надвигаются. А Есперу будто и дела нет, будто и не привыкать ему так ездить.

Мчатся санки по просёлочной дороге, не останавливает их Еспер. Лишь поздно вечером повернул он на постоянный двор — почевать. Санки взял с собой в горницу, привязал их крепко-накрепко к постели. Санки-то резвые да скорые, того и гляди, сбегут!

Люди на постоялом дворе видели, как лихо подкатил Еспер к воротам, и долго удивлялись такому чуду. Но пуще всех разоблало любопытство трёх слуганок.

Очень уж хотелось им самоходные санки разглядеть. И вот ночью, только Еспер заснул, встаёт одна из слуганок и тихонько

в горницу пробирается. Подкралась она к санкам, нащупала их, и тут:

— Чик-чирик! Чик-чирик! — встрепелась и закричала птичка. Вмиг проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже служанке от санок не оторваться. Стоит, с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и опять заснул.

Немного погодя прокралась в горницу другая служанка и тоже — хватать санки!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже вторая служанка с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и снова заснул.

Служанки на постоялом дворе были одна другой любопытней. Под конец и третья служанка не выдержала, прокралась в горницу и тоже — хватать санки.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

Стоят все три служанки, с места двинуться не могут.

Спозаранку, покуда на постоялом дворе ещё не проснулись, выволок Еспер санки на дорогу. И пришлось служанкам, хочешь не хочешь, следом тащиться, а они в одних ночных рубахах!

— Чик-чирик, птичка!

И покатили санки по просёлочной дороге, а горемычные служанки бегут что есть духу следом. Щёки у них от стыда пылают, слёзы градом катятся: в одних рубахах при всём честном народе предстали.

Ехал Еспер, ехал, попадаетеся ему по дороге церковь. А пастор с пономарём как раз идут туда службу отправлять.

Увидели они чудной поезд, крестятся!

— Эй вы, бесстыжие! Бегае за парнем, да ещё в одних рубахах! — крикнул пастор служанкам.

Схватил он за руку ту, что позади всех бежала, и тянет её прочь.

Но не тут-то было!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

И уж не разжать пастору рук. Пришлось ему следом за служанками бежать.

— Господи, помилуй нас! Ваше преподобие! — заорал пономарь. — Куда вы? Да и не пристало в ваши лета да при вашем-то сани за молодыми служанками гоняться!

Подбегает пономарь к санкам и хватается за пасторскую ризу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и пономарю вместе со всеми по дороге бежать.

Подъехали санки к кузнице. Кузнец только-только лошадь подковал и в правой руке ещё кузнечные клещи держит, а в левой у него — пучок сена, которым он лошадь подкармливал.

Мчатся мимо санки, полощется по ветру пола пономарёвой рясы. А кузнец был малый весёлый. Как увидел самоходный поезд, захохотал во всю глотку и цап клещами пономаря за полу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и кузнецу бегом за пономарём пуститься, а пучок сена за ним следом волочится.

Летят санки по дороге, навстречу им — гусиное стадо. Увидели гуси сено, крылья распустили, бегут к санкам, с ноги на ногу переваливаются, и ну сено щипать.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Пришлось и гусям от других не отставать; сколько ни шинели, сколько ни гоготали — толку мало. Бегут следом, с ноги на ногу переваливаются.

Долго ли, коротко ли ехали, а подъехал санный поезд к королевскому двору. Завернул туда Еспер со всей своей свитой.

Трижды объехал потешный поезд вокруг замка. Что тут было! Шум на всю округу!

Служанки в одних рубахах голосят что есть мочи; пастор в полном облачении молится и стонет; пономарь не своим голосом воет и ревёт; кузнец хохочет и чертыхается; гуси гогочут и шинят.

На шум сбежалась вся челядь из замка, пришлось и королю с принцессой выйти поглядеть на Еспера со свитой. Ну и хохотал король, даже икать стал. А как взглянул на дочку — глазам не верит: хохочет принцесса Кукса, да так, что слёзы у неё по щекам градом катятся.

— Тпр-ру! — приказал Еспер, и санки-самоходы стали.

— Отпусти! — снова приказал Еспер Настырный.

Пустились тут бежать без оглядки гуси и кузнец, пономарь и пастор, а под конец — все три служанки.

Взбежал Еспер к принцессе на крыльцо и говорит:

— Ага, рассмешил я тебя! Теперь ты моя!

Вот так и взял себе в жёны Еспер, по прозвищу Настырный, принцессу Куксу да ещё полкоролевства в придачу получил. А после смерти старого короля досталось ему и всё королевство.

СОДЕРЖАНИЕ

3

Л. Брауде. О чём пели три волшебных листочка

НОРВЕЖСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

11

Коза — Золотые Рожки

15

* Принцесса с Хрустальной горы

26

Кто нынче мал, завтра велик

33

Пер, Пол и Эспен Аскеладд

38

Шкипер и чёрт

40

* Аскеладден, что с троллями состязался

ШВЕДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

47

* Звенит ли моя липа, поёт ли соловей?

62

Бедняк и богач

64

Охотник Брюте

68

Златогривый конь

78

Тётушки

84

* Три волшебных листочка

ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

115

Солдатский ранец

123

Кто первый разозлится

134

Откуда птицы-птигалицы пошли

142

Дочь колдуна

151

Волшебное дерево

159

Конёк-колченог

165

Санный поезд

Звёздочкой обозначены сказки, впервые переведённые и обработанные для детей.

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ ЛИСТОЧКА

Скандинавские народные сказки

Перевод и обработка Людмилы Брауде

Для младшего школьного возраста

Редакторы Ю. В. Слюсарева, Л. Г. Растатурнина

Художественный редактор Р. С. Каселова

Технический редактор С. М. Паль

Корректор Л. Т. Дмитриева

ИБ № 1327

Сдано в набор 19.02.85. Подписано в печать 19.12.85. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура бодони. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр.-отт. 52,07. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 100 000 (II завод 50001—100000) экз. Заказ 825. Под. № 62. Цена 90 коп. Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Антонина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Т67 Три волшебных листочка: Скандинавские народные сказки. / Пер. и
обработка Л. Брауде; худож. Т. Юфа.— Петрозаводск: Карелия, 1986.—
174 с., ил.

В сборник включены норвежские, шведские и датские народные сказки, записанные в свое время и изданные
учеными-фольклористами норвежцами Петером Кристеном Асбьергсеном и Нореном Ингебретсеном Му, шведом
Гуннаром Улофом Хюльтен-Каваллиусом, латвийцем Свенсом Херслебом Грудтгеном и др.

Т 4803020000—085 65—85
M127(03)—86

82.33—6

90 коп.